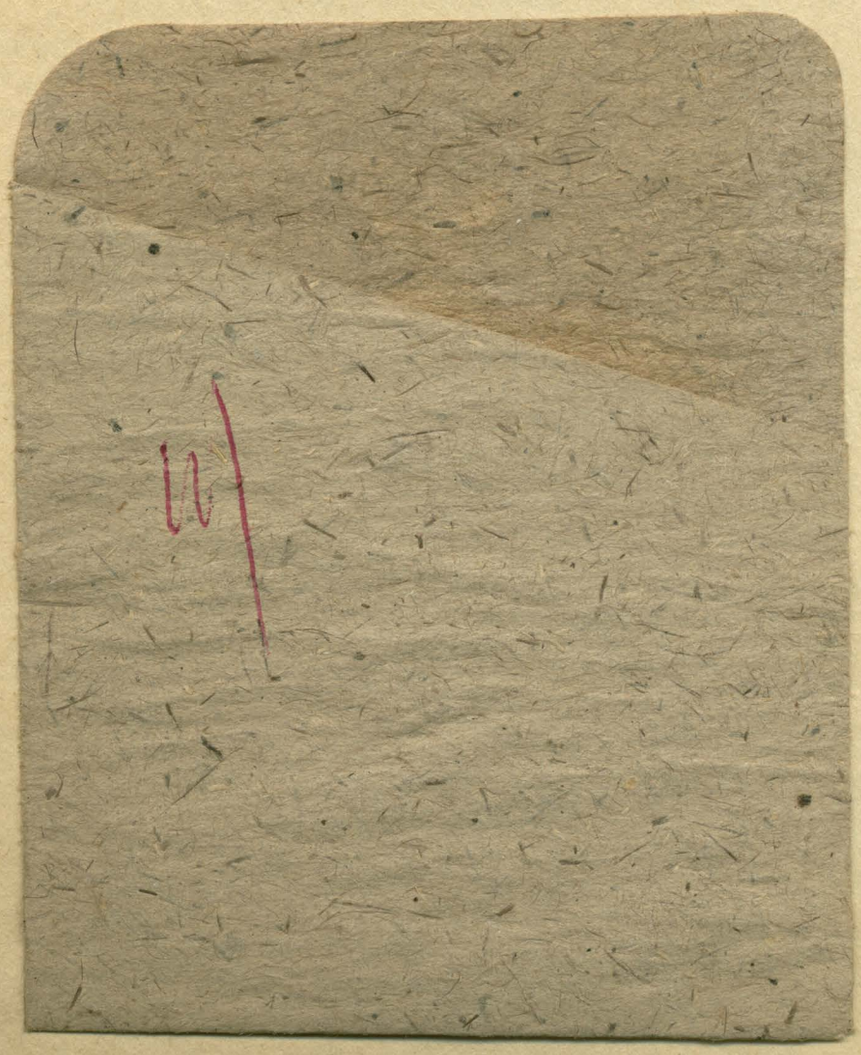
~~9(с18)~~ 63.3(2р-4к)
Н62
краевед
М. Никитин
44401и

ЖЕМЧУЖИНА КУЗБАССА

ОНТИ
НКТП
ССРР
1935

R.S.L. KEMEROVO
81052
Эк



И. СТАЛИН

...«ПРЕВРАТИТЬ КУЗБАСС ВО ВТОРОЙ ДОНБАСС».

Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КУЗБАССУГОЛЬ

ЦЕНТР. ГОСБИБЛИОТЕКА Т.С.С.Р.
Инв. № 99683-3
991.71-4:69:622
633(2Р-4К)
Н62

ЖЕМЧУЖИНА КУЗБАССА

☆

Очерки
МИХ. НИКИТИНА и Г. ВЯТКИНА

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ РУДНИКА И ГОРОДА ПРОКОПЬЕВСКА В КУЗБАССЕ И О ЛЮДЯХ, СОЗДАВШИХ ЕГО

☆

Вступительная статья
Л. ПЛЕХАНОВА

Под редакцией
Вивиана ИТИНА

ОНТИ ◆ НКТП ◆ СССР
Государственное объединенное
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Главная редакция горнотопливной литературы
МОСКВА 1935 ЛЕНИНГРАД

ГТ-99-4 (3)-3

Кемеровская областная
научная библиотека
Основной фонд
№ 444014

Москва, ЦК ВКП(б) —

товарищу СТАЛИНУ.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Собравшийся слет горняков-ударников Прокопьевского района шлет Вам пламенный горняцкий привет.

Выполняя Ваши указания о создании второй угольно-металлургической базы на Востоке и о превращении Кузбасса во второй Донбасс, горняки-ударники Прокопьевского и Киселевского рудников 24 ноября досрочно выполнили годовой план угледобычи.

Мы добыли 3.935.000 тонн угля. Себестоимость тонны угля — 98 проц. плановой. Производительность труда — 104 проц. плана. Мы достигли первых результатов по освоению новых механизмов шахт и по превращению Прокопьевска в благоустроенный город с вновь построенными тремя клубами, кинотеатром, новыми школами, больницей, банно-прачечным комбинатом и т. д.

Выросли сотни лучших ударников, десятки умелых инженеров и техников, активно борющихся за освоение техники, за новые методы культурной работы в шахтах.

Еще более велики задачи, стоящие перед нами в 1935 г.!

Слет горняков-ударников берет обязательство — ДАТЬ СТРАНЕ К VII С'ЕЗДУ СОВЕТОВ СВЕРХ ПЛАНА 500 ТЫСЯЧ ТОНН УГЛЯ.

Да здравствует наша партия — могучая партия ЛЕНИНА — СТАЛИНА!

Да здравствует наш великий вождь, товарищ СТАЛИН!

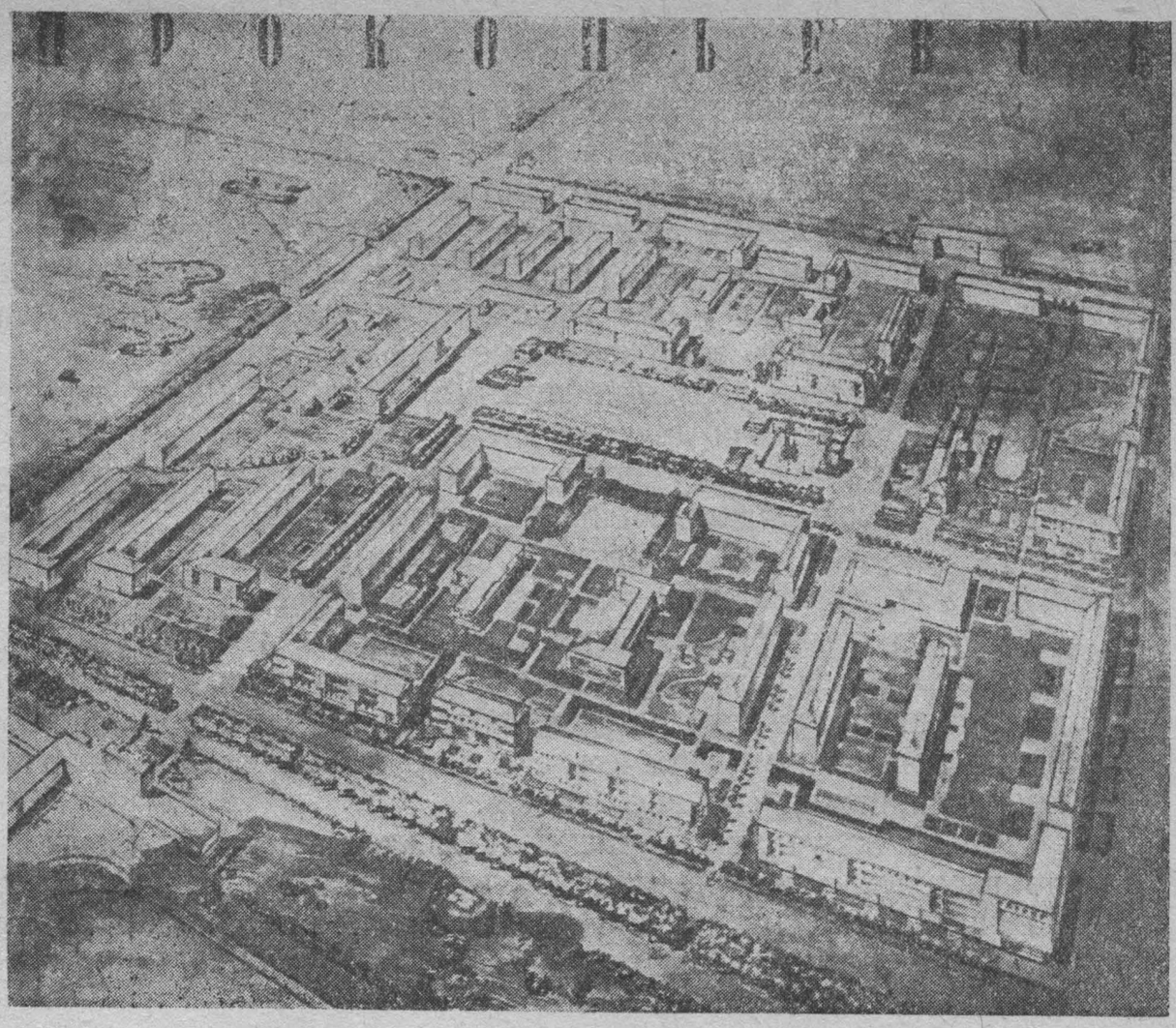
ПРЕЗИДИУМ СЛЕТА.

В. МОЛОТОВ.

Председатель Совета народных комиссаров.

«ПО УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МЫ УЖЕ СТАВИМ ЗАДАЧУ ПРЕВРАЩЕНИЯ КУЗБАССА В НОВЫЙ ДОНБАСС».

Из доклада на XVII съезде ВКП(б)



Проектировка будущего Прокопьевска

Л. Плеханов

ПРОКОПЬЕВСКИЙ РУДНИК

Прокопьевск — это самый крупный рудник в мире. Прокопьевск — это сокровищница коксовых углей. В начале первой пятилетки он дал стране — 800 тыс. тонн угля, в 1933 году — 2.635 тыс. тонн, в 1934 году — 3.638 тыс. тонн. В 1935 г. он даст 4.500 тыс. тонн. Прокопьевский рудник будет быстро расти: ведь, он, этот огромный рудник, по возрасту малыш — ему всего каких-нибудь 6—8 лет...

Мы гордимся этим рудником. Он создан заново, на наших глазах. Он — детище советской власти. Он — ярчайшее, бесчисленное доказательство мудрого предвидения ЦК нашей партии, нашего великого вождя т. *Сталина*. Его указания вдохновляли и вдохновляют сотни тысяч шахтеров, строителей Кузбасса.

Прокопьевск — наши успехи, наша борьба за бурный расцвет социалистического строительства.

В Прокопьевске, как в зеркале, отражаются все этапы превращения Кузнецкого бассейна в мощный индустриальный центр. Может быть нигде так ярко, как на примере строительства Прокопьевского рудника, можно видеть различные этапы совершенствования техники добычи угля, политической, культурной переплавки человека, организации быта в самом широком смысле этого слова на социалистических основах.

Прокопьевский рудник — это рудник особенностей. Мощность его пластов доходит до 14 м. Средняя насыщенность углем Прокопьевского месторождения составляет около 10%, т. е. количество угля составляет десятую часть всех остальных пород. Такого богатства почти нет в мире: Прокопьевск в смысле насыщенности стоит в 2—5 раз выше всех других угольных бассейнов мира. Эта насыщенность выражается не только в мощности, но и в большом количестве угольных пластов, расположенных на довольно близком расстоянии друг от друга.

Близость пластов, содержащих громадное количество угля, создала предпосылки для правильного решения:

— Заложить и выстроить мощнейшие шахты.

Это большевистское решение было вынесено при полном учете всех трудностей разработки свит пластов и отдельных пластов. Прокопьевские свиты пластов, безусловно, надо отнести к свитам нарушенным (изломанным в древние времена горообразовательными процессами), причем эти нарушения имеют место и «по простиранию» и «по восстанию».

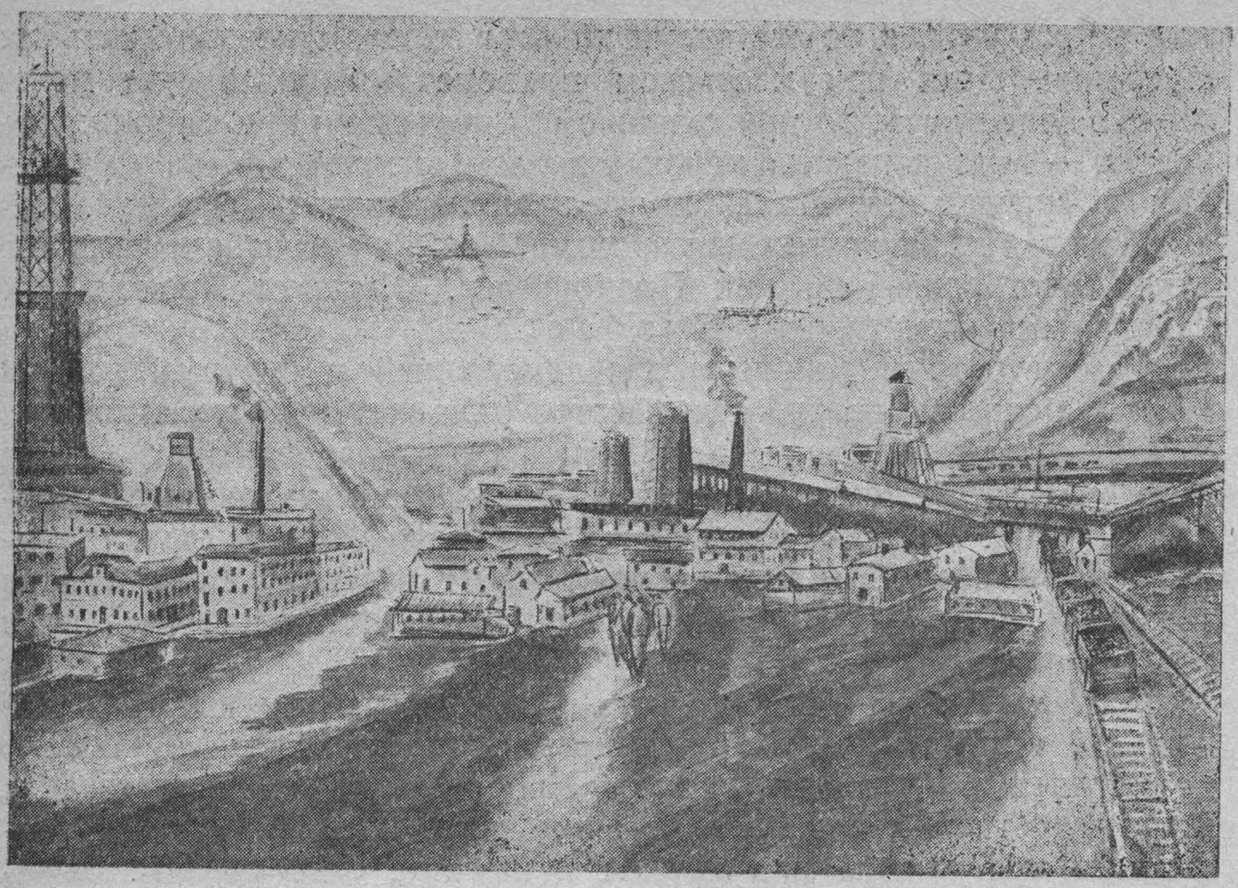
Часто нарушения происходят даже в пределах самого пласта, по внешнему виду не изменяя его цельности, но создавая очень большие осложнения при эксплоатационной работе: перемятие угля, внезапные давления, склонность углей к самовозгоранию и т. д.

Все шахты Прокопьевского района относятся к пыльным, причем из-за большого содержания летучих — к опасным по взрываемости пыли. Почти на всех шахтах наблюдалось выделение рудничного газа (метана).

Как пыльность, так и газовость требуют проведения больших мероприятий по искусственной вентиляции, которая, как известно, особенно сложна именно на первом горизонте, для которого «не имеется вентиляционного горизонта».

Шахты Прокопьевского рудника работают сейчас на выходах пластов: разрабатывается наиболее близкий к поверхности уголь или, говоря техническим языком, «первый от поверхности горизонт».

На первый взгляд такая разработка каменноугольных пластов представляется очень легкой. Конечно, глубина разработки дает свои осложнения в виде более глубокого подъема, увеличения газоносности, увеличения температуры и проч. Однако работа на выходах пластов представляет также свои трудности: наносы четвертичных отложений (в большинстве случаев глины) не являются выдержанными и следуют, в большинстве случаев, условиям рельефа поверхности, поэтому и высота этажа, т. е. полезная часть для разработки пластов, как правило, сильно колеблется. Качество угля в связи с тем, что пласты находятся от поверхности, примерно, на 15—25 м, сильно ухудшается в результате выветривания выходов пластов (на контакте наносов и самих пластов). Это заставляет очень тщательно следить за, так называемой, «зоной окисления».



Уголок Прокопьевска *Худ. Мидлер*

Небольшая глубина разработки имеет последствием и то, что обрушения кровли пластов доходят до поверхности, образуя громадные котлованы и воронки, а это служит основной причиной проникания воды и воздуха, значительно осложняя работу по проветриванию, по водоотливу.

При большом количестве пластов, уголь Прокопьевского рудника отличается значительным разнообразием. Рудник сейчас имеет 4 марки угля:

марка «К» (коксовые угли),
» «ПС» (паровично-спекающиеся),
» «Д» (доменные),
» «Р» (рядовые).

Велика ли роль Прокопьевского рудника в снабжении металлургии? Да, исключительно велика: Прокопьевск — основная единственная база металлургии Востока СССР; 90% наиболее дефицитного угля марки «*К*» поставляются именно Прокопьевским рудником.

В 1935 г. он даст 2.520 тыс. тонн только коксующихся углей.

По техническому анализу угли обладают исключительно хорошими свойствами: пластовая зольность колеблется в пределах от 5,7 до 9%, а сера — в пределах 0,35 — 0,45%, при калорийности около 8.500 калорий.

Разнообразие углей является безусловно большим исключением по сравнению с другими бассейнами. Эта особенность накладывает специфический отпечаток на работу шахт рудника: выдавать раз-

ные марки угля, в то же время никоим образом не допускать их смешения. Если при клетьевом подъеме это более или менее легко осуществить, то при скиповом *) подъеме и при опрокидных клетях — выдача разных марок угля, как и хранение их в бункерах на складах, представляет уже значительные затруднения.

Мировая каменноугольная промышленность не знала и не знает таких месторождений, как Прокопьевск. Недаром Прокопьевск называется «жемчужиной К у з б а с с а».

Самым острым вопросом для теперешней и будущей работы являются способы разработки пластов (или системы горных работ). Заимствование американского или западно-европейского опыта очень часто упирается в различие геологических и производственных условий. Конечно частично, в необходимой мере, опыт заграницы использовался и будет использован в будущем. Однако надо твердо сказать, — в Прокопьевском районе нам приходится итти собственными путями.

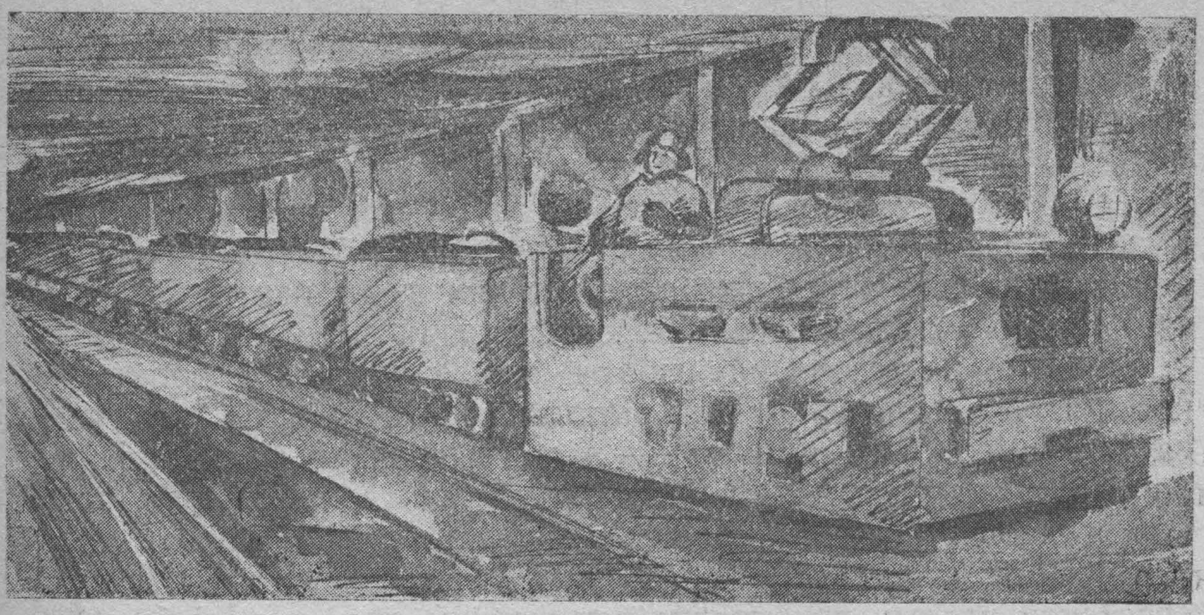
Весь вопрос сводится к тому, — производить ли работы с закладкой выработанного пространства или вырабатывать пласты «с обрушением». Этот жгучий для Прокопьевска вопрос в течение последних трех лет вызвал большие дискуссии, в которых участвовали все лучшие инженерные и научные силы страны. Вынесено следующее принципиальное решение: все пласты мощностью выше 3,5 м. должны вырабатываться только при помощи закладки; если же пласты мощностью менее 3,5 м подвержены самовозгоранию, то их надо разрабатывать также с закладкой. Работы с обрушением остаются на определенный переходный период пока закладка не будет внедрена на базе полной механизации.

Системы разработок для Прокопьевского района являются особенно острыми и представляют в десятки раз большую трудность, чем, скажем, в Донбассе или в других бассейнах Союза.

Дело в том, что при работах с обрушением (т. е. без закладки) приходится оставлять значительное количество угля, который, будучи не вынутым, теряется навсегда в шахте. Громадная потеря угля, уменьшая запасы шахт, тем самым увеличивает капиталовложения на строительство новых шахт; потеря угля является основной причиной самовозгорания пластов, в результате чего к настоящему времени в Прокопьевске насчитывается 25 подземных пожаров, где находится 1.300 тыс. тонн потерянного угля, а на тушение самих пожаров истрачено за 3 года около 3 млн. рублей. Самые работы с обрушением создают осложнения с вентиляцией, обрушением кровли, затоплением и т. п.

Однако и введение закладки представляет огромную трудность, так как закладка должна быть полностью механизирована, а тем самым должна быть обеспечена громадным количеством сложных и дорогих механизмов, рабочих, обслуживающего персонала. Достаточно сказать, что для того, чтобы по-настоящему поставить работы с закладкой, нужно на одну тонну годовой проектной

*) Скип — металлический прямоугольный ящик емкостью в 8 тонн угля, автоматически нагружающийся и выгружающийся.



Электровоз *Худ. Девинов*

добычи затратить около 16 рублей (включая жилищно-коммунальное строительство).

На каждую тонну добытого угля нормально должно приходиться около 1,5 тонны закладки. Отсюда задача — найти решение вопроса о громадных встречных грузопотоках на шахтах, где проводится закладка.

Сейчас работы с закладкой находятся еще только в начальной стадии и составляют не более 8% от добычи всего рудника. В 1935 году предположено вынуть 1 млн. тонн угля с закладкой, что составит около 20% всей добычи рудника.

Вся задача на ближайшие годы состоит в том, чтобы введение закладки проходило в условиях преодоления трудоемких процессов (по карьерным работам, по транспорту на поверхности и в шахте, по ряду работ в самом забое и т. д.), а также и по максимальной рационализации работ с обрушением.

Шахты Кузбасса — это шахты-гиганты, насыщенные механизмами. Основное орудие производства шахт Прокопьевска в условиях мощных, крутопадающих пластов — отбойный молоток, электросверло. Не легок был путь внедрения механизмов: техническая неграмотность, косность и рутина — гнусное наследие мрачного горняцкого прошлого, злодейства классовых врагов — все обрушилось на механизмы.

Но механизмы — это воля партии, воля крепчайшей в мире советской власти. Механизмы победили. В 1935 году рудник даст до 80% добычи механизированным путем. И совсем недалеко то время, когда на смену воздушному отбойному молотку придет электрический отбойный молоток (являющийся выдающимся изобретением нашего инженера т. *Шморгунова*), работа над конструкцией которого, продолжавшаяся в течение двух лет, закончилась успешно: сейчас на заводах Кузбасса приступлено к их массовому изготовлению.

Ведутся опытные работы по механизированному креплению, по машинной посадке лав, что еще не известно мировой каменноугольной технике, ибо везде эта самая опасная и тяжелая работа выполняется шахтерами вручную.

Партия пробудила невиданный энтузиазм шахтерских масс Кузбасса, выдвинувших из своих рядов громадное количество ударников, этих замечательных людей наших дней; партия пробудила творческую активность инженеров, техников.

Впервые за все время работы нашей угольной промышленности Прокопьевский рудник выполнил свою годовую программу за 37 дней до конца года. Это — итог героических усилий прекрасной армии шахтеров Прокопьевского рудника, инженеров, техников и хозяйственников, добившихся своих крупнейших успехов под руководством партийных организаций, под руководством советской власти, при крепкой поддержке профсоюзных и общественных организаций.

Прокопьевский рудник хозяйственно ведет свое дело. Его подготовительные работы в порядке. Концентрация горных работ — основа основ. Производительность труда рабочего достигла 3,5 тонн в сутки, себестоимость — 10 р. 75 коп. тонна.

Много сделано по строительству рудника, по улучшению быта горняков, но это только начало.

1935 год для Кузбасса — особый год: мы встанем лицом к лицу перед новыми и реконструированными шахтами — их надо освоить. Путь к этому — борьба, неослабеваемая, повседневная борьба за наилучшую организацию производства и труда на основе социалистического соревнования и ударничества, за образцовую работу и содержание механизмов, за подбор и расстановку людей, за их дальнейшее техническое обучение, за высоты культурности в производстве и быту.

Трудности будущей работы для Прокопьевска не страшны: чем больше трудностей, тем с большим энтузиазмом шахтеры Прокопьевска будут бороться за уголь, гордые сознанием, что они крепят мощь металлургии востока СССР — Магнитки, Кузнецка, домен Урала.

Шахтеры Прокопьевска имеют все основания гордиться тем, что в диком, безлюдном и суровом краю бурно развивается огромный угольный бассейн, новый центр мировой угольной промышленности.

Они будут побеждать, ибо они живут, как и все горняки, строители Кузбасса, стремлением претворить в жизнь указание своего великого, любимейшего вождя товарища *Сталина:*

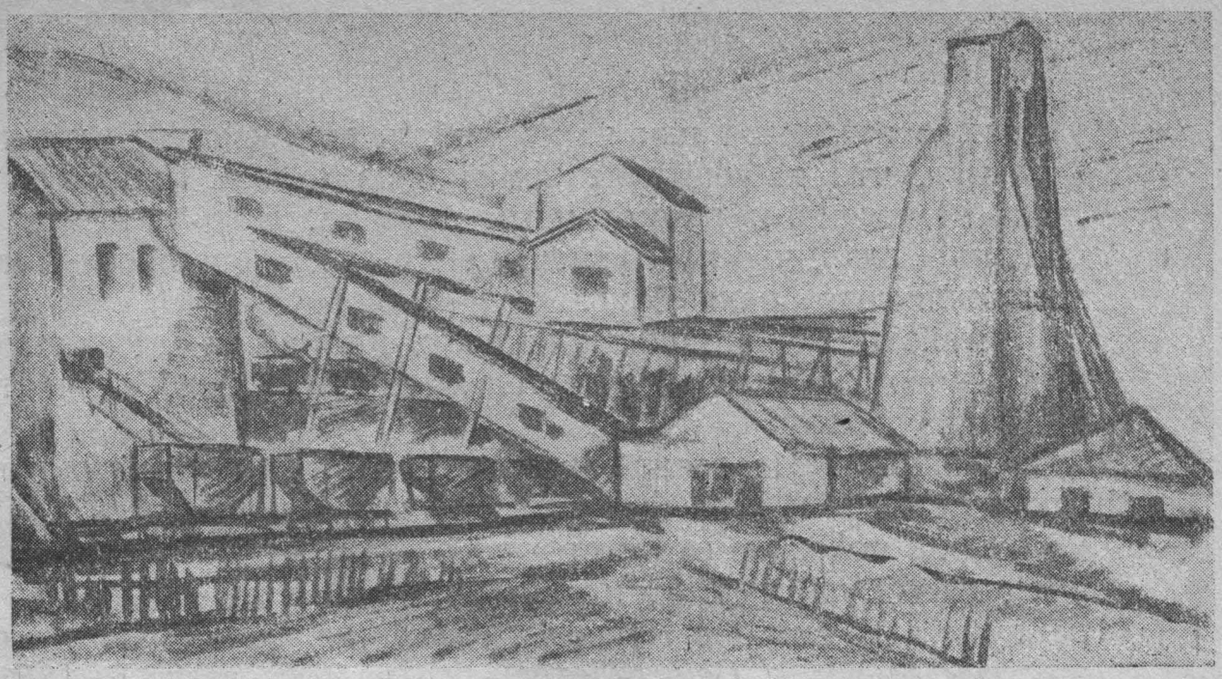
— **«Превратить Кузбасс во второй Донбасс».**

★

СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ.
Народный комиссар тяжелой промышленности СССР.

«ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОСМОТРЕТЬ ОБРАЗЦЫ ХОРОШЕЙ РАБОТЫ, ХОРОШЕЙ МЕХАНИЗАЦИИ, ДЛЯ ЭТОГО НАШИМ УГОЛЬЩИКАМ НАДО ЕХАТЬ НЕ В ГЕРМАНИЮ И АМЕРИКУ, А СЪЕЗДИТЬ В КУЗБАСС И ПОСМОТРЕТЬ, КАК ДЕЛО ТАМ ПОСТАВЛЕНО».

Из выступления на XVII съезде ВКП(б).



Шахта им. Ворошилова

Худ. Девинов

Михаил Никитин

ЧЕРНАЯ РЕКА

Он стоит среди невысоких сопок — молодой город, поднявший к небу темные вышки шахт и сероватые громады новых зданий. Его конторы и магазины разбежались по склонам сопок вперемежку с деревянными бараками, покрытыми матово-черным толем. Через овраги он перебросил легкие мосты, а грязные ручьи, бегущие по дну котловин, заковал в серый бетон. Он полон оживления — этот город-подросток, одетый в пропыленную шахтерскую робу. На эстакадах его гремят лебедки. По вспотевшим рельсам бегут тяжелые углярки, по новым улицам мчатся автомобили, на шоссейных дорогах грохочут ломовики.

Он не очень опрятен, но к нему нельзя быть особенно требовательным, потому что от роду ему пять лет.

Он сверстник первой пятилетки. Кто-то предлагал назвать его Углеградом. Название вполне осмысленное, но оно почему-то не привилось. На новых картах республики город обозначен под именем Прокопьевска.

I.

Сопки, на которых основался Прокопьевск, принадлежали «его императорскому величеству». Вместе со всеми богатствами Кузнецкого бассейна они входили в состав Алтайского горного округа, управляемого «кабинетом его величества».

Разумеется, тогда еще не существовало короткое, ныне всему миру известное, слово «Кузбасс».

Территория Кузбасса была частью Алтайского округа и только. «Августейший» никогда не видел Алтайского округа. Глава

удельного ведомства или какой-нибудь егермейстер, вероятно, докладывал, что кабинетские земли близ города Кузнецка изобилуют медведями и всяким иным зверьем. Быть может «августейший» знал, что по Кузнецким его владениям протекает «весьма живописная» река Томь.

Алтайские земли приносили доход, идущий на содержание императорского двора, и двор тщательно оберегал эти земли от всяческих посягательств.

Знающие люди говорили, что Алтайский горный округ богат ископаемыми. Об угольных богатствах его знали уже в XVIII веке. Во второй половине этого столетия путешественник Фальк описал обнаженный пласт угля, который он видел по почтовому тракту на пути из Томска в Кузнецк. Книга Фалька об этом его путешествии вышла в Санкт-Петербурге в 1785 году. В 1851 году, то-есть через 66 лет после сообщения Фалька, «кабинет его величества» удосужился послать геологическую партию для поиска коксующихся углей в пределах теперешнего Кузбасса. Уголь этот предполагалось «употребить на нужды Алтайских заводов». Партия обследовала несколько месторождений, но нашла только выветренный уголь, непригодный для выжига кокса.

В этом убеждении о низком качестве углей Кузбасса удельное ведомство пребывало много десятилетий. Опровергнуть выводы геологов, одетых в удельные мундиры, было невозможно, потому что «кабинет его величества» запретил на кабинетских землях частную разведку и всякую частную промышленность, «основанную на применении огнедействующих машин и потребляющую значительное количество лесного материала».

Величайшее месторождение угля лежало заколдованным кладом под избами переселенческих деревень, под убогими избами нищей России, которая шла за Урал в поисках лучшей доли, но находила все тех же полицейских и тот же картофельно-ржаной полуголод.

II.

Уголь, лежащий под крестьянскими избами. Это — не словесный оборот, — а точное утверждение факта. Переселенцы, которые растекались по просторам Кузбасса после 1900 года, когда великая магистраль приблизила Сибирь к Зауралью, — переселенцы ставили свои избы на твердый, черный, не поддающийся ударам лопаты камень. С большим трудом они пробивали в каменных черных пластах ямы для погребов.

В районе города Кузнецка уголь лежал прямо на поверхности, и бабы, выйдя во двор с ведром, беззаботно собирали «доморощенное», если можно так выразиться, топливо для небольших своих хозяйственных нужд.

О промышленном использовании угля тогда никто еще не думал. В Сибири работал крохотный Гурьевский завод, но потребности его были так малы, что они легко покрывались древесным топливом.

Первые шахтеры Кузбасса — это крестьяне, «самосильно» добывающие уголь. Одной из первых штолен была штольня, пройденная крестьянами в устье реки Громотухи, в обнаженьях угольного пласта. Добытый уголь по Громотухе и по Томи сплавлялся на баржах в Томск, где обыватели покупали его на топливо.

Это был промысел, а не промышленность.

Время для строительства угольной промышленности Кузбасса наступило только тогда, когда Сибирская магистраль пересекла Иртыш и Обь и протянулась дальше к Енисею и Ангаре. Паровозам нужен был уголь. Он лежал под рельсами и не заметить его было нельзя. Так для нужд дороги возникли первые промышленные рудники Кузбасса близ станции Анжерка и станции Судженка.

По существу эти рудники захватили только малый край гигантской угольной территории Кузбасса, протянувшейся к югу от Анжеро-Судженки почти на пятьсот километров. Но возникновение Анжеро-Судженских копей все же было очень важным фактом. Удельное ведомство не могло теперь запретить на кабинетских землях применение «огнедействующих машин». Настали другие времена, и кабинетские геологи вновь начали обшаривать недра Кузбасса. Разведки длились лет пятнадцать, и угольные запасы Кузбасса в представлении геологов доросли до солидной цифры в двенадцать с половиной миллиардов тонн.

Как новый угольный миллиардер, Кузбасс встал рядом с Донбассом. Тогда, конечно, не было такого термина: второй Донбасс. Никто не задумывался об определении значимости Кузбасса, как новой угольной базы. Этот бассейн мог интересовать только с точки зрения спекулятивной: достаточно было, чтобы слухи о богатствах Кузбасса проникли в «общество», как в Петербурге возникла акционерная организация «Копикуз».

История Копикуза, как «история Мидян, темна и не совсем понятна». Владимир Трепов, известный при Дворе под именем Рыжего Трепова (он и отличался от других Треповых тем, что был рыжий), удосужился получить от «его величества» концессию на эксплоатацию кабинетских земель, лежащих в пределах теперешнего Кузбасса. Срок концессии был не малый — девяносто девять лет. Рыжий Трепов не мог, конечно, проглотить огромную подачку, которую ему бросил «двор». На помощь дворянину и придворному пришли промышленники.

Так незадолго до войны в Петербурге возникало акционерное общество Кузнецких копей.

III.

Копикуз — это предметный урок истории капитализма, когда представители растущей буржуазии еще вынуждены делить барыши с умирающими, но все еще цепляющимися за жизнь феодалами. Рыжий Трепов был нужен дельцам Копикуза из-за его придворных и министерских связей. Его нельзя было обойти, и дельцы выбрали Трепова председателем своего общества. Он получил акции на кругленькую сумму в сто тысяч рублей и стотысячный годовой

Кемеровская областная научная библиотека
Краеведческий фонд
2444014

Туркменистан
Ашхабад
Туркменская государственная библиотека

оклад. Общество «Копикуз» знало, что оно делает. Трепов стал кариатидой, придающей солидный вид рыхлому зданию Копикуза. От его имени выступал и действовал главный делец общества и его директор-распорядитель, небезызвестный инженер Федорович.

Он сумел переманить на работу в Кузбасс лучшего специалиста геологического комитета профессора Леонида Ивановича Лутугина вместе с группой его учеников.

Весной 1914 года Лутугин и его сотрудники отправились в Кузбасс для геолого-разведки, а Федорович занялся привлечением капиталов в новое общество.

Когда подготовка была завершена, Федорович организовал поездку Трепова в Кузбасс. Вместе с Треповым поехали представители иностранных фирм Крезо и Викерс.

В первой половине июля Трепов с Федоровичем и иностранцами прибыл в Кузбасс. Как чиновная особа, Трепов, откровенно скучая, посетил школу и больницу. Больничному врачу, доктору Бухвостову, он величественно сунул два красных пальца, обросших рыжей шерстью. Потом он побывал в штаб-квартире профессора Лутугина.

Лутугин объявил, что по предварительным его подсчетам геологический запас Кузбасса по углю равен двумстам пятидесяти миллиардам тонн.

На картах, вычерченных геологами лутугинской группы, Кузбасс казался большой и сильно вытянутой в длину чашей. Угольные борта этой чаши, несколько помятые по краям, казалось, были склеены из нескольких слоев. Наружным, если можно так выразиться, слоем была Балахнинская свита углей, названная так по имени деревни Балахна, где лутугинская разведка обнаружила пласт угля мощностью в пятнадцать метров. Следующая свита называлась Пустопорожней, к ней примыкала Кемеровская.

Штаб-квартира лутугинской группы помещалась в Кольчугине. Отсюда во все стороны расходились поисковые партии, сюда они привозили образцы угля и перепачканные полевые книжки, с торопливыми заметками, черновыми цифрами и абрисами съемок.

Федорович хлопотал в столицах. Война подняла шансы Копикуза внутри страны. Для войны с немцами нужен был металл.

В 1916 году правительство с согласия Государственной думы, ассигновало Копикузу двадцать миллионов рублей на постройку коксового завода в Кемерове. Для войны нужны были отходы коксования, дающие толуол и другие химические соединения.

Еще за два года до этого решения, в 1914 году, Копикуз заложил в Кемерове большую шахту с бетонированным стволом. Рабочий Яков Ильич Дубский, до сих пор добывающий уголь на Прокопьевском руднике, рассказывает о закладке этой шахты следующее:

Сначала был отслужен молебен. Место, выбранное для проходки ствола, покропили святой водицей. Потом были принесены табуреты. Управляющий рудником, священник и пристав сели на эти табуреты и рабочие с криком и присвистом начали их качать.

„Правду“ читают *Худ. А. Нюренберг*

Начальство подарило проходчикам по рублю на брата и трехдневный отпуск. Проходчики пьянствовали три дня, а на четвертый, мутные и помятые, вышли на работу.

Проходка выдалась тяжелая. Вода заливала шахтеров, пять насосов откачивали ее, но она била сильной струей, заливала за воротники плохоньких спецовок. Администрация и не подумала о том, чтобы снабдить рабочих резиновой прозодеждой. Зато спирту проходчикам отпускали вволю. Они работали пьяные и были твердо уверены, что «без спирту ни одна собака не выдержит на этой чортовой проходке».

В 1916 году Копикуз приступил к постройке Кемеровского коксового комбината. Одновременно приступили к проектированию большого металлургического завода. Эта работа была поручена одному из первых металлургов, блестящему инженеру-самоучке Михаилу Константиновичу Курако.

К лутугинской группе геологов присоединилась Куракинская группа металлургов, обосновавшихся в старом Кузнецке. Куракинцы проектировали завод американского типа, лутугинцы искали коксующийся уголь. Разведки шли, главным образом, в райсне Осиновки, потому что, по предположениям Копикуза, металлургический завод должен был быть построен близ Осиновки.

Искали коксующиеся угли и в Прокопьевске или точнее в Прокопьевском: тогда еще города Прокопьевска не было ни на картах.

ни в действительности, а было довольно большое село Прокопьевское. Именно здесь разведчики нашли мощный пласт угля, названный Прокопьевским. Поблизости, в Киселевке, был найден пласт еще более мощный. Его назвали «Гигантом». Разведочная канава как раз пришлась на перегиб пласта или, как говорят геологи, на «замок складки», и мощность пласта поэтому определилась потрясающей цифрой в 50 метров.

Дельцы Копикуза обрадовались и обязали разведчиков найти такой же пласт в Прокопьевске.

Пласты-гиганты были нужны Копикузу. Они были нужны не потому, что Копикуз собирался их разрабатывать. Федорович делал ставку на Осиновское месторождение, открытия же мощных пластов в Прокопьевске и в Киселевке были для него важны, как повод к спекулятивной рекламе, подгоняющей акции Копикуза в сложной игре на повышение.

Помощник Федоровича, технический директор рудников Копикуза, барон фон-Фитингтоф, не скрывал от разведчиков, что Копикуз не израсходует ни одной копейки на проходку шахт в Прокопьевске. В лучшем случае, он допускал добычу Прокопьевского угля открытыми работами. Но если бы здесь не оказалось коксующегося угля, то на всем этом месторождении Копикуз, по его словам, поставил бы крест.

В 1918 году разведочные шурфы наткнулись на пласт, названный впоследствии Вторым внутренним. Угли этого пласта, взятые на пробу, дали хорошую спекаемость.

Узнав об этом, Копикуз приказал начать здесь добычу угля открытыми работами.

Прокопьевские пласты — пласты крутого падения, они идут под углом от 30 до 90 градусов. Открытыми работами можно было вскрыть только «хвост» пласта, содержащий окисленный уголь. Отсюда, вероятно, и пошла дурная слава Прокопьевского угля, надолго задержавшая развитие Прокопьевска.

IV.

«Прокопьевск», говорим мы, упрямо делая ошибку.

В селе Прокопьевском, именно в Прокопьевском, а не в Прокопьевске, жило тогда человек сто двадцать шахтеров. Жили они на крестьянских квартирах, потому что Копикуз домов для рабочих не строил.

Первая советская власть просуществовала в Сибири несколько месяцев, не успев вмешаться в дела Копикуза. При Колчаке копикузовцы не имели оснований относиться к рабочим иначе, чем, например, капиталистические хозяева Донбасса, загонявшие шахтеров в Собачеевки и во всякие иные земляночные города. При Колчаке сибирские шахтеры жили так же, как в дореволюционное время. Прокопьевск в этом отношении был мало показателен, так как рудник в нем только зачинался. Наиболее старыми шах-

тами Кузбасса являются шахты Анжерки и Судженки. Здесь выковывались кадры сибирских горняков. В каких условиях они формировались?

Знатный человек советского Прокопьевска, старый забойщик Дорофей Ильич Печенев, работавший в свое время на Судженской шахте капиталиста Михельсона, так рассказывает о быте шахтеров:

Все шахтеры жили в бараках, где были устроены нары в два этажа. Работали по двенадцати часов в сутки. В праздники шахтеры напивались, и тогда начинались драки и поножовщина. Единственным развлечением шахтеров были эти драки, да еще азартные карточные игры.

Благополучие шахтера зависело не только от администрации, но еще и от хозяина артели — от артельщика.

Теперешний управляющий шахтой 5—6 в Прокопьевске, тов. Емельянов, в бытность свою шахтером работал в артели знаменитого Рогатова. Этот артельщик зарабатывал колоссальные по тому времени деньги — 400—500 рублей, хотя он и спускался в шахту минут на пятнадцать в день. Артель его состояла из восьмидесяти-ста шахтеров. Заработок выдавался через артельщика. Шахтер приходил на квартиру Рогатова, Рогатов подносил стакан вина и давал рабочему столько денег, сколько ему, Рогатову, заблагорассудится.

Пожаловаться шахтер не смел, потому что за жалобы Рогатов выбрасывал из артели и шахтер оставался безработным. Первая советская власть, несмотря на кратковременное свое существование, все же изменила сознание шахтеров. Они не могли уже безропотно переносить гнет Михельсонов и других хозяйчиков. Когда же к этому присоединился военный режим, установленный колчаковской милицией и карательными отрядами, шахтеры не выдержали.

На Кольчугинских копях они подняли открытое восстание, разгромленное Колчаком. В Анжерке и Судженке были организованы подпольные группы, шахтеры группами уходили в партизаны.

Прокопьевские горняки также организовались в группы и запасали оружие.

V.

Когда после белогвардейского переворота деятели первой советской власти в Сибири ушли в подполье, председатель Кузнецкого совета, тов. Петраков, умудрился все же в самый последний момент прислать управляющему Прокопьевским рудником десять тысяч рублей и записку, написанную карандашом на оберточной бумаге. В записке было всего несколько строк.

— Тов. Киселев, — писал кузнецкий большевик, — я узнал, что у вас на руднике нечем кормить рабочих. Посылаю вам деньги для закупки хлеба. Положение у нас тяжелое. Постарайтесь как-нибудь сохранить рудник, чтобы его не разгромили»...

Копикузовцы не были столь внимательны к Прокопьевску, как посторонний, с их точки зрения, по отношению к руднику человек, председатель Кузнецкого совета товарищ Петраков. Покидая вместе с колчаковцами рудник, дельцы Копикуза не позаботились ни о его судьбе, ни о судьбе рабочих.

Прокопьевск был предоставлен сам себе до тех пор, пока не пришла Красная армия. Вместе с армией приехал представитель советской власти и привез деньги для пустой кассы рудника. Все работники рудника, вне зависимости от того, были ли они рабочими или инженерами, получили одинаковый месячный оклад. Представитель советской власти обратился к рабочим с просьбой возобновить во что бы то не стало добычу угля.

Он говорил, что уголь необходим для победы революции. Положение было катастрофическое. На магистрали, между Омском и Новониколаевском образовалась чудовищная пробка: несколько сот пассажирских и товарных поездов стояли на линии «в затылок» с замороженными паровозами. Москва по прямому проводу требовала от Сибревкома решительных мер. Изголодавшимся рабочим центрам был нужен сибирский хлеб. Войска должны были двигаться на восток, чтобы добить Колчака. Парализованный транспорт не давал возможности справиться с этими задачами, от разрешения которых зависела жизнь республики. Транспорту, чтобы он заработал, нужен был уголь.

И вот шахтеры ожесточенно стали «рубать» уголь.

В то время Прокопьевск был в стороне от магистрали, потому что Кольчугинская ветка доходила только до Кольчугина. Чтобы вывезти к магистрали Прокопьевский уголь, нужно было дотянуть эту ветку до Прокопьевска.

На строительство ветки бросили трудовую армию. С самыми примитивными инструментами, полураздетая и обмороженная трудармия в несколько месяцев прошла трассу Кольчугино — Прокопьевск. Осенью 1920 года несколько сот теплушек прикатили на станцию Прокопьевского рудника, которую по имени местного села назвали станцией «Усяты».

Страна прорывалась к Прокопьевскому углю. Трудармейцев перебросили на добычу угля. Жилищ на руднике не было, трудармейцы сняли теплушки с колес и превратили их в хижины.

Так близ станции «Усяты» образовался теплушечный городок. Он состоял из нескольких улиц, и самая грязная, самая антисанитарная улица насмешливо была названа проспектом Семашко.

VI.

Владимир Ильич *Ленин* придавал большое значение постройке трассы Кольчугино — Прокопьевск.

11 ноября 1921 года, в отсутствие Ленина, Совет Труда и Обороны постановил передать Кольчугинскую новостройку во временную эксплоатацию НКПС. Председатель Сибревкома И. Н. Смирнов и его заместитель С. И. Чуцкаев решительно опротестэ-

вали это решение, указав, что дорогу нельзя передавать в эксплоатацию, так как ее надо достраивать. Протест сибиряков был адресован Ленину.

Горбунов, управляющий делами Совнаркома, почему-то запоздал с передачей этой бумаги Владимиру Ильичу. Владимир Ильич рассердился и написал Горбунову следующую записку:

«19/XI 1921 г.

Тов. Горбунов!

Это архинеправильно с вашей стороны, что столь важную бумагу вы мне даете 17/XI (!!) с такой бессодержательной запиской.

Надо было внести в СТО!

Вы отвечаете, если из-за отъезда Аванесова была сделана ошибка и если ни вы, ни Смол(ьяни)нов не снеслись во-время с Ив. Ник. См(ирновым) (легко: он в Питере), ни с Чуцкаевым. **Вы виноваты.**

Почему какой-то Красинский хлопочет, а вы и Смол(ьянинов) бездействуете??

Ленин».

Через два дня после объявления выговора Горбунову Владимир Ильич обратился к председателю распорядительного заседания СТО, А. И. Рыкову, с требованием пересмотреть решение СТО о Кольчугинской новостройке.

Непосредственно Прокопьевску Владимир Ильич оказал помощь в эпизоде с динамомашиной. Сущность этого дела такова. Делегация прокопьевцев, посланная в Москву, каким-то образом узнала, что в Малом театре стоит без работы динамомашина мощностью в сто киловатт. В Прокопьевске не было электрической установки. Делегаты стали просить, чтобы им отдали машину. Малый театр отказал.

Началась тяжба из-за машины. Узнав об этом, Владимир Ильич попросил Луначарского помочь прокопьевцам.

В Прокопьевске подробности этого эпизода, к сожалению, забыты.

Следует только указать, что динамомашину, служившую для производства театральных эффектов, все-таки перевезли в Прокопьевск.

Эта маленькая машина, несомненно, была очень ценным приобретением, потому что в то время прокопьевцы еще не смели мечтать о сколь-нибудь совершенной механизации.

От рудника петровских времен Прокопьевск отличался только тем, что штольни освещались не лучиной, как при Петре, а самодельными светильнями, похожими на «чайнички с носиками». В светильнях этих, которые издевательски назывались «Бог в помочь», горели мазут и керосин. Скважины для закладки динамита пробивали вручную: один рабочий держал бур — толстую стальную штангу, заостренную на одном конце, — другой бил по штанге молотом. На-гора уголь выдавали конской тягой.

Шахтерка *Худ. А. Нюренберг*

При таком уровне механизации производительность труда конечно была чрезвычайно низкой. Нужно еще помнить, что Прокопьевские угольные пласты являются пластами крутопадающими. Они, если можно так выразиться, стоят торчком. При таком падении пластов отработке подвергались только их «хвосты», о которых выше было сказано, что они состоят из о к и с л е н н о г о у г л я.

Уголь этот пробовали сжигать в паровозных топках на Кольчугинской новостройке, но он горел так плохо, что машинисты могли брать только малые составы в восемь-девять вагонов.

Машинисты так и говорили:

— Уголь ни к чорту!

Выходило так, что страна напрасно рвалась к Прокопьевскому углю, и что теперь Прокопьевский рудник осталось только закрыть.

В то время Прокопьевским рудником управлял тов. Юшкин. Ленинградский кровельщик, пришедший в Сибирь с Пятой армией (он командовал бригадой), — тов. Юшкин верил рабочим, которые говорили ему, что «уголек хороший».

По настоянию Юшкина из Москвы была вызвана комиссия СТО. Она обследовала рудник и нашла, что Прокопьевск имеет все условия для скорейшего развертывания строительства. Один из членов этой комиссии, старый профессор, назвал Прокопьевск «ж е м ч у ж и н о й К у з б а с с а».

VII.

«Жемчужина Кузбасса»... Строгий учитель словесности, вероятно, определил бы это образ, как гиперболу. Несомненно, очень смело было назвать жемчужиной Кузбасса рудник с несколькими примитивными штольнями и жалкими халупами горняков.

В первые годы советской власти рудник немного изменился. Еще в 1920 году был построен огромный барак, в котором разместились кино и клуб. Управление рудника скупало дома в окрестных деревнях и перевозило их в Прокопьевск, увеличивая таким образом шахтерскую жилую площадь. Кроме динамомашины, прокопьевцы раздобыли еще котел Шухова и смонтировали паровую подъемную машину на шахте № 2.

Но рудник все же был очень далек от того, чтобы по праву называться жемчужиной Кузбасса. Приезжий, ожидавший увидеть шахтерский городок, с удивлением находил здесь грязную деревню, состоящую из нескольких десятков неказистых изб и земляных халуп. Барак, в котором помещался клуб, из-за жилищной тесноты пришлось передать под общежитие.

Жили шахтеры тускло. Единственным их развлечением были выпивки. В пасхальные дни и в большие праздники поверхность рудника, как поле битвы, покрывалась неподвижно распростертыми телами пьяниц. Был даже особый горняцкий праздник, когда на шахтах приостанавливались все работы, и шахтеры целый день слонялись по улицам с гармошкой и бутылями вина в карманах. Пили и на крестинах и на похоронах, пили на поминках и на свадьбах. Иногда пьянство принимало вполне организованные формы.

Филипп Владимирович Вигендау, старый прокопьевский шахтер, рассказывает, что в их артели, например, существовал неписанный устав пьянства.

В артели работало шестнадцать человек. В праздник очередной «организатор» покупал ведро самогонки и созывал к себе всю артель. Шестнадцать человек усаживались вокруг ведра и старательно его «усиживали».

На другое воскресенье шестнадцать пьяниц собирались у другого сотоварища. Так продолжалось до тех пор, пока не замыкался круг из шестнадцати праздников.

После этого начинался новый круг.

— Пьянствовали много, а работали не торопко! — говорит об этом периоде Вигендау. Все штольни и шахты рудника, за исключением шахты № 2, выдавали в то время 10—12 тысяч тонн угля в месяц, то-есть ровно столько, сколько выдает теперь Прокопьевск за одни сутки.

VIII.

После победного окончания гражданской войны важнейшей задачей советской власти стало восстановление крупной промышленности. Всем известно, какое внимание

На работу *Худ. А. Нюренберг*

уделял восстановлению промышленности Владимир Ильич *Ленин*. Он хотел, чтобы к этому делу были привлечены все средства, начиная от коммунистических субботников и кончая концессиями.

В 1921 году группа американских рабочих и инженеров во главе с одним из левых руководителей синдикалистской организации «Индустриальные рабочие мира» (I. W. W). Б. Д. Хейвудом и голландским коммунистом С. Ю. Рудгерсом начала переговоры с советским правительством о передаче им для «рабочей концессии» части Кузбасса. *В. И. Ленин* с большим интересом отнесся к этому предложению. В конце 1921 года Биль Хейвуд приехал в Москву. Он был принят *Лениным*. Старый синдикалист, приговоренный в Америке к двадцати годам тюрьмы, с некоторым недоверием спросил *Ленина,* правда ли, что в советской России рабочие управляют государством. *Ленин* ответил просто и убежденно:

— «Да, Хейвуд, и в этом — коммунизм».

19 сентября 1921 года *Ленин* принял Хейвуда вместе с Рудгерсом и Кальвертом. Американцы довольно полно и точно изложили все свои требования, и Владимир Ильич тотчас же начал рассылать коротенькие энергичные записки всем товарищам, связанным с этим делом, об оказании «архиэнергичнейшей» помощи американцам.

Между прочим, Владимир Ильич сам набросал проект обязательства, которое должны были подписать люди из группы Хейвуда—Рудгерса. Приводим четыре пункта этого чрезвычайно важного для истории Кузбасса документа:

«1. Мы обязуемся провести то, и коллективно отвечаем за то, чтобы ехали в Россию только люди, способные и готовые сознательно вынести ряд тяжелых лишений, неизбежно связанных с восстановлением промышленности в стране, весьма отсталой и неслыханно разоренной.

2. Едущие в Россию обязуются работать с максимальным напряжением и с наибольшей производительностью труда и дисциплиной, превышающими капиталистическую норму, ибо иначе опередить капитализм и даже догнать его Россия не в состоянии.

3. Обязуемся все случаи конфликтов, без изъятия какого бы рода эти конфликты не были, передавать на окончательное решение Высшей соввласти России и добросовестно выполнять все ее решения.

4. Обязуемся не забывать крайнюю нервность голодных и измученных русских рабочих и крестьян вокруг нашего дела и всячески помогать им, чтобы создать дружные отношения, чтобы победить недоверие и зависть».

Рудгерс и его товарищи приняли ленинский проект обязательства и 26 ноября 1921 года подписали договор с правительством.

Организация Хейвуда — Рудгерса получила наименование «Автономной индустриальной колонии Кузбасс». Колония существовала на правах государственного предприятия, подчиненного СТО. Она получила в управление предприятия Кемеровского комбината, Надеждинский завод на Урале и совхоз площадью в 10.000 га. Позднее к владениям АИК были присоединены Гурьевский металлургический завод и Прокопьевский рудник. Советское правительство обязалось выдать АИК триста тысяч долларов, предназначенных для покупки за границей крупных «машин». Рабочие АИК со своей стороны вносили «средства в натуральной форме—орудия, мелкие машины, инструменты.

По мысли организаторов, Автономная индустриальная колония должна была развернуться в большое агро-индустриальное объединение. Оплату труда предполагали производить в натуральной форме, не учитывая квалификации рабочих. В осуществлении этого пункта большую настойчивость проявили синдикалистски-настроенные рабочие из организации «Индустриальные рабочие мира».

Но натуральная, при том уравнительная система оплаты ни в какой мере не способствовала повышению производительности труда. В 1923 г. введены были денежные расчеты. Часть рабочих, принадлежащих к организации I. W. W., не приняла новой системы и покинула Кузбасс.

У нас нет сколь-нибудь полных сведений о составе АИК. Несомненно только, что он был весьма разнороден: наряду с иностранными коммунистами, представляющими своеобразное движение, которое можно, пожалуй, определить, как «коммунистическое квакерство», наряду с Рудгерсом и Хейвудом в АИК были разнообразнейшие люди. Довольно яркое представление об АИК можно составить, внимательно присмотревшись к такой фигуре, как инженер Паули. Великолепный специалист, Паули был в то же время большой оригинал. Когда ему надоедала кропотливая работа горного инженера, он звонил на конный двор и спокойно приказывал:

— Пришлите Паули лошадь. Паули поедет в Щегловск. Паули хочет пить водку.

В месяцы отпуска этот странный человек отправлялся в далекие путешествия. Он ездил в Австралию, на Цейлон и во всякие иные экзотические страны.

Разнородность состава и уравниловка, о которой было сказано, привели АИК Кузбасса к распаду.

Оказала ли работа АИК какое-либо влияние на развитие Кузбасса?

Безусловно, оказала. Американцы ввели в обиход шахт новый инструментарий. Бурильные молотки, которые были привезены из Америки, заменили самодельные ручные буры. Вошли в обиход перки и перфораторы. Лучшие рабочие АИК, оставшиеся в Кузбассе, оказались впоследствии прекрасными инструкторами, обучившими горняцкому искусству не один десяток рабочих. В Про-

копьевске таким инструктором был, например, старый шахтер-забойщик Бредис или рабочий Врачер.

IX.

Профессор Лутугин, знаменитый исследователь Кузбасса, умер осенью 1915 г. в Кольчугинской больнице на руках у доктора Бухвостова. Лутугинская группа продолжала геолого-разведочные работы и после смерти учителя.

К 1925 г. «в порядке уточнения» лутугинцы определили геологический запас Кузбасса в *400.000.000.000 тонн* угля. Выяснилось, что Кузбасс—угольный бассейн величайшей мощности. Цифра в четыреста миллиардов тонн означала, что в недрах Кузбасса сохранены такие угольные богатства, которые равны угольному запасу шести Донбассов или же запасу Англии, Польши и Франции, взятых вместе.

В Прокопьевске геолого-разведчики открыли несколько угольных пластов—Лутугинский, Прокопьевский, 1-й Внутренний, 2-й Внутренний и т. д.

Но Прокопьевску очень мешала вздорная репутация его угля, про который говорили, что он плохо горит.

Плохая эта слава (мы говорили об этом выше) объяснялась тем, что в Прокопьевске уголь добывали открытыми работами—брали только верха пластов, а при этом способе можно было взять только выветренный и обедненный уголь.

Плохая слава чуть не погубила Прокопьевск. В 1924 г. рудник едва не закрыли. Помешали закрытию рудника сами рабочие и управляющий Горбачев.

Рабочие «нарубали уголь» из Внутренних пластов и, наполнив образцами несколько мешков, отправились в Москву.

В Москве они ходили с мешками из учреждения в учреждение. Их принимали очень кисло. В Главтопе и в других учреждениях, связанных с углем, сидели друзья бывшего директора Копикуза, будущего вредителя Федоровича. Они говорили прокопьевцам, что рудник их придется закрыть.

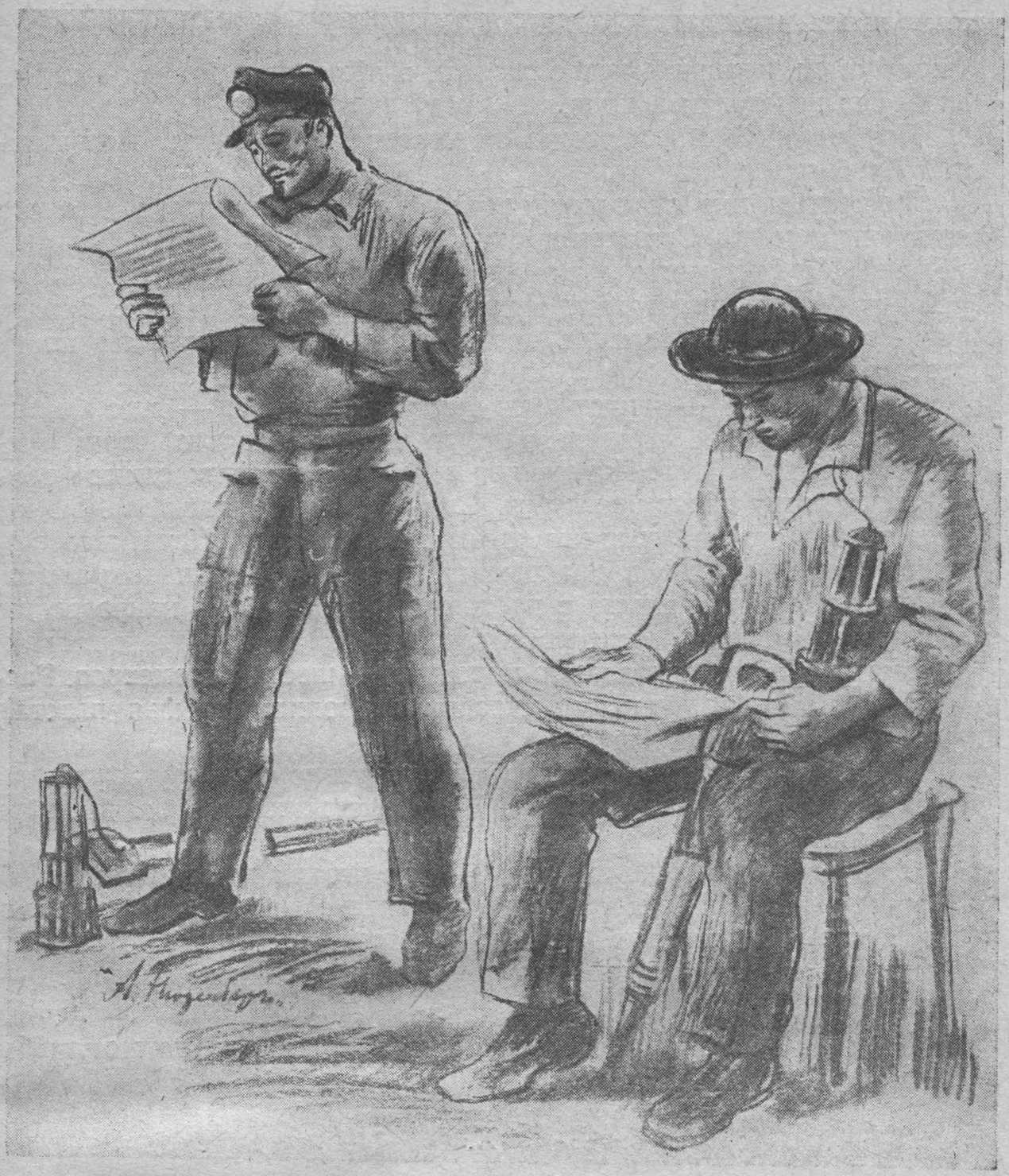
Так было до тех пор, пока прокопьевцы не связались с представителями Балтийского флота. До революции в топках балтийских военных кораблей горел прославленный кардиф, уголь, получаемый из Англии в обмен на золото. Теперь кардиф не ввозили. Моряки искали уголь, равноценный кардифу.

Мешки с прокопьевскими образцами появились очень кстати. В Балтфлоте были произведены испытания, и Прокопьевский уголь по всем показателям оказался выше кардифа.

Вмешательство Балтфлота спасло рудник от закрытия.

На Внутренних пластах в присутствии делегации моряков начались проходки для добычи флотского угля.

Отношение к Прокопьевску постепенно стало изменяться. С каждым месяцем положение рудника укреплялось. В его недрах беспрерывно открывались новые клады.



Перед сменой *Худ. А. Нюренберг*

Выяснилось, что по угленосности, то-есть по насыщенности месторождения углем, Прокопьевск превосходит все до сих пор известные месторождения мира. Прокопьевск побил мировой рекорд также и по мощности пластов.

В Донбассе, в Германии, в Англии и Бельгии средняя толщина пласта не превышает полутора метров, в Прокопьевске пласты мощностью в 3 метра считаются уже тонкими.

В Донбассе процент угленосности 1,8, в Прокопьевске — 10.

Копикузовцы не могли найти в Прокопьевске коксующихся углей. Советская геолого-разведочная экспедиция установила, что Прокопьевск располагает изумительно богатым ассортиментом

угля, начиная от угля флотской марки и кончая доменным, то-есть таким углем, который можно сжигать в невысоких домнах в сыром виде, без переделки в кокс.

Профессор был прав, когда он назвал Прокопьевск «жемчужиной Кузбасса».

Месторождение с геологическим запасом в несколько десятков миллионов тонн! Суммарная мощность пластов в сто тридцать метров! Пласты, часто выходящие прямо на поверхность! Все условия благоприятствовали Прокопьевску, кроме одного: залегание Прокопьевских пластов очень сложное, а падение их почти отвесное.

— Положите, — пишет один кузбасский автор, — лист бумаги на стол. Так когда-то лежал в земле один из пластов Прокопьевского каменного угля. Потом, под действием мощных сдвигов земной коры, этот пласт изогнулся. Сложите лист бумаги гармошкой и поставьте его на столе под углом в 35 градусов. Перегните гармошку поперек еще в нескольких местах под разными углами. Вы получите схему пласта в настоящем его виде. По направлению длинных ребер гармошки (простирание пласта) пласт имеет десятки километров, а по направлению коротких — шесть километров. Расстояние между вершинками складок гармошки (крылья пласта), примерно, четыреста метров.

Таких пластов, расположенных параллельно один другому, обнаружено двадцать один в районе Прокопьевских сопок и двадцать девять на Красной Горке».

Так щедро наградила природа этот уголок земли, именуемый Прокопьевском. Но она разбросала богатства в диком беспорядке. Самая мощность пластов не могла не смутить человека, потому что горное его искусство сложилось на пластах полутораметровой мощности.

Но **«нет таких крепостей, каких большевики не могли бы взять».**

X.

Тысяча девятьсот двадцать пятый год был переломным в истории Прокопьевска. В этом году заложили крупнейшую из прокопьевских штолен — Центральную. Она должна была завершить первый исторический период Прокопьевского рудника, период выработки угля штольнями.

Как выглядел Прокопьевск того времени?

Попробуем взглянуть на него глазами «чужестранца», глазами донбасского горняка Степана Ивановича Латышева.

Вот он идет по улице Прокопьевска, состоящей из избушек и земляных халуп. Он только что прошагал тридцать верст, ноги его ноют от усталости, но он с любопытством оглядывается по сторонам.

Халупы в беспорядке разбежались по взгорьям и склонам оврагов, однооконные, приземистые, полузанесенные снегом. Их ржавые

трубы, воткнутые в земляные кровли, курятся синим дымком. Но где же здесь все-таки шахты? Где копры и черные от угольной пыли эстакады, к виду которых Степан Иванович так привык в Донбассе? Он обводит взором сопки, у подножья которых раскинулся город, и видит только огромные, слегка запорошенные снегом, воронки, зияющие в земле круглыми ранами.

— Обрушенные выработки, — соображает Степан Иванович, — значит, правильно, что здесь добывают уголь...

Надо, однако, позаботиться о ночлеге. Как-никак, он отмахал за два дня добрую сотню верст, теперь дело идет к вечеру и натруженные ноги ноют.

Степан Иванович Латышев, приглядывается к землянкам: в которую из них ему зайти?

Неожиданно он натыкается на бородатого и коренастого человека.

— Ты, чо, паря, сдурел ли чо ли? — кричит ему бородатый.

— Слушай, товарищ, — просительно говорит Степан Иванович, — где бы мне тут на ночевку встать?

Бородач оглядывает Степана Ивановича с головы до ног и примиренно произносит:

— Пойдем ко мне, што ли? Я тут недалече живу.

... Ночью, при тусклом свете керосиновой лампы, в тесной и низкой, но все же внутри побеленной халупе, Латышев рассказывает бородачу свою историю.

Она очень обыкновенна, — эта история.

До войны орловский крестьянин Степан Латышев работал в Донбассе. В пятнадцатом году его бросили на фронт. Окопы, вши, отступления и наступления. Потом австрийский плен. В 1919 году эшелон русских военнопленных проследовал через Вену и Будапешт, охваченный революцией. Степан Иванович видел, как венгерские солдаты расстреливали офицеров. Ораторы приходили к военнопленным и призывали их вступить в революционную армию. Степан Иванович решил поехать в Россию.

Эшелон миновал Буковину, испепеленную пожарищами войны.

В Могилеве он был остановлен гайдамаками Скоропадского. В Знаменке военнопленные увидели немцев.

Несколько недель Степан Иванович пробирался в свою Орловскую губернию.

Дома он пробыл недолго: призвали в Красную армию. Степан Иванович дрался с Деникиным, ловил в Орловской губернии дезертиров, воевал с Врангелем, был ранен под Перекопом, работал по продразверстке.

Когда кончились фронты, Степан Иванович вернулся в деревню.

Хозяйство совершенно упало, нужно было сызнова сколачивать его по бревнышку. Степан Иванович решил попытать счастья на новой земле. Продав избенку и все свои несложные пожитки, он забрал жену с дочкой и отправился в Сибирь, о которой ему приходилось слышать, что там живется привольно.

Приехав в Ельцовский район, Латышев поступил в работники. Батрачил, думал выбиться в люди, но кулак не давал ему «вылезти в хозяйский ряд».

Прослышав, что в Кузбассе есть шахты, Степан Иванович решил вернуться к старому ремеслу.

И вот, семья его осталась батрачить у кулака, а он пешком приперся в Прокопьевск. Завтра он пойдет на шахту. Но принимают ли здесь народ?

Хозяин ответил на вопрос безработного шахтера смутно. Степан Иванович слегка размял натруженные дорожным мешком плечи и лег спать.

Чуть свет, Степан Иванович отправился на шахту. Серая муть зимнего утра скрывала строения, овраги и косогоры. Место было невеселое. Главное же, Прокопьевск не походил на рудник.

Встретив человека, перемазанного угольной пылью, Степан Иванович спросил, где находится шахта. Человек показал в сторону сопок. Побродив с полчаса, Латышев вышел на восьмую штольню. Барак шахтоуправления гудел, как огромный вокзал. Люди толпились у окошечка, пробитого в досчатой перегородке. Перегородка скрывала заведующего.

Латышев втиснулся в толпу, хотя он и узнал, что приема на работу нет.

Под вечер заведующий вышел из конторки. Степан Иванович безнадежно сидел на полу. Завидев заведующего, он вскочил, бросился к нему и, торопливо проглатывая слова, стал говорить о том, что ему непременно надо поступить на работу, потому что он приехал с Донбасса и теперь ему нельзя «подаваться в обрат».

Заведующий спросил, на каком руднике работал Степан Иванович. Латышев назвал рудник и фамилию начальника рудника.

— Правильно, — сказал заведующий, — я тоже с Донбасса и рудник этот знаю. Хорошие шахтеры нам нужны. Выходи завтра на работу.

Степан Иванович хотел было спросить об условиях работы, но толпа вдруг шарахнулась и отшвырнула его в сторону.

На другой день он вышел на работу. В штольне его поразила необычайная толщина пласта. Латышев даже не знал, как подступиться с кайлом к этой высоченной угольной стене, и ему, старому донбассовцу, поневоле пришлось пойти на выучку к прокопьевским горнякам.

XI.

Рассказ Латышева отмечает малый объем работ и огромный резерв рабочей силы, которой располагал Прокопьевск в 1925 году. Это следует помнить, когда разговор зайдет о 1930 годе.

Удельный вес Прокопьевска в системе Кузбасса был тогда невелик: рудник выдал в тот год 204.000 тонн угля, и это составило 14% от общей добычи Кузбасса. Цифра в 204.000 тонн покажется солидной, если мы вспомним, что в довоенный, «нормальный», 1913 год Прокопьевский район выдал только 17.000 тонн.

Выход смены из шахты *Худ. А. Нюренберг*

За 12 лет рудник увеличил добычу ровно в двенадцать раз. Рост не плохой! Но промышленность страны, восстанавливаемая большевиками с неслыханной энергией, уже начинала требовать более быстрого роста. Ленин сказал, что «уголь — это настоящий хлеб для промышленности». Прокопьевский уголь стал особенно необходим для питания черной металлургии: опыты сжигания этого угля в коксовых печах Кемеровского завода, произведенные инженером Григорьевым в 1926 году, дали прекрасные результаты.

Прокопьевский район стал мировым месторождением угля не только количественно, но и качественно. На долю этого района пришлось три миллиарда тонн запаса угля. Качественные показатели Прокопьевского угля — 6% золы, 0,3% серы, 14 — 17% летучих веществ. Прокопьевский уголь встал в ряд лучших углей мира.

Кажется, оставалось только одно: добывать или, как говорят горняки, «рубать» уголь.

Но самое нагромождение богатств, самое скопление пластов на сравнительно небольшом участке земли, их неслыханная мощность, способствуя неограниченному росту добычи, в то же время затрудняла ее.

Старому донбассовцу Латышеву, как мы видели, в Прокопьевске пришлось переучиваться. Инженеры, приезжая в Прокопьевск, оказывались в таком же положении. Русское горное искусство выросло из опыта Донбасса, где средняя мощность пластов—полтора

метра. Этот опыт нельзя было механически перенести в Прокопьевск, где средняя мощность пластов достигает четырех-пяти метров.

В самом деле, как вести разработку пласта десятиметровой рабочей мощности? Высота рабочего пространства, захватываемого шахтером, не превышает двух метров. Когда перед ним стоит десятиметровая угольная стена, он должен строить многоэтажное крепление. Переплеты креплений, примыкая к стенке, являются в то же время лесами, которые позволяют рабочему подвигаться выше по мере выработки угольных зон.

Часто он должен работать на высоте пяти- или шестиэтажного здания. Он должен «рубать» уголь, стоя на переплете креплений, в то время, как под его ногами простирается черная пустота.

К этому надо еще прибавить крутое падение пластов, их малую изученность и беспорядочное со многими разрывами и смещениями залегание их в земле.

Совершенно ясно, что при этих условиях для Прокопьевска пришлось создавать особенную, ему одному присущую, систему горных работ.

XII.

В 1926 г. Прокопьевский район выдал 412 тысяч тонн угля. Его удельный вес в системе Кузбасса поднялся с четырнадцати до семнадцати процентов. В следующем году добыча Прокопьевска выросла до 424 тысяч тонн, в 1928 году — до 589 тыс. тонн. По сравнению с довоенным 1913 годом, добыча увеличилась в тридцать пять раз. Но будущее показало, что Прокопьевск может расти еще более быстрым темпом.

Зимой 1928 года, в тридцати километрах от Прокопьевска, на берегу Томи возникли первые бараки и проектные конторы Кузнецкстроя. У подножья горы Магнитной в это же время началось строительство Магнитогорского металлургического завода. Не трудно было рассчитать, какое количество угля потребуется этим заводам, когда их домны сбросят кружева лесов. Плановики высчитали, что уголь к новым заводам нужно подвозить десятками эшелонов. Те же плановики определили, что коксующийся уголь для домен Кузнецка и Магнитогорска должен выдавать главным образом Прокопьевский рудник.

Прокопьевск рос чрезвычайно быстро.

До 1928 года уголь в Прокопьевске добывался, главным образом, штольневыми работами. Теперь настало время более сложных шахтных выработок.

Основные шахты пятилетки, расположенные на мощнейших пластах такого исключительного месторождения, как Прокопьевск, разумеется, могли быть только шахтами-гигантами.

В первый же год первой пятилетки в Прокопьевске была заложена шахта 5—6, с проектной добычей 1.600.000 тонн угля в год.

В декабре 1929 года заложили шахту Коксовую, величайшую шахту Старого света, рассчитанную на выдачу 3.250.000 тонн угля в год.

Бригада перед работой *Худ. Мидлер*

Работы начались в очень тяжелых условиях: строительные проекты шахт еще не были закончены, опытом шахтного строительства молодой рудник не располагал, проходческого оборудования в Прокопьевске никогда не видели. Некоторые из специалистов только пожимали плечами, когда им объявили, что при всех этих данных новые шахты должны быть построены в наикратчайший срок.

Инженер Корсак, строитель шахты Коксовой со всех рудников Кузбасса свозил в Прокопьевск проходческое оборудование: подъемные машины, шкивы, насосы, котлы, иногда заведомо негодные.

Проходку ствола величайшей в Старом свете шахты начали при помощи конного ворота. Рурские горняки, нанятые Кузбассуглем для работы в Прокопьевске, увидев такую «механизацию», пришли в ужас. Когда же им сказали, что срок строительства шахты ограничен пятилеткой, они только развели руками.

«Сумасшедшие русские», не довольствуясь начатой проходкой гигантских шахт 5—6 и Коксовой, заложили еще шахту 3—3-бис, шахту 7 — 8 и шахту 9.

Когда приехали немцы, их поставили на проходку Клетьевого ствола. Советские проходчики, работавшие на скиповом стволе, вызвали немцев на соревнование. Немцам дали лучшие механизмы. Клетьевую проходили по сланцам и углю, Скиповую—по песчани-

кам, то-есть по более твердой и более трудной породе. В добавленье ко всему этому, на Скиповой приток воды был не менее ста кубометров в час, на Клетьевой же — сорок кубометров.

Советских проходчиков буквально заливало водой.

На строительстве шахты Коксовой можно было наблюдать образцы подлинно героической работы. Проходчики не раз рисковали и жизнью и здоровьем в этих квершлагах и штреках. В Прокопьевске до сих пор живут и работают героические строители шахты Коксовой, самые известные из которых товарищи Кушмирчик и Дорофей Ильич Печенев.

Они люди не словоохотливые и о подвигах своих скромно говорят:

— Вода шибко давила!

К счастью для будущих историков Прокопьевска, шахту Коксовую в дни ее строительства посетил ныне умерший сибирский писатель Петр Николаевич Стрижков.

Вот его беспристрастное показание об условиях работы в Скиповом стволе.

...«Мы продолжали спускаться (в бадье). Снизу доносился невнятный гул, умножаемый круглыми гладкими стенами.

Проплыли вверх насосные камеры — бетонные помещения, уходящие в землю перпендикулярно стволу. Шум, напоминающий шум большой общей бани, стал явственнее. Ствол раздвинулся в стороны двумя большими коридорами.

— Основные квершлаги, — кричит техник, — главные артерии будущей шахты!

Грохот работы внизу, шум падающей воды заглушали голос. Приближался конец спуска.

Перед глазами промелькнули бункерные камеры, и мы очутились в освещенном пространстве.

Бадья остановилась. Мы были ослеплены светом, оглушены хаосом звуков и залиты водой.

Первое впечатление, что попали под сильнейший душ. Вода лила сплошными потоками, ледяная подземная вода.

Десяток рабочих своей резиновой одеждой напоминал водолазов. На мокрой, блестящей одежде огни электрических ламп отражались сверкающими блестками.

От дыханья людей и работающих насосов в шахте висел пар, голоса были оглушительны, а звуки работы гулки и долги».

XIII.

Проходка шахт—дело нелегкое. Вода — это всегдашний враг проходчиков. Выше было сказано, что еще во времена Копикуза рабочие, проходившие Кемеровскую центральную штольню, жаловались на «тяжелую воду». Тогда администрация поддерживала «дух» проходчиков большими порциями спирта.

У врубовой машины *Худ. Девинов*

Во время строительства Прокопьевских шахт рабочие спирта не получали. Что же их поддерживало в трудной и опасной работе?

При постройке подземного электровозного депо давление пятидесятиметровой толщи пород на потолок было столь велико, что толстенные, тавровые балки крепления гнулись, как слабые тростинки. Во время бетонировки гигантского купола у Скипового ствола, угольная масса зловеще потрескивала над головой проходчиков. Купол мог рухнуть каждую минуту, грозя схоронить под собой рабочих. При проходке водосборных подземных резервуаров люди работали под страхом взрыва, потому что в районе работ не взорвались динамитные патроны.

Что же заставляло людей идти навстречу опасностям?

Знаменитый бригадир проходчиков Дорофей Ильич Печенев ответил на этот вопрос очень просто: «Мы гордились тем, что нам поручена проходка самой большой шахты Советского Союза!».

Гордость труда! Гордость свободного труда и осознание его, как дела «доблести и чести»,—вот что поддерживало проходчиков. Это же новое отношение к труду заставляло монтажников Кузнецкстроя в пятидесятиградусные морозы подниматься на строительные леса домен и не сходить оттуда на протяжении шести часов, несмотря на самые свирепые приказания администрации.

Немцы, пожимающие плечами при виде жалкого оборудования шахты Коксовой, не учли одного, очень важного обстоятельства: они не учли энтузиазма рабочих, не учли этой трудовой доблести, которая во многих случаях восполняла нашу техническую отсталость.

Но немцы были не одиноки.

Английские инструктора в армии Врангеля также ведь не могли допустить, что красноармейцы, вооруженные одними винтовками, способны одолеть несокрушимый танк, «изготовленный в Британии».

XIV.

На XVII съезде партии вождь сибирских большевиков Р. И. Эйхе, сравнивая Кузбасс с Донбассом, сказал так;

«Капиталисты строили Донбасс полтораста лет, партия большевиков за четыре года превратила кустарный Кузбасс в крупный, механизированный социалистический Кузбасс».

К началу первой пятилетки Кузбасс действительно был кустарным. Прокопьевский же рудник, самый молодой, был в то же время самым отсталым. В 1930 году Прокопьевск оказался в глубоком прорыве. Иначе и не могло быть, потому что новые шахты тогда еще были недостроены, старые же штольни отказывались служить, потому что их запасы сильно поубивались.

Ко всему этому, руднику нехватало людей.

В то время достраивался Турксиб. Севернее Прокопьевска росли цеха Беловского цинкового завода, южнее возводились гигантские домны Кузнецкстроя.

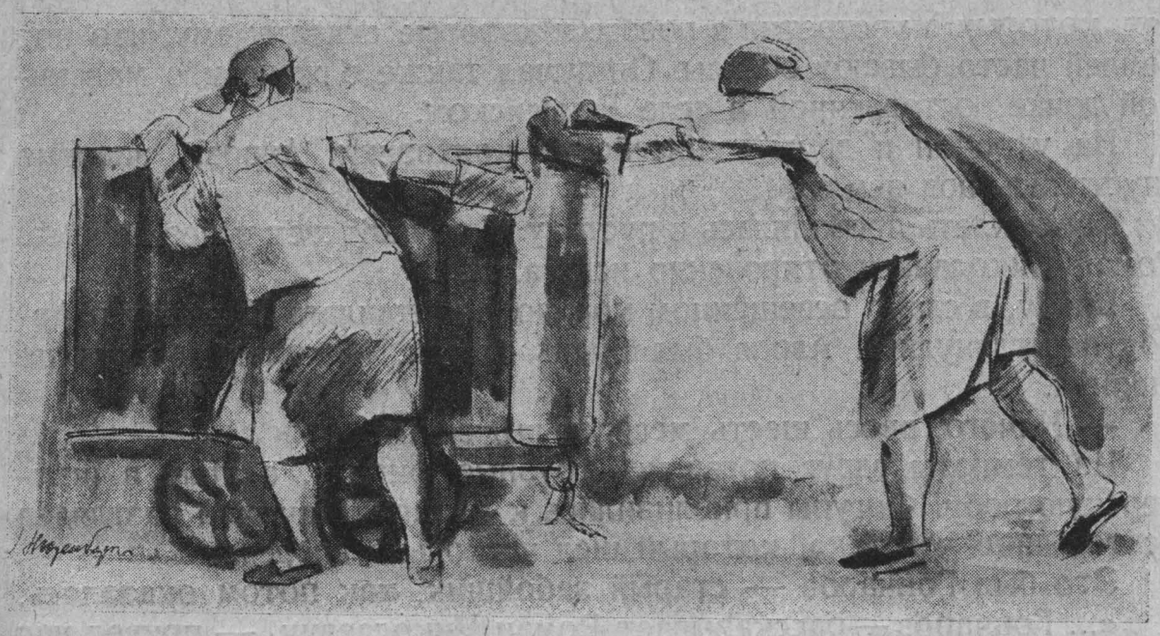
Весь Кузбасс лихорадочно строился. В Белове, в Прокопьевске, в Кузнецке, на Тельбессе и на Темир-Тау грохотали взрывы. По наскоро проложенной ветке Прокопьевск — Кузнецк днем и ночью шли эшелоны, груженые лесом и железом. Тысячи людей переезжали с места на место по железной дороге, на грузовиках и лошадях. Материалы, животные и люди сталкивались друг с другом, образуя неописуемую толчею.

На площадках Белова, Прокопьевска и Кузнецка происходили казалось, гигантские сражения, и отдельный человек или отдельное орудие терялись в нем, как в настоящей битве.

Трудно было управлять этим нагроможденьем множеств. В Белове и в Кузнецке шло только строительство, и это несколько облегчало задачи управления. В Прокопьевске одновременно со строительством новых шахт шла добыча угля. Старые металлургические заводы к началу первой пятилетки были уже восстановлены: им был нужен уголь, целые горы угля. К Прокопьевску, выдающему коксующиеся угли, заводы были особенно требовательны. Прокопьевск явно «з а ш и в а л с я». Нехватало оборудования, нехватало механизмов, а главное, нехватало людей.

Неорганизованная масса «вольных рабочих», беспрестанно притекающая в новые города Кузбасса, была не очень надежным источником пополнений. Получив спецодежду в Прокопьевске, «вольный рабочий» немедленно снимался и уезжал в Кузнецк, чтобы оттуда перебраться на новое строительство.

Крестьяне, приезжающие из деревень, не могли сойти за настоящих рабочих. Их надо было обучать горному делу и, кроме



Откатчицы *Худ. А. Нюренберг*

того, они снимались с места так же легко, как и «вольные рабочие».

Тогда-то и началась вербовка колхозников на шахты и новые строительства.

XV.

Один из знатных людей теперешнего Прокопьевска, Роман Николаевич Мачихин, приехал на рудник с группой завербованных колхозников.

Было это осенью 1930 года.

Мачихин довольно охотно расстался со своим селом Енисейским, потому что ему, до двадцатичетырехлетнего возраста никуда не выезжавшему из деревни, «хотелось посмотреть, какие это шахты на свете бывают». По условиям вербовки он имел право вернуться в колхоз после шести месяцев работы.

Мачихин еще ни разу не видел города. Двухэтажный дом, в котором помещалось тогда управление Прокопьевского рудника, ему показался огромным. Выйдя из рудоуправления, где ему и десяти его односельчанам дали путевку в барак и карточку в столовую, он несколько минут постоял на крыльце, оглядывая улицы города, изломанные оврагами и черные от угольной пыли.

День был почти по зимнему холодный. От паровозов, деловито бегущих по высоким насыпям, белыми клубами вздымался пар. У подножья сопок чернели деревянные, кверху суживающиеся вышки, немного похожие на деревенские пожарные каланчи. Повсюду, куда хватал глаз, Роман Николаевич видел пути, дома и землянки. Он, вероятно, долго бы простоял на крыльце, но односельчане его шагали в столовую и их надо было догонять.

Ночью, в бараке, при тусклом свете электрической лампочки Мачихин долго не мог уснуть. Он думал о деревне, о шахте, о лю-

дях, которых он встретил в поезде и которые сказали ему, что под землей часто бывают обвалы. Он думал также о жене и о маленькой дочке, оставленной в селе Енисейском.

На утро он и другой енисейский колхозник, Авров, впервые спустились под землю.

Когда клеть провалилась в пустоту и дневной свет исчез из глаз, Роман Николаевич откровенно испугался.

Внизу, в слабо освещенном коридоре квершлага Мачихин и Авров переглянулись. Авров был очень бледен. Мачихин ободряюще шепнул.

— Ничего, авось шесть месяцев выдюжим!

Из темноты вдруг появились грузные фигуры, одетые в шахтерскую робу. Фигуры приблизились к парням, Мачихин разглядел усатое лицо человека, который шел несколько впереди.

Это был Гончаров — старый забойщик, как потом оказалось.

«... Гончаров,—рассказывает Роман Николаевич, — привел нас к вагончикам и сказал:

— В эти вагончики вы будете грузить уголь. Если будете хорошо работать, мы с товарищем Поляковым возьмем вас в «напарники».

Потом он стал объяснять, как нагружать уголь в вагонетки. Мне очень понравилось, что уголь из верхних забоев по особым ходкам, которые у горняков зовутся печами, самосильно идет вниз. Печь кончается отверстием, которое называется люком и выходит в откаточный штрек. Вагончик при погрузке надо ставить под люк. Нужно только открыть затвор люка, и уголь сыплется в вагончик.

Когда забойщики ушли от нас, я сказал Аврову:

— Давай постараемся!

И вот мы стали стараться и в первый же день выдали сорок два вагончика.

После упряжки Гончаров опять пришел к нам.

Когда он узнал, что мы выдали сорок два вагончика, он очень нас похвалил. Через несколько дней он взял меня в забой. Аврова взял Поляков.

Мне все было интересно в шахте. Гончаров мне объяснил крепежное дело, показал на практике крепление и я стал крепильщиком.

В первый же месяц мне довелось получить сто пять рублей. Я подумал: «Вот хорошо робить тут можно!».

На другой месяц я заробил полтораста. Меня перевели в забойщики, и я стал работать кайлом. Снабженьем и столовкой я был доволен, а главное — мне было интересно приобрести новую специальность. Когда меня перевели в забойщики, я шибко обрадовался.

У наших колхозников тем временем кончился срок. Они стали сбивать меня домой, мне, конечно, хотелось ехать, потому что в деревне у меня жена, но шахту тоже не хотелось бросать.

Я подумал, подумал и остался.

В ламповой *Худ. А. Нюренберг*

Меня послали на курсы мотористов. Мне это очень интересно,— я с охотой пошел.

После курсов работал на моторе. Потом мне дали отпуск, и я поехал за семьей. Оказалось, колхозники наговорили жене, что я-де остался на шахте и что там, случается, давят людей обвалами и меня тоже беспременно задавит. Жена поплакала, поплакала и вышла за другого.

Я побыл в колхозе неделю и вернулся обратно.

Мне дали бригаду. Я пригляделся и заметил, что в бригаде у меня есть и хорошие люди, и плохие. Был, например, лодырь Исаков, он спал в забое и делал прогулы. Были братья Колесниковы, которые не выполняли нормы. Они ссылались на всякие причины, а когда я на них нажал, они откровенно признались:

— Зачем нам на работе горб ломать, заробим на продуктовую карточку и ладно.

Пришлось мне с ними попрощаться. В бригаде остались крепкие парни, и мы стали работать действительно по-ударному. Когда добыча у нас пошла вверх, мы осмелели и вызвали на соревнование Ивана Акимыча Борисова.

Бригада Борисова была знаменитая, там подобрались старые забойщики, а я работал с колхозниками, но Борисову не уступал. Когда стали учитывать результаты соревнования, обе наши бригады признали сталинскими.

Зарабатывали мы много, рублей по 800 в месяц.

Потом нас перевели на отбойные молотки, и заработок на первое время снизился. Снизился он потому, что мы не смогли сразу овладеть механизмами.

Электросверло в первый раз я увидел в тридцать втором году. Было это так. Мы кончили выработку своего пласта и нас послали в отдаленный штрек. Десятник сказал, что там мы найдем электросверло.

Действительно, нашли. Я стал его рассматривать. В буре есть дырочка. Я подумал, что уголь через эту дырочку проникает внутрь сверла и по трубочке идет наверх. Мне это интересным показалось. Я приставил бур к стенке и начал давить. Он не идет. Тогда помощник мой уперся в мою спину, но бур не пошел. Мы запальщика крикнули, и он тоже стал нажимать. Бьемся, бьемся, — ничего не выходит.

Приходит мастер, спрашивает, как дела? Я бросил сверло и выругался. Мастер посмотрел и говорит: — Да ведь ты коронку в бур не вставил.

Оказывается, в дырочку бура вставляется коронка, которая и рассекает уголь.

С коронкой работа пошла. Очень нам электросверло понравилось, и мы решили тогда всей бригадой инструмент изучить.

Изучили — и кайлу в сторону: подавай нам электросверло, да отбойный молоток!

Между прочим, с отбойным молотком мы тоже муку приняли. Сначала мы приставляли его к стенке сбоку, уголь на нас падал и держать тяжелый инструмент было не сподручно.

Борисов, хотя он с нами соревновался, открыл секрет. Работать с молотком, оказывается, надо сверху вниз, тогда уголь идет самотеком и никаких ушибов не причиняет.

Мы этот совет применили, и получилось хорошо. Работать стало легче, чем вручную. Мы гордились тем, что овладеваем механизмами и потому на временное снижение заработка даже внимания не обратили.

В тридцать третьем году я опять съездил в колхоз. Побывал у своей бывшей жены, повидался с ее мужем. Ему я сказал про бывшую жену, что она женщина хорошая и что он должен с ней хорошо обращаться. Он мне ответил, что я-де ею доволен. Славно так поговорили и чаю вместе напились. Я у жены дочку выпросил погостить.

Привез дочку, а теперешняя моя жена, которую я на шахте нашел, говорит так.

— Пускай твоя дочь с нами живет, ей в деревне-то нечего делать.

Так и оставили девочку.

Я так думаю, что ей со мной лучше. Квартира у меня хорошая: две комнаты с кухней, и продуктами нас тоже не обижают. Корова у меня своя. Живу я близ шахты и на работу ходить недалеко.

Зато от города я оторван, а это мне не интересно, потому что я теперь повадился в город ходить.

Хожу в город за книгами.

А книги я начал читать с Кисловодска. Меня в этом году премировали велосипедом и путевкой в Кисловодск. В Кисловодске мне

очень понравилось. Там я от нечего делать начал читать художественную литературу. Прочитал «Тихий Дон», первую книгу, — ай, как интересно! Вторая и третья еще интереснее показались, потому что первую книгу я с непривычки долго читал и когда дошел до конца, то из начала многое забыл. Потом я прочитал роман «Цемент» и «Капитанскую дочку».

«Капитанская дочка» писателя Пушкина мне изо всех книг полюбилась, просто написана и очень красиво.

Сейчас я читаю «Поднятую целину», но здесь читать не так сподручно. Вот подсчитайте сами, как у меня время распределяется.

Работаю я с четырех вечера, но в раскомандировку иду к двум, потому что я бригадир и еще парторг и на мне всякие нагрузки висят.

Под землей я до десяти. В десять передаю смену, потом начинаю хлопотать насчет леса и по другим бригадным делам. Свободно у меня только утро. Но утром я прорабатываю материалы политучебы и читаю техническую литературу, потому что я думаю в Горный техникум поступить. Ко мне прикрепленный учитель ходит, и я занимаюсь. Сейчас прохожу десятичные дроби.

В выходной. я читаю художественную литературу и хожу к ребятам из своей бригады. Они разбросанно живут, а мне ходить все ж таки надо. Есть у меня, к примеру, парень такой — Девяткин по фамилии. Ему в этот год идти в Красную армию, жена с ребенком остается у него в землянке, а землянка очень незавидная. Мне приходится ходить к Девяткину и помогать ему с устройством жилища. Землянку мы поправили, а после стали ходить к администрации — добиваться квартиры».

Во время своего рассказа Роман Николаевич часто улыбается во весь рот. Улыбка его ослепительна: она сразу молодит крупное и красивое, несколько строгое лицо Романа Николаевича, заставляя вспомнить о том, что жизнь этого человека лишь начинается.

Ему двадцать восемь лет. Придя на рудник, он умел только читать вывески. Теперь он читает Пушкина и готовится к поступлению в техникум.

И глядя в это сильное лицо, видя хорошо развернутый лоб, над которым золотым козырьком нависают непокорные волосы, собеседник Романа Николаевича взволнованно думает:

— Да, этот человек всего добьется. Через пять-шесть лет этот человек, вчера читавший одни только вывески, будет прочитывать сложнейшие чертежи новых шахт, постройку которых ему поручит страна. Не поэтому ли так спокойно смотрят в будущее его строгие серые глаза?

XVI.

Шахтерами Прокопьевска стали тысячи вчерашних крестьян. История Мачихина отличается от их истории только тем, что она более ярка и типична, потому что сам Мачихин — фигура яркая и для нашего времени чрезвычайно типичная.

Группа шахтеров *Худ. А. Нюренберг*

Мачихин не одинок. Заговорите с любым новым рабочим Прокопьевска и вы убедитесь в том, что вчерашние колхозники, прежде чем стать шахтерами, были обработаны жизнью, так же точно, как и Роман Мачихин.

Попробуем поговорить, например, с машинисткой подъемных машин Марией Николаевной Твердохлебовой.

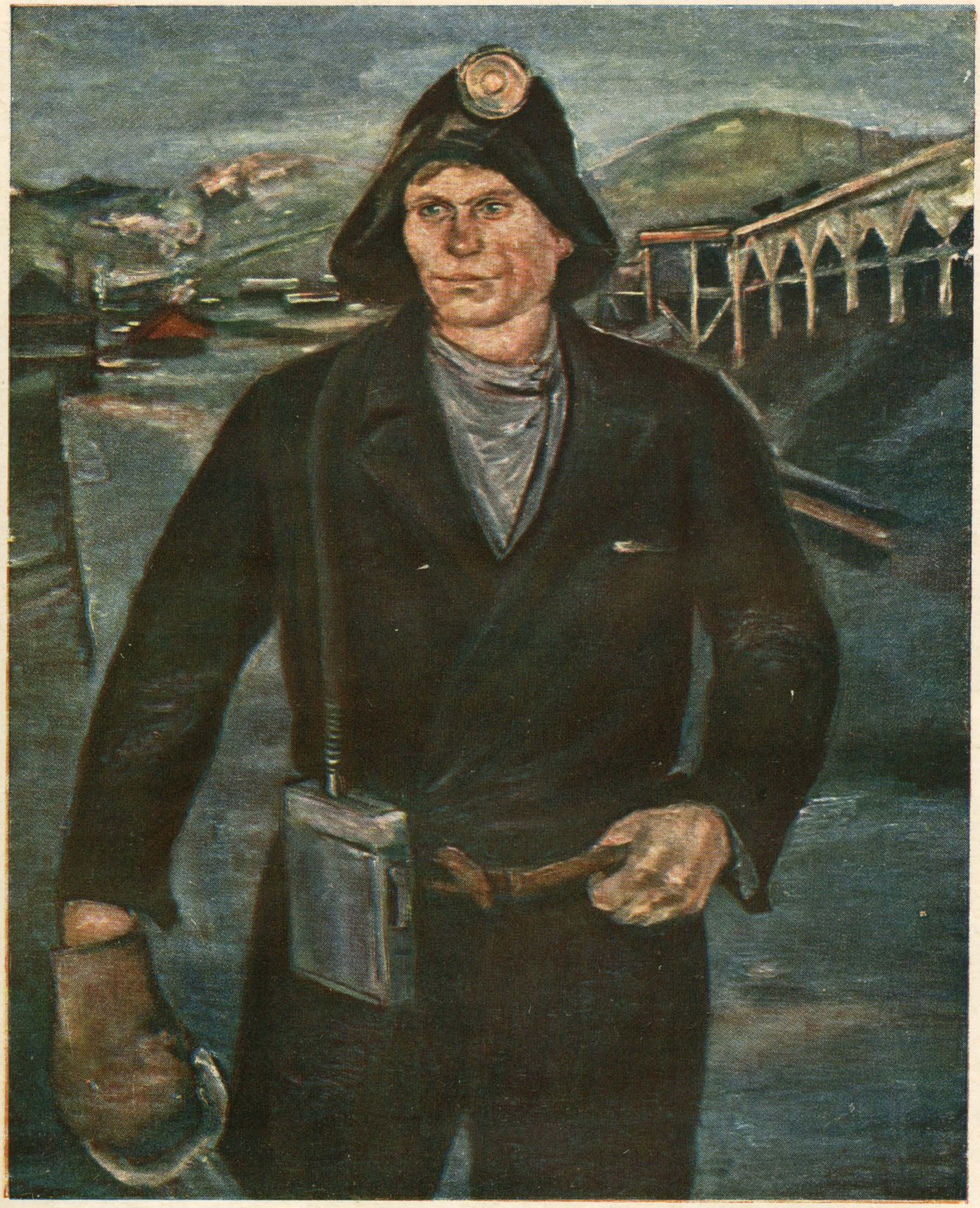
Зайдемте в конце ее смены в машинный зал шахты Коксовой. Здесь очень чисто и даже комфортабельно. Пол из метлахских плиток блестит, как дворцовый паркет. Белый и глубокий свет зимнего дня мягко освещает зеленую листву комнатных деревьев. За окном падает пушистый, медленный снег. Тихо и очень тепло.

В машинном здании разговоры воспрещены. Позовите Марию Николаевну в Красный уголок.

Присядьте с ней у окна и попросите ее рассказать «что-нибудь о жизни».

Она покраснеет сначала. Она глянет на вас карими недоверчивыми, крестьянскими глазами, и рябинки на ее широком и мясистом лице станут малиновыми.

Когда смущенье ее пройдет, она уронит на колени большие и сильные руки и начнет неторопливый рассказ о своей жизни.



Худ. Нюренберг.

БРИГАДИР СТАЛИНСКОЙ БРИГАДЫ
ПОЧЕТНЫЙ ГОРНЯК И. А. БОРИСОВ.

Группа нацменов-ударников *Худ. А. Нюренберг*

Ей двадцать один год. Отец ее, переселясь с Украины в Сибирь, шесть лет батрачил у кулака, пока не накопил денег на покупку двух лошадей. Мария до пятнадцати лет жила у чужих людей «в няньках». В 1929 году сестра, работавшая в Прокопьевске, взяла Марию к себе. Потом муж сестры устроил ее на лесопилку.

В 1930 году отец Марии вступил в колхоз. В этом же году он был убит кулаками во время хлебозаготовок. Старуха-мать, оставшаяся с двумя слепыми дочерьми, вызвала Марию к себе. Мария работала в колхозе целое лето, но на ее трудодни в то время нельзя было прожить семьей, состоящей из четырех едоков. Колхоз отпустил Марию, и она с матерью и слепыми сестрами приехала в Прокопьевск. Поступила в ламповую, стала ходить в школу малограмотных. Отсюда ее послали на курсы мотористов, а потом на курсы машинистов подъемных машин.

Курсы она кончила на «отлично». С 1 января 1934 года она работает машинисткой на шахте Коксовой и учится в средней комсомольской школе. В будущем она думает поступать в Горный техникум.

Сейчас ей учиться трудно, потому что на ее руках мать и слепая сестра. Другую слепую взял зять.

На шахте она узнала, что слепым можно «расчистить глаза». Ту сестру, которая живет у нее, она отправила в Омск. Там слепой сделали операцию: сняли катаракты, залепившие зрачки. Слепая начала видеть...

Мария прерывает свой рассказ и вынимает из кармана спецовки измятое и полустертое уже письмо.

Изменившимся голосом, тонким и ненатуральным, Мария начинает читать письмо, написанное под диктовку сестры. Как полагается, в письме сначала идут поклоны. Только на второй странице слепая сообщает, что «доктор расчистил ей глаза», и она «взвидела вольный свет», взвидела, правда «не шибко ясно», но доктор обещал сделать другую операцию и сказал, что ее «глазыньки будут ясные, как у малого ребеночка».

Мария бережно свертывает письмо и долго сморкается в расшитый платок. На глазах ее блестят слезы. Она отвертывается в сторону и, опустив голову, говорит певуче и тихо.

— Я, можно сказать, тоже только теперь вольный свет увидела.

XVII.

Колхозники составляют значительную часть шахтерской армии Кузбасса. Каждый из них прошел те же этапы, которые миновали Мачихин и Твердохлебова. Люди были брошены в переплав. Самая система вырабатывала в них новые навыки, люди менялись на глазах.

Рудник тоже менялся.

Не случайно, что колхозников на руднике пропускали через курсы мотористов и механиков: новому Прокопьевску нужны были шахтеры, умеющие владеть сложными механизмами, потому что кайло и обушок вытеснялись отбойным молотком и врубовой машиной.

В 1931 году в Прокопьевске из общей добычи в 1.119.000 тонн механизмами было выработано 209.000 тонн угля. В 1932 году из 1.933.000 тонн — 940.000 тонн. В 1933 году на долю механизированной добычи пришлось 1.842.000 тонн из 2.521.000 тонн, в 1934 же году 2.541.000 из 3.357.000. Эти цифры показывают, что механизированная добыча решительно вытесняет ручную.

Как относились к внедрению механизмов сами рабочие?

Чем старее был шахтер, тем неохотнее расставался он с кайлом.

Старый горняк Степан Иванович Латышев так рассказывает о первом своем знакомстве с отбойным молотком.

— Когда мы закладывали тридцать четвертую зону на Мощном пласту, нам провели какие-то трубы и принесли штучки, похожие на револьверы системы «Кольт», только увеличенного размера. Мастер сказал, что это отбойные молотки, и что мы с моим напарником Неверовым должны этими молотками работать. Когда открыли вентиль, пошел воздух, и молотки начали отбивать пулеметную очередь. Неверов взял молоток, воткнул его в стенку и

сразу сломал зубок. Я тоже взял, отбил немного угля и тоже сломал зубок. Бросили мы молотки, взялись опять же за кайло. Приходит десятник и начинает нажимать на нас, чтобы мы работали молотками.

Мы с Неверовым посоветовались и решили податься на другое место. Перешли на другую лаву — на Второй запад. Там работали кайлом, а нам только того и надо. Один раз приходим мы на работу и видим: на Второй запад трубы проводят.

Неверов ругается.

— Японский бог, опять эти кишки!

Делать, однако, нечего. Пришлось нам идти к немцу мастеру, и он при нас молотки разобрал и всю их работу объяснил. В первую же смену мы взяли молотками по пятнадцати кубов без отпалки динамитом. Народ нам даже не поверил...

Интересно отметить: знатнейший человек Прокопьевска, почетный шахтер Иван Акимыч Борисов, принял молотки только тогда, когда ему пригрозили партийным взысканием...

... Первый электровоз, загремевший по квершлагу, так напугал шахтеров-колхозников, что они разбежались в разные стороны.

Сопротивление внедрению механизмов не было, конечно, простым следствием косности рабочих, привыкших к кайлу и обушку. Под землей так же, как и на земле, орудовал классовый враг. Кулаки, работающие в качестве «спецпереселенцев», или избежавшие раскулачивания и загримировавшиеся под шахтеров, не только вели агитацию против машин, но еще и портили дорогие механизмы, гадили на них, лишали их особенно необходимых деталей.

Борьбу против этих разрушителей машин возглавили партийные организации Прокопьевска и его рудников.

Увидев, как старается под землей мощнейший «Шорт-Волло-удер», шахтеры поняли эту машину, полюбили ее и стали звать по-приятельски просто — «Чорт-Володя!».

XVIII.

Механическое вооружение Прокопьевска особенно быстро стало усиливаться с 1931 года, когда во главе «Кузбассугля» встал т. М. Л. Рухимович, являющийся одним из инициаторов форсированного развития Прокопьевска.

Это быстро сказалось на повышении добычи угля: в 1932 году Прокопьевский рудник выдал 1.933.000 тонн угля, т. е. в два раза больше, чем в 1930 году.

Но за эти три года черная металлургия выросла столь мощно, что она могла поглотить почти неограниченное количество угля. В тридцати километрах от Прокопьевска готовился к пуску Кузнецкий металлургический завод, у подножья Магнитной горы разжигались домны одного из величайших в мире металлургических заводов.

Как ни быстро рос Прокопьевск, он все же отстал от своих собратьев — от Кузнецкстроя и Магнитостроя.

Новые заводы нельзя было оставить без коксующихся углей. Реконструированные заводы Урала также требовали угля. Боясь, что рудник не сможет удовлетворить потребности черной металлургии, прокопьевцы приняли заведомо экстенсивную систему горных работ — «камерно-столбовую систему с магазинированием и обрушением кровли.

Сущность этой системы заключается в том, что выработанное и освобожденное от угля пространство не закладывается пустой породой, а кровля над выработанным пространством обрушивается.

Эта система давала возможность в наикратчайший срок добывать горы угля, так как здесь добыча не сопровождается кропотливым транспортированием закладочных материалов в выработанное пространство шахты.

Но система работ с обрушением имела много недостатков. В магазинное пространство ссыпался не только уголь, но и куски породы, и это недопустимо увеличивало зольность угля. Между камерами приходилось оставлять предохранительные массивы угля, так называемые целики. Эти массивы безвозвратно выпадали из угольных рессурсов шахты. Общие потери достигали солидной цифры в 30 — 50%.

Кроме того, обрушение больших масс угля вызывало подземные пожары, портило поверхность шахты и создавало воронки, по которым потом в шахту стекала вода.

Система работ с обрушением была принята, как временная. В 1935 году на Прокопьевском руднике один миллион тонн будет добыт с полной закладкой выработанных пространств.

На шахте Коксовой эта система принята уже теперь.

XIX.

«Между линией Кольчугинской железной дороги и путями прокопьевских шахт частоколом ограничен участок земли. На участке две деревянных конических вышки. Они густо покрыты пушистым инеем. Стальные канаты тянутся от вышек и скрываются в деревянных пристройках. Дымят трубы двух локомобилей. Тишина. Безлюдие. Свежий, светло-желтый тес вышек, сараев и складов сверкает от яркого зимнего солнца. Тишина... У ворот стоит скучающий часовой в желтом тулупе. Течет ручей... Обычный вид какого-нибудь небольшого производства»...

...Так, по описанию сибирского очеркиста П. Н. Стрижкова, выглядела шахта Коксовая в ноябре 1931 года.

В ноябре 1934 года приезжий не увидит ни частокола, ни деревянных конических вышек. Сорокадвухметровый копер, сплетенный из железного черного кружева, стоит над скиповым стволом, облокотившись о трехэтажное здание бункеров. Над клетьевым стволом высится другой копер, ростом в пятнадцать метров.

Приезжего поражают, впрочем, не эти копры, а огромное, белое и очень светлое здание комбината шахты.

Дорогу прокладывают *Худ. І. Шегаль*

Если приезжий когда-либо бывал на Украине, он непременно вспомнит украинскую мазанку, заботливо побеленную хозяйкой в канун большого праздника.

Но в комбинате живет не украинская колхозница, а невысокий, начавший уже полнеть человек, товарищ Юдкин, управляющий шахтой.

Если приезжий заметит товарищу Юдкину, что белая окраска, пожалуй, непрактична на этом производстве, где так много грязи и угольной пыли, товарищ Юдкин засмеется и ответит: он потому и ввел белую окраску, чтобы на этом производстве больше не было ни грязи, ни угольной пыли.

Чистота и шахта, по мнению Юдкина,—понятия, исключающие друг друга только на капиталистических рудниках. В наших условиях уголь можно примирить даже с тоненькой, зеленой елочкой и нежными красивыми цветами.

И верно: под окнами комбината стоят зеленые ряды елочек, и за невысокой, свеже-желтеющей изгородью чернеют взрытые, готовые к приему цветов, большие и круглые клумбы.

Своим широким фасадом комбинат выходит на главное шоссе. Посреди фасада приезжий видит внушительный подъезд. Мраморные львы еще не лежат в подъезде, они еще не заказаны скульпторам (так шутит товарищ Юдкин), — но привратник, строгий и степенный, как швейцар большого отеля, непременно спросит у приезжего пропуск. У шахтера привратник отбирает его рабочий номер.

Вестибюль комбината вместителен, как Казанский вокзал в Москве. Справа к вестибюлю примыкает гардеробная, слева — помещение раскомандировки.

В гардеробной шахтер оставляет свою одежду и получает спецовку.

Приезжий обычно идет в раскомандировочную. Раскомандировочная поражает даже после вестибюля. Это — зал в два света. Вдоль его стен, выкрашенных масляной краской, стоят конторки шахтовых участков. Их двери белы, как двери госпиталя. Красивая, прочная лестница ведет во второй этаж, где помещается кабинет управляющего.

Управляющий сидит за столом и видит всю раскомандировку. По микрофону он может отдать любое распоряжение: его голос будет услышан на любом участке.

Его кабинет — это капитанское помещение. И когда приезжий глянет отсюда на раскомандировочную, ему легко может показаться, что он видит не стену раскомандировочной, а высокий борт корабля, и что участковые конторки — не конторки вовсе, а каютки начсостава. Только окна «корабля» не похожи на иллюминатор, но они расположены очень высоко, так, что океанская волна не захлестнет внутрь и не нарушит торжественной и строгой тишины.

Приезжий прикасается к стенам, к подоконникам, к перилам лестниц. Все здесь солидное, прочное, настоящее. Но приезжему почему-то кажется, что он видит театральную декорацию.

Все очень просто. Идет американизированная постановка в Камерном театре — и только.

Это чувство ненастоящей зрелищности усиливается, когда приезжий останавливается у фонтана, выбрасывающего светлую, нежно-лепечущую струю.

Мерное падение воды подчеркивает строгую тишину. Чисто одетые люди стоят у книжного киоска, просматривая книги и журналы. Тихо шелестят страницы.

Неужели все это настоящее?

Приезжий рассеянно протягивает руку под шепелявую струйку фонтана.

Появляется женщина в строгом, черном платочке.

— Гражданин, — укоризненно говорит она, — здесь руки мыть не полагается, — здесь люди пьют, гражданин.

Приезжий улыбается и просит извинения. Значит, верно! Значит, все это настоящее — и струйка, и двухсветный зал! Здесь люди пьют? Очень хорошо! Да здравствуют люди, которые пьют светлую воду!

Смешно суетясь и улыбаясь, приезжий заходит в одну из конторок. Ему дают разрешение на спуск в шахту. Начальник участка согласен его проводить. И вот они выходят — приезжий и начальник участка, маленький и смуглый человек.

Огромный двор. Лебедки гремят. Зеленеют елочки. Какие-то люди разбирают бревенчатый, двухэтажный дом. Он встал не на

месте, грязнуля! Он позорит белоснежные стены и вот его убирают. Так ему и надо бревенчатому!

Начальник приводит приезжего в ламповую.

Опять огромный зал. Лампы висят на железных вешалках, как виноградные гроздья.

— Две, — коротко говорит начальник.

Ламповщица в синем комбинезоне выдает две лампы.

Все в порядке.

Начальник и приезжий выходят из ламповой.

Кочки, рытвины, кучи мусора.

Начальник начинает оправдываться:

— Поверхность нам испортила шахта 2. Она работает прямо над нами, то-есть над шахтой Коксовой. Видите, вон ее гнилушки.

Деревянные сооружения шахты 2, грязные и все какие-то перекошенные, рядом с белыми громадами комбината кажутся развалинами рудника, по меньшей мере, Петровских времен.

Но шахта 2 не столь уж почтенная старушка. Это — первая шахта Прокопьевска, ей нет и десяти лет. Начальник не питает к ней никакого уважения, несмотря на ее исторические заслуги.

— Закрываем ее в этом году, — говорит он, сердито блестя маленькими, угольно-черными глазками, — она работает с обрушением и от нее над головой у нас свирепствуют пожары. Посмотрите вон на дымок, — это наследство шахты 2.

Над черным провалом, похожим на воронку от большого снаряда, действительно курится дымок.

Маленький начальник не унимается.

— Мой участок на нижнем горизонте, — говорит он все так же сердито, — а надо мной как раз пожар.

Черные, жесткие волосы начальника выбились из-под картузика. Он черен, как малорослый негр. Он стучит подковами тяжелых сапог, и приезжему невольно вспоминается песенка сына.

Черный, черный, черный жук
Подковами стук, стук, стук...

В двадцати-тридцати шагах от воронки подземного пожара чернеет четырехугольный лаз.

— Печь моего участка, — сообщает начальник и лезет в люк.

Деревянная лестница, как в крестьянском погребе.

Ничего не видно.

Приезжий натыкается на какие-то столбы, на какие-то стенки.

Он замечает только, что идет под уклон.

Постепенно глаза привыкают к темноте.

Приезжий вспоминает первый свой спуск под землю. Это было в 1928 году. Шахта, в которую он спускался, до сих пор существует в Кемерове под именем Центральной. Приезжий шел тогда по печам. Они были узки, как рукав пальто. Здесь же, на шахте Коксовой, они просторны.

Впереди мелькает электрический свет. Какая-то машина пыхтит в полумгле. Слышится сухой шелест.

— Закладочная машина! — объявляет начальник участка.

Теперь все понятно.

Приезжий отчетливо видит машину и широкую ленту транспортера, несущую размельченную в порошок породу.

А вот и участок закладочных работ.

Довольно просторная выработка. Передняя и боковая стенки — угольные. Другая боковая стенка забрана досками. Лента транспортера сбрасывает здесь землю, девушки подхватывают ее лопатами и бросают вперед, перед собой.

Так выработки закладывают породой.

— Это еще не вполне механизированная закладка,— сообщает начальник и лезет под ленту транспортера.

Приезжий следует за ним.

Они огибают забор.

Матовые, молочно-белые электрические фонари освещают черную, блестящую высокую стенку угольного пласта. Вдоль стенки, на некотором расстоянии друг от друга, стоят забойщики, — один, другой, третий. В руках у них — отбойные молотки.

Яростное пулеметное татаканье. Отбойный молоток, действительно, похож на преувеличенно большой «Кольт». Он бьет по пласту наискось, и уголь падает большими кусками. Ноги забойщиков по щиколотку погружены в размельченный уголь.

Уголь сыплется вниз по железному, наклонному корытцу рештака.

Принимают его в откаточном штреке.

Приезжий видел процесс погрузки угля в откаточном штреке.

Все было очень просто.

Электровоз — черный, приземистый и сильный, подкатывал вагончики, подкатчики ставили их под люк печи, и уголь с грохотом падал, наполняя вагончик буквально в одну минуту.

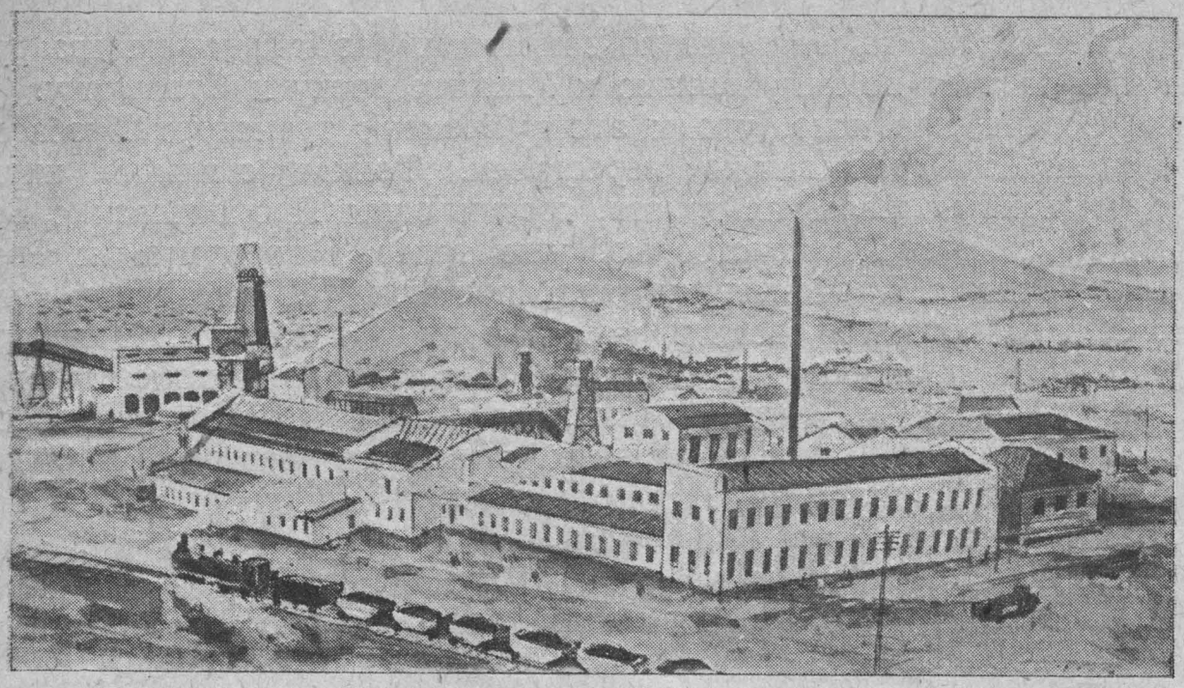
Так они наполнили десять вагончиков. Потом примчался электровоз, и подземный эшелон угля покатился к выходу штрека, в квершлаг.

Начальник участка и приезжий также вышли в квершлаг — в широкий длинный коридор, пересекающий все штреки и сливающийся с еще более широким и просторным рудничным двором, который нельзя назвать иначе, как подземным вокзалом.

Здесь расположены все подземные службы: насосная камера, электровозное депо, камера ожидания и даже пункт первой помощи.

Приезжего более всего поразил пункт первой помощи, — большая, светлая, тихая комната, где в ожидании больных сидела фельдшерица, неторопливо читавшая роман.

На столе у нее, в высоком и узеньком стакане стоял букет цветов. Приезжий опять вспомнил афоризм Юдкина о таких по-



Общий вид коксовой шахты *Худ. А. Нюренберг*

нятиях, как цветы и шахты, о далеких понятиях, которые в наше время стали близкими.

XX.

Прокопьевцы с гордостью говорят о шахте Коксовой:

— Величайшая в Старом свете!

Это правильно. Шахта Коксовая, суточная добыча которой, при полном окончании ее строительства, достигнет цифры в 10.000 тонн, уступает только американской шахте «Нью-Ориент» с производственной мощностью, определяемой суточной добычей в 10.800 тонн. «Нью-Ориент» вследствие кризиса работает с малой нагрузкой. Добыча ее падает. Шахта Коксовая еще не вступила полностью в эксплоатацию, но уже теперь дает 1.500 тонн в сутки, и добыча ее с каждым месяцем повышается.

Все процессы в шахте механизированы. Уже теперь в штреках шахты уложено пятнадцать километров подземных путей. Электровозы подают подземные поезда в квершлаг, а затем мчат их к гигантским бункерам. Здесь вагонетки автоматически разгружаются, высыпая уголь в воронкообразные хранилища — бункера. Скипы, громадные железные коробки вместимостью в 8 тонн, опускаются по скиповому стволу, автоматически открывают бункер и, забрав уголь, устремляются вверх.

Наверху, в надшахтном здании, стоят приемные бункера. Сюда скипы ссыпают уголь. Скребковые конвейеры гонят уголь в здание железнодорожных погрузочных бункеров. Отсюда уголь погружается в вагоны.

Шахта Коксовая будет выдавать вагон угля в минуту, шестьдесят вагонов в час и свыше тысячи вагонов в сутки. Черная

угольная река вырвется из подземелья и, разбившись на два рукава, потечет по направлению к Магнитогорску и Сталинску.

Совершенно ясно, что к этому времени транспорт Кузбасса должен быть решительно перестроен. Тонкая стальная нить, одноколейная железная дорога, соединяющая Прокопьевск с Великой сибирской магистралью, уже теперь «подводит» и «режет» рудник. Прокопьевску дают, примерно, 60 процентов того железнодорожного состава, который ему требуется. В январе 1934 года прокопьевцы, чтобы не сорвать работы коксовых печей Сталинска и Магнитогорска, вынуждены были на некоторое время прекратить выдачу рядовых углей и перейти только на добычу коксующих углей, под которые железная дорога могла подавать вагоны.

В настоящее время на руднике некуда разместить добытый уголь, потому что в отвалах лежит около 300.000 тонн угля.

Полная закладка выработанного пространства, которая уже применяется на шахте Коксовой и в будущем вводится по всему руднику так же требует полной перестройки транспорта. Нужен будет огромный подвижной состав для подвоза к шахтам такого количества пустой породы, чтобы ею можно было заполнить выработанные пространства.

О масштабах закладочных работ можно получить представление по следующему факту. Сейчас поле шахты Коксовой примыкает к двум довольно высоким сопкам. Одна из них называется «Большой Марс», другая — «Малый Марс». Человек, который видел эти сопки в 1934 году, может их не увидеть, допустим, в 1939 году. Они будут опущены под землю, в гигантские выработки шахты Коксовой.

Закладочное хозяйство Коксовой столь велико, что для него придется построить целый город.

Не удивительно, что проектная стоимость Коксовой определяется в 130.000.000 рублей.

XXI.

Прокопьевск мы назвали сверстником первой пятилетки. Название вполне обоснованное.

До 1928 года в Прокопьевске не было ни одного каменного дома. Жило тогда в Прокопьевске 17.500 человек. В настоящее время население Прокопьевска выросло до 130.000 человек. Семнадцать тысяч и сто тридцать тысяч — величины настолько несоизмеримые, что летоисчисление Прокопьевска, как города, можно повести с 1928 г. То, что было до этого года, есть только предъистория.

На земле «его императорского величества» возник крохотный рудник. На руднике копошилась сотня шахтеров, и двое или трое из них построили халупы, большинство же разместилось в крестьянских избах села Прокопьевского.

Первые халупы первых шахтеров все же были какими-то ячейками будущего города. Трудармейцы, снявшие вагоны с колес, построили несколько теплушечных улиц. Это было первое крупное напластование, одно из тех напластований, из которых постепенно складывался «доисторический» Прокопьевск.

Затем с окрестных мелких приисков и рудников начали перевозить бараки. Несколько домов в разобранном виде были доставлены из Кузнецка и Томска, несколько срубов были изготовлены в Тайге и гужевым транспортом переброшены в Прокопьевск.

Так отложилось второе напластование — деревянное.

Когда в окрестностях не осталось ни одного пустующего дома и ни одного сруба, которые можно было бы перевезти в Прокопьевск, люди стали строить землянки.

Земляное напластование было самым мощным.

Строились землянки «самосильно». Человек, приехавший в Прокопьевск на работу (чаще всего это был крестьянин), облюбовывал местечко на склоне какого-нибудь оврага и начинал пробивать углубление в пологой стенке. Дерн он складывал аккуратными штабелями, а землей выравнивал площадку будущего дома.

Потом начинались заготовки дерева. Из разных мест строитель тащил доски, обрезки бревен, плахи. Закопав в землю четыре столба, он соединял их перекладинами. Верх и боковины забирались досками. На доски он складывал дерн. Пустоты между боковыми досками и щеками горы заполнялись землей.

Через несколько дней семья переселялась в свой «дом». Конечно, это не был дворец, но семья довольствовалась тем, что у нее «свой угол». В своем углу жилось тускло. «Цветы задыхались» в земляночной духоте, если только заботливая хозяйка пыталась украсить свое жилище цветами.

Но человек продолжал строить землянки. Так возникли целые улицы землянок, которые почему-то назывались именами классиков.

Были улицы Пушкина, Лермонтова, Толстого. И были Нахаловки — Большая, Малая, Нижняя и Верхняя Нахаловки, — опоясывающие Прокопьевск земляным кольцом.

В 1923 году Прокопьевск пережил период кратковременного «глиняного напластования». Прожектер или по сердитому выражению шахтеров «сукин сын» Векшин предложил строить жилища из хвороста и глины. Целый квартал таких жилищ был построен в течение лета. Прожектер получил премию, а осенью дожди размыли глину, и жильцы остались под открытым небом. Прожектер в диком испуге покинул Прокопьевск.

С 1924 года началось усиленное строительство бараков и двухквартирных, а также четырехквартирных домов, которые и образовали главные улицы теперешнего Прокопьевска — Фасадную, Артемовскую, Комсомольскую.

С 1924 г. открылось пассажирское движение на участке железной дороги от Прокопьевска (станция «Усяты») до Кольчугина. Прокопьевск получил выход к сибирской магистрали. До этого времени на станцию «Усяты» приходили только товарные поезда, причем движение поездов не было подчинено какому бы то ни было расписанию.

С открытием пассажирского движения на станцию «Усяты» стали приходить еженедельно два пассажирских поезда.

Два поезда в неделю! Один этот факт ярко показывает, каким поистине медвежьим углом был Прокопьевск десять лет тому назад!

А вот и второй факт — не менее выразительный. В конце 1926 года клуб имени Артема, помещавшийся в стареньком бараке, впервые был радиофицирован.

«В клубе, — рассказывает старожил Прокопьевска инженер Грибченко,—поставили большую трубу и какой-то ящичек с блестящими ртутными лампами. Монтер долго возился с этим ящиком, а публика сидела в зале и, молча, ждала. Наконец, труба захрипела и послышались какие-то граммофонные звуки. Слышно было плохо, но публика очень волновалась. Многие не поверили в радио и, уходя, громко кричали, что это жульничество»...

XXII

Раньше было сказано, что строительство гигантских шахт пятилетки Прокопьевский рудник начал при помощи конного ворота и деревянного копра.

К началу первой пятилетки молодой рудник пришел отсталым не только в техническом, но и в культурно-бытовом отношении.

Рост Прокопьевска был поэтому особенно болезненным.

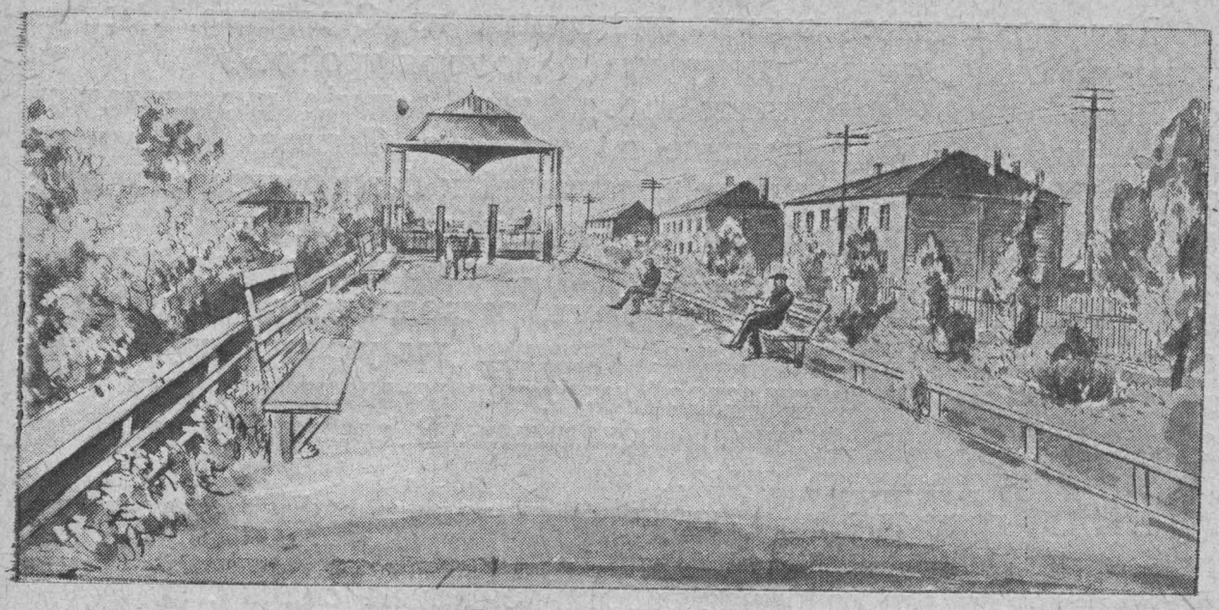
С 1928 года население начало быстро увеличиваться.

В 1931 году население его выросло до 50.000 человек. За три года население города у т р о и л о с ь.

С 1928 года Прокопьевск стал строиться бешеными темпами. Но никакое строительство не могло угнаться за невероятным ростом населения.

Трудность положения заключалась еще в том, что Прокопьевск располагал только одноколейной железной дорогой. Она перевозила строительные материалы и для Прокопьевска и для Кузнецкстроя, и для Беловского цинкового завода и для других заводов и городов Кузбасса, которые строились все сразу. В добавок к этому железная дорога приняла еще перевозку многочисленных маршрутов угля, отправляемых из Кузбасса на Урал. Совершенно ясно, что одноколейка, построенная наспех и имеющая чрезвычайно трудный профиль, не могла справиться со всеми перевозками.

Статистики подсчитают со временем общее количество грузов, перевезенных одноколейкой Кузбасса в те героические годы. Тогда, вероятно, будет установлено, что одноколейка со-



Прокопьевск. Благоустройство города *Худ. А. Нюренберг*

вершила железнодорожное чудо, что ее техника в ту пору была «на грани фантастики». Но строители городов «Кузбасса» не занимались такими подсчетами. Они ненавидели одноколейку, которая «резала все строительство».

Прокопьевск, в частности, из-за неполадок транспорта и недостатка строительных материалов в 1931 году очутился в таком тяжелом положении, что зимой этого года значительные контингенты новых рабочих рудника остались без жилищ и были вынуждены жить или в землянках или в двойных палатках, отопляемых железными печами.

От жилищного кризиса Прокопьевск страдал больше, чем все другие города Сибири. Люди убегали из Прокопьевска, и рабочие его контингенты в течение одного 1931 года обновились четыре раза.

Нужно заметить, что Прокопьевск страдал не только от дефицита жилплощади, но еще и от дефицита воды.

Город имеет только один естественный водоем — реченку Аба. Реченка эта настолько мала и настолько грязна, что говорить о ней всерьез нельзя. Население получало воду из колодцев. Этой воды хватало доисторическому Прокопьевску, Прокопьевску периода «штолен и маленьких шахт».

В 1928 году, когда началось строительство шахт-гигантов и уголь начали вырабатывать по вертикали, уровень подземных вод начал понижаться и колодцы обмелели. Они не могли уже напоить город с пятидесятитысячным населением. И вода стала цениться здесь также дорого, как она ценится в пустыне. В 1929 году в Прокопьевске наблюдались такие же факты, какие отмечал в своей книге о Туркмении писатель Николай Тихонов. Инженеры, жившие в местной гостинице, бегали в местный Акорти, захватив с бою несколько бутылок Нарзана, умывались этим прохладительным и целебным напитком.

Воду приходилось возить цистернами из Сталинска. Распределением ее заведывала специальная «водяная тройка».

Чем больше разрастался город, тем сильнее чувствовалась недостача воды. Обследование плоскогорья Тыргана и других окрестностей города привело строителей к безотрадному выводу: местные ручейки и речушки не могли напоить город.

Летом 1930 года началось строительство водопровода. Трубы нужно было уложить от реки Томи, расположенной в тридцати семи верстах от Прокопьевска. Траншеи для укладки труб копали очень долго. Водоканалстрой не сумел во-время получить оборудования, и траншеи зимой обвалились. В следующий сезон их пришлось раскапывать снова.

В 1933 году трубы, наконец, были уложены. Была уже поздняя осень. Возникла опасность, что трубы, не покрытые землей, промерзнут, и вся огромная работа пойдет на смарку.

Тогда семнадцать тысяч рабочих Прокопьевска вышли с лопатами и за один день закопали все траншеи на протяжении тридцати семи километров.

Так был спасен водопровод.

С пуском водопровода горсовет сумел построить сорок восемь будок, и душевое потребление воды сразу увеличилось втрое.

Так была разрешена проблема воды.

Жилищные дела к этому времени также наладились.

В течение 1932—1934 гг. Прокопьевск получил 130.000 квадратных метров новой жилплощади.

В 1933 году сразу вошли в строй три огромных культурных комбината: клуб имени Артема в центре Прокопьевска, клуб имени Ворошилова на южной колонии и общегородской звуковой кинотеатр имени Эйхе.

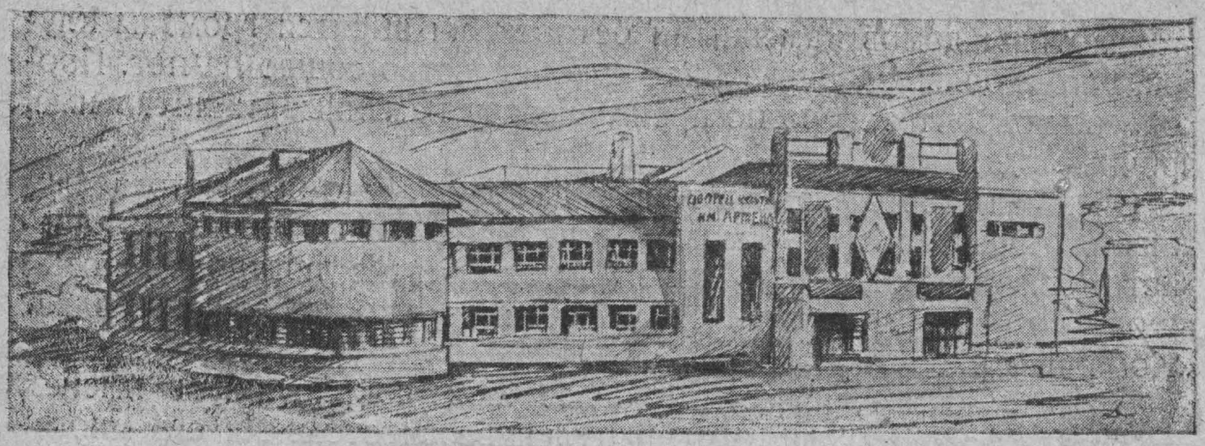
Летом 1934 года на Артемовской улице открылся первый цветочный магазин.

Этот факт кажется не очень значительным, но он ознаменовал начало нового периода в истории города.

Раньше люди жили в Прокопьевске по-бивуачному. Приехав сюда на работу, какой-нибудь инженер или рабочий рассуждал так:

«Перетерплю! Перетерплю нарзан, которым здесь моются! Перетерплю грязь, через которую можно пролезть только в болотных сапогах! Перетерплю клопов, которые превращают ночь в утонченный «сад пыток»! Через месяц, в самом худом случае через два месяца, выпадет удобный предлог, и я навсегда покину этот проклятый город!».

Получив квартиру в новом доме, получив возможность видеть в клубе им Артема, гастроли театра Мейерхольда, театра Немировича-Данченко или балета Викторины Кригер, человек забывал жгучие муки клопиных ночей и начинал рассуждать так.



Клуб им. Артема *Худ. Девинов*

— С отъездом можно повременить. Посмотрим-ка лучше, что дальше будет!

А дальше жизнь становилась все заманчивей и интересней.

Город приступил к постройке пятидесятиквартирного дома специалистов. Город закладывал парк культуры и отдыха. Город начинал копаться в самом большом овраге «Крутые топки», решив превратить эту грандиозную помойку Прокопьевска в большой и прохладный пруд, населенный белыми лебедями и легкими яхтами.

Человек оставался.

В выходной день он неожиданно брал лопату и шел в овраг «Крутые топки». Там домохозяйки ломали овражные землянки, там инженеры на маленьких тачках вывозили мусор, там пионеры разбивали клумбы. И человек лихо засучивал рукава и, весело плюнув в ладони, начинал ломать землянки, возить мусор и сажать цветы.

XXIII

Прокопьевск построен на оврагах, рытвинах и буераках.

Раньше город утопал в грязи. Весной и осенью грязь становилась непролазной. Летом она подсыхала и превращалась в пыль. Ветер поднимал пыльные вихри, и они так свирепо обрушивались на проходящего, что его белый летний костюм мгновенно превращался в серый. В городе не было ни одного тротуара, ни одного кустика. Пыль, безводье, безотрадная угольная чернота, покрывающая здания, заводы и землю, заставляли с тоской думать о реке, о лесе, о свежей зелени.

Так было еще вчера.

Сегодня Прокопьевск не кажется уже таким неряхой.

Человек, приехавший в Прокопьевск после пятилетнего отсутствия, не узнает «знакомых и печальных мест».

Куда только он ни кинет взгляд, повсюду перед ним встают новые здания, белые, многооконные, высокие. Среди бараков и

стандартных домов каменными островками высятся громады клубов, школ, больниц. Деревянное строительство сошло на-нет. Прокопьевск строит теперь по преимуществу каменные, капитальные, прочные здания.

Очень многое сделано в городе для культурно-бытового обслуживания населения. На Тыргане в четырех новых корпусах работает Горный техникум, в самом Прокопьевске построены новые школы и большая техническая станция, которая возглавляет «Комбинат рабочего образования».

Этот комбинат, известный более под сокращенным именем КРО, является гигантским рабочим университетом. На его многочисленных курсах шахтеры Прокопьевска повышают свою квалификацию, и вчерашние колхозники становятся мотористами, электротехниками, горными десятниками.

Года три назад в Прокопьевске еще не была разрешена «проблема бань». После работы шахтеру мудрено было вымыться, потому что шахтовые мойки, маленькие и очень грязные, часто прекращали подачу воды, и шахтер, бранясь и проклиная все на свете, должен был снимать с себя мыльную пену «горстями или же своим бельем».

Новая мойка шахты Коксовой, по размеру похожая на вокзал, может пропустить пять-шесть тысяч человек. Она оборудована душами, белье и одежда шахтеров хранятся здесь в чистых гардеробах, так что шахтеры не приносят уже домой клопов и вшей, как это было раньше.

Мойки других шахт, например шахты 3—3-бис, не только не уступают бане шахтеров Коксовой, но во многом ее превосходят.

На шахте 3—3-бис, в том отделении бани, которое предназначено для инженеров и техников, поставлены ванны, гардеробная же украшена очень изящными зеркалами.

Можно смело сказать, что с открытием большого банно-прачечного комбината, который вступает в строй в ближайшее время, «банная проблема» в Прокопьевске перестанет существовать.

В благоустройстве города большое участие принимает само население.

С того времени, как прокопьевские рабочие спасли свой водопровод, началась эта упорная борьба за благоустройство города. Домохозяйки, шахтеры, школьники, пионеры, врачи, школьные работники, каждый житель Прокопьевска, отдали этой борьбе по три-четыре, а иногда и по восьми-девяти рабочих дней.

За один только октябрь 1933 года усилиями городского населения было посажено свыше 50.000 кустарников и деревьев и построено 17 километров тротуаров. Одиннадцать улиц Прокопьевска, очищенные от грязи, украсились молодыми, робкими, но все же трогательными бульварами.

30.000 трудодней отдали люди Прокопьевска на благоустройство своего города. Домохозяйки, соревнуясь друг с другом, начали поход против клопов и тараканов. Квартиры, побеленные

известью, с окнами, завешанными белыми хрустящими от крахмала занавесками, украсились цветами и репродукциями картин. Спрос на известь и краску так сильно возрос, что руководителям городского хозяйства пришлось подумать об открытии магазина, специально торгующего этими предметами.

Город, утопавший в грязи, стал подумывать об асфальтовых тротуарах. Асфальт, к сожалению, не удалось достать и вдоль домов пришлось уложить до более лучших времен обычную для сибирских городов деревянную панель.

В 1934 году рабочие Прокопьевска отдали на благоустройство города 50.000 трудодней.

В этом году город приступил уже к постройке трамвая.

Прокопьевцы полюбили свой город и начали устраивать его «всерьез и надолго».

Надо сказать, что теперешний Прокопьевск построен на угле. На территории теперешнего Прокопьевска, кроме полосы отчуждения железных дорог, нет ни одной площадки, которая была бы свободной от угля. Городу здесь некуда расти.

Между тем, он должен расти очень бурно, потому что Прокопьевский рудник развивается необычайно быстро и необычайно успешно. В самом недалеком времени население города может удвоиться.

Поиски площадки для нового города начались еще в 1929 году. Было выяснено, что единственной пригодной для этой цели территорией является плоскогорье Тырган, отстоящее в километрах пяти от теперешнего Прокопьевска.

Уже пятый год горпроект составляет план будущего города на Тыргане. До сих пор строители проекта получили только эскизные наметки части будущего Углеграда. По этим наметкам строить еще нельзя.

И вот руководителям города приходится вести капитальное строительство на территории теперешнего Прокопьевска.

По постановлению Совнаркома горпроект должен закончить составление генерального проекта Углеграда к началу 1935 года. Прокопьевцы очень обрадовались этому постановлению, но большинство из них уверено, что горпроект «подведет и на этот раз».

XXIV

Город-подросток. Он прекрасен в час зимнего рассвета, когда сопки его еще скрыты серой мглой, когда его колонии, разбросанные меж сопок, светятся бесчисленными огнями, когда громадный дом рудоуправления и комбинат шахты Коксовой с их ярко освещенными окнами кажутся океанскими пароходами, стоящими в ночном порту.

В этот час город полон оживления и снежного хруста.

Шахтеры, гремя подковами сапогов и громко переговариваясь идут на работу. Почтальоны, отягощенные черными сумками, проходят мимо спящих домов. Инженеры в стеганых штанах и в ват-

ных телогрейках, раскуривая трубки или папиросы, едут на шахты.

Постепенно мгла рассеивается. Человек, проживший в Прокопьевске месяц и теперь собирающийся домой, подходит к окну своей комнаты в гостинице и распахивает форточку.

Совсем . рассвело.

Дворники, неожиданные в этом городе, выходят на улицу и лопатами ожесточенно скребут тротуары. Повара в белых одеждах выволакивают из столовых окровавленные туши и начинают рубить мясо здесь же на белом снегу. Два человека распрощались под окном гостиницы, и один крикнул, вынув изо рта трубку:

— Глюкауф!

— Глюкауф! Счастливо наверх!

Это приветствие немецких горняков, работающих в Прокопьевске. Но оно не звучало здесь мрачно, как в Руре: «Счастливо выбраться». Оно звучало именно так:

— Счастливо наверх! Счастливо вперед!

Однако, пора. Шаги возчика гремят в коридоре. Человек еще шире раскрывает фортку и окидывает прощальным взглядом полюбившийся ему город. Он смотрит на его изломанные улицы, он прислушивается к ритму его мощного дыхания и вдруг начинает растроганно орать:

— Будь здоров, молодой город! Расти большой! Глюкауф!

★

Л. М. КАГАНОВИЧ

«НАСТОЯЩИЕ ОБРАЗЦЫ ГЕРОЙСТВА НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ ДАЮТ УЖЕ НЕ ЕДИНИЦЫ, А ДЕСЯТКИ И СОТНИ ТЫСЯЧ!»

Из доклада на XVII съезде ВКП(б).

Председатель Прокопьевского горсовета т. РОМАНОВ.

ЗНАТНЫЕ ЛЮДИ

Сколько их?

Десятки. Писать о всех — нехватило бы и нескольких книг.

Мы берем только 10 человек — из разных областей работы.

«Жемчужина Кузбасса» растет совместными усилиями рабочих, инженеров и работников культурного фронта.

Мы показываем десяток человек, но рядом с ними вправе стоять не менее уважаемые и заслуженные товарищи: секретарь горкома партии т. Курганов, председатель горсовета т. Романов, управляющий рудником т. Овсянников, инженер Коровин, инженер Краснослободский, инженер Соронко, парторганизатор шахты № 2 Кононов. Начальник участка т. Сурначев, управляющий 10 штольней т. Кузин, забойщик-кореец Ющубе, нашедший в СССР свою вторую родину, и бригадир Семен Черных — образцовый производственник, комсомолец и снайпер; и девушки-работницы, уверенно стоящие у шахтовых механизмов, — Твердохлебова, Козулина, Николаева и другие.

Эта книга — дань уважения всем им и всем прочим знатным людям Прокопьевска.

Их коллективное дело — великий вклад в строительство социализма, и пусть эта мысль станет их гордостью и помогает им и впредь мужественно итти вперед.

Электросверло — *Худ. Девинов*

Бригадир Борисов

... Значит, вы хотите, чтобы я рассказал о себе!

Ну, что ж, пожалуйста. Если только не будет вам скучно.

Зовут меня Иван Акимович. Родился в Сибири в 1905 году, когда гремела первая революция. Отец сначала занимался крестьянством. Жили мы тогда в селе Знаменском, недалеко от Томска. Потом отец работал на лесозаготовках для Судженских копей. Восемь лет заготовлял он с братьями лес и умер.

В начале семнадцатого года братьев моих забрали на военную службу и погнали на германский фронт. Остался я один, а шел мне тогда всего 12-й год. Двинулся я с своими слабыми силенками на лесозаготовки, два года проработал, чуть не надорвался, — дело-то ведь это нелегкое.

Вернулись братья с фронта, и мы перебрались в Судженку, потом в 1921 году поехали на работу по укладке пути на Кольчугинской железной дороге. Заработали здесь лошадь и пошли с ней на земляные работы в Белово и Бочаты.

В 1923 году решили мы с братом попытать счастья на Урале. Осели в Свердловской области на Егоршинских копях: брат поступил забойщиком в шахту и взял меня к себе учеником. Около трех лет проработали мы на Урале, а после этого вернулись в Сибирь и стали жить на Прокопьевском руднике.

Устроиться тогда в Прокопьевске было трудно из-за безработицы. Но у брата были уже профсоюзный стаж и горняцкая прак-

тика, — и его приняли. Ну, а за ним поступил и я. Мне повезло, сразу попал в бригаду старых рабочих, самостоятельных горняков. Много помог мне горняк К р у ж, прекрасный мастер своего дела, добросовестно и терпеливо учивший меня работать в шахте.

Жить было негде. Сложили мы себе землянку и кое-как в ней ютились.

Работал я сперва на 8 штольне. Оборудование там было устарелое: кайло да ручной бур. В 1929 году перебросили меня на мощный пласт, и здесь я впервые увидел механизацию. Дальше работали уже пневматическим способом, применяли перфораторные молотки и электросверла.

С молотком дело долго не ладилось. Мы, собственно говоря, даже не знали, что они собой представляют. А нас заставляли их брать. Ну, что же, приносили их, бывало, в забой, привертываем к шланге, и только. Молоток стоит себе, а мы работаем кайлом. Одним словом, дурака валяли. Затем прикрепили к нам одного немца, он показал, как надо отбойным молотком действовать, как его разбирать, исправлять, и научились мы, ничего особенно мудренного, оказывается, не было.

Раньше, например, бывало так: попадет в молоток какая-нибудь соринка, отвернулся стуцер или цилиндр, и стоишь, как дурак, кладешь молоток на место и не знаешь, как быть дальше. Потом же, когда стали изучать молоток, приходишь в мастерскую, где их промывают, и спрашиваешь, что это за часть, как она работает? Монтер отвечает, что молоток засорился и все дело в цилиндре. И вскоре мы начали проверять сами: не засорен ли он, промыт ли?

А вот когда мы совсем освоили механизацию, — дело осложнилось. Поскольку, значит, труд наш облегчился, нам повысили норму добычи, и ребята стали ворчать, нормы, мол, дали большие, а расценки срезали и выходит-де, что механизация для нашего брата вовсе невыгодна. Особенно бузил Ячменeнко—несознательный и рвач, он докатился до того, что начал портить механизмы, — конечно, его отдали под суд и с позором выгнали. Избавившись от Ячменeнки, бригада наша сразу стала крепнуть, прошла целые курсы по механизации горного дела и вскоре уж не знала ни одного прорыва. Каждый месяц норма перевыполнялась: получаем месячное задание, к примеру сказать, в 2200 тонн, а выполняем 2500—2700.

Назначили меня бригадиром, и начал я сам себе подбирать бригаду. Выбрал несколько человек молодежи, завербованной в деревне. В первое время работы на руднике, они относились к производству неважно, даже не представляли себе, как это под землей можно работать. Я вел с ними беседы, объяснял все подробно, помогал осваивать механизмы и добился значительных успехов, — ребята работали неплохо. Потом мне удалось создать новую бригаду, еще крепче первой. На этот раз подобрались парни лучше.

Вообще я своей бригадой доволен и хотел бы сказать о некоторых товарищах подробнее. Вот, например, Кислицин. Я взял его, когда перешел на очистные работы. А почему взял? Потому, что он сам первый заинтересовался ими и попросился в бригаду. Мы знали, что он человек свой, с малолетства на руднике, шахтер старательный, — и приняли.

Или вот Пушкарев, Федор. Старый рабочий, был очень забитым. Ходил по разным бригадам и везде понедолгу: там плохо, тут неполадки, заработка нехватает, семья большая — девять душ. Мы его приняли и по-товарищески о нем позаботились. Дали ему ссуду из кассы взаимопомощи, да рудоуправление дало двести целковых — сто с возвратом, сто без возврата. И Пушкарев нашу заботу оценил, бригаду не подводит, программу выполняет хорошо.

Скажу еще о Щетинине. Человек, можно сказать, пострадавший на угольном фронте: помяло его углем, лежал в больнице. Когда выздоровел, поступил к нам. Наша бригада к этому времени имела своих коров, а у Щетинина коровы не было. Я и говорю ребятам: человек пострадал, а работает отлично, давайте попросим рудоуправление на счет коровы, он мужик честный, отработает на совесть. Написали заявление т. Овсянникову, он не отказал, и корова была куплена.

Надо сказать, что рудоуправление относится к ударникам всегда очень заботливо. Вы зайдите-ка ко мне на квартиру, посмотрите, как я живу. Нешто мечтал я о такой жизни, когда приехал в Прокопьевск и рыл себе паршивую землянку? А сейчас все члены бригады живут в хороших квартирах, обзавелись мебелью, одеждой, посудой. Питаемся сытно, молока дуем, сколько влезет.

Ну, конечно, все это не за прекрасные глаза, а за ударную работу.

Чтобы лучше овладеть механизмами и перевыполнить нормы, мы часто собираем бригаду на совещание и активно обсуждаем все производственные вопросы. Однажды, например, я поставил вопрос, чтобы смена принималась и передавалась не горным мастером, как это обычно бывает, а самими шахтерами. И мы решили впредь дожидаться, пока явится следующая смена. Явившись, она спрашивает: какую произвели работу, нет ли неполадков, всего ли хватает? Таким образом, одна смена всегда в курсе работы другой смены. Если мы не захватываем предыдущую смену в забое, мы встречаемся с ней в раскомандировке, она сдает нам инструменты, рассказывает, что и как делала.

Мы всегда находимся в соревновании с другими бригадами. План соревнования предварительно прорабатываем со всех сторон и по качеству угля, и по себестоимости, и по хозрасчету. Отстающие бригады берем на буксир.

Когда мы решили, что Кузбасс в нынешнем году должен выполнить годовую программу на два месяца раньше, мы созвали собрание производственных районов и предложили начальнику района подготовить конкретный план в частности для нашей бригады,

заверив, что такое обязательство мы на себя принимаем. Другие бригады согласились с нами. Но нашлись и такие, которые, видимо, не надеялись на себя, стояли и молчали. Тогда мы с начальником наметили побеседовать с ними отдельно. Так и сделали: выяснили, почему они не решаются, обещали устранить неполадки и помогать не на словах, а на деле. И часть сомневающихся примкнула к нам. Годовой план наша бригада закончила к 1 октября, раньше всех.

Наша бригада считается образцовой, первой в Кузбассе, ей присвоено имя вождя партии, товарища Сталина.

От хозяйственников я требую такого руководства, чтобы любой шахтер Прокопьевска был заинтересован попасть в мою бригаду. Так оно в сущности и есть. Рабочие чуть не ежедневно просились в мою бригаду, потому что у нас и заработок лучше, и неполадков меньше. Ежели и возникают какие неполадки, мы коллективными усилиями живо их ликвидируем. Заработок же у нас доходит до 800 рублей на человека в месяц.

Однажды, когда я уже приобрел хорошую репутацию, пригласили меня на открытое партийное собрание. Там разбирались вопросы, куда ведет нас партия, какими должны быть коммунисты. Меня все это заинтересовало. Достал устав партии, прочитал, подал заявление, и в октябрьские праздники 1932 года был принят в кандидаты партии. Никто против меня не возражал. Смущало одно: мало еще я понимал в политике, многое оставалось для меня неясным. Но проучился зиму в кандидатской школе и стал во всем разбираться гораздо лучше. Со стороны партийного руководства постоянно получаю широкую помощь. Понял, в частности, великое значение нашей массовой партийно-советской печати, зачислился в рабкоры и всю бригаду охватил этим делом, все начали писать в стенные и печатные газеты.

Вы спрашиваете, как я лично сейчас живу? Могу ответить так: зажиточно и культурно. Про квартиру и корову вы уже знаете. Обстановка тоже не подгуляла. Я купил себе варшавскую кровать, перину, четыре пуховых подушки, одеяла, простыни, шторы, а кроме того жене, себе и дочери пальто, костюмы, белье. Получаю достаточное количество мяса, масла, сахару, муки и других продуктов на себя и на каждого члена семьи. Есть огород, снял с него 22 куля картошки, несколько сот огурцов и прочее; овощами, таким образом, вполне обеспечен до будущего лета.

Выписываю «Известия», «Советскую Сибирь», «Забой», читаю и книги — больше политические. Хожу в кино, в театр.

Гостям всегда рад. Гости у меня бывали знатные: заходил товарищ Эйхе, заглядывал как-то раз один иностранный писатель. Он беседовал со мной через переводчика, внимательно осматривал мою квартиру. Что же, думаю, пусть посмотрит-полюбуется и расскажет зарубежным горнякам, как живут в Советском Союзе честные и энергичные рабочие.

★

Забойщик Бредис

Он не брился несколько дней — некогда было. Седоватая щетина неумолимо проступает на щеках, на подбородке, на шее и подчеркивает его старость.

Но разве он стар, этот почтенный ударник шахты № 2? Зайти на четверть часа в парикмахерскую, и он будет выглядеть совсем молодцом, ему можно будет дать не больше сорока.

Родился он в Латвии, 60 лет назад, в семье крестьянина-середняка. Семья большая, 8 человек, а земли мало.

Земельная теснота, непосильные налоги да полицейский произвол. Бежать от такой жизни!

Два старших брата бежали в Америку. За ними, на двадцать втором году жизни эмигрировал и он.

Что он оставлял на родине? Сельскую школу, в которой учился пять зим, пастушеский бич, с которым ходил за стадом с весны до осени, да ничем неизмеримый батрацкий труд в кулацких хозяйствах. От этого батрацкого труда скопил он по грошам 70 рублей, как раз столько, чтобы переехать через океан.

Никакой труд не пугал Бредиса: был он здоров, крепок, силен и вынослив. Первый же американский фермер, нуждавшийся в рабочей силе, с удовольствием взял его к себе: «Этакий парень может работать за пятерых».

Но Бредису захотелось быть поближе к настоящим пролетариям, к промышленным рабочим. Он поступил на одну из шахт в Западной Виргинии. Сначала откатчиком, затем забойщиком.

В американских шахтах он проработал 26 лет. Второй десяток лет работает в советских шахтах. Сорок лет под землей!

— Я хотел бы проработать под землей еще столько же! — улыбается т. Бредис.

Хорошо бы подсчитать на досуге, сколько пудов или тонн угля дал он на-гора за 15.000 рабочих дней.

А ну-ка, товарищ Бредис, прикиньте в уме...

Он смеется и машет рукой:

— Чепуха! Об этом не стоит думать. В Америке я 40 лет не выдержал бы, а здесь, в советских шахтах, можно работать еще столько же...

Американские капиталисты, владельцы угольных копей, выжимали рабочую силу доотказа.

— В 5 часов утра спуститься в шахту, а в 7 вечера выходить из нее. 14 часов ежедневной подземной работы! Можно было бы работать и меньше, но тогда жить было бы не на что. Ни о какой культурной обстановке на шахтах хозяева не заботились. Даже бани не было. А уж о клубе или рабочей библиотеке не приходилось и мечтать.

После Октябрьской революции т. Бредиса потянуло в Советскую Россию, отечество всех трудящихся. Он знал, что его шахтерское кайло или отбойный молоток пригодятся.

Сопоставив капиталистическую Америку и Советскую Россию, рабочий класс там и здесь, он вернулся не на родину, в Латвию, он поехал в советский Кузбасс в Кемерово. В 1924 году он вступил в коммунистическую партию. С 1928 года работает забойщиком в Прокопьевске.

Он, разумеется, ударник. За все эти годы у него не было ни одного прогула, а выработка, никогда не спускаясь ниже нормы, достигала 187 процентов задания.

Не нравилось ему только одно—уравниловка. Добывали уголь бригадой: одни работали с энтузиазмом, другие с прохладцей, а третьи явно лодырничали, заработок же выдавался на бригаду всем поровну.

И когда партия отвергла и осудила уравниловку, т. Бредис весело сказал:

— Ну, теперь дело пойдет!

Он первый подавал пример сознательного отношения к делу: спускался в шахту раньше своей смены, чтобы хорошенько осмотреть и подготовить забой, поговорить с горным мастером, с инженером или техником...

Попутно он выращивал молодые кадры: обучал забойному делу рабочую молодежь.

Однажды он сломал в шахте руку, другой раз обморозил пальцы ноги. Но и эти случаи не смущали его, в них он винил себя же: значит был недостаточно осторожен и осмотрителен.

Немало работы ждет т. Бредиса и наверху.

Он был членом шахткома. Три года работал в группе содействия рабоче-крестьянской инспекции. Участвовал в субботниках по благоустройству города: рыл канавы, делал тротуары. Он изучает в партийной школе ленинизм и состоит членом комиссии по чистке партии.

Мы спросили т. Бредиса.

— Не пора ли ему, в самом деле, бросить подземную работу? Не предлагала ли партийная организация перевести его на более легкий труд?

Он качает головой отрицательно и сердито:

— Не хочу я. Я же еще не инвалид, чорт возьми?

Он поясняет, что советская власть дала ему, как ударнику, очень много: хорошую квартиру, достаточное снабжение, курортное место в Кисловодске и даже бесплатный сезонный билет в кино. А в красном уголке шахты на столе его портрет. Можно ли было мечтать о чем-либо подобном в Америке? Надо же за все это отблагодарить хотя бы выработкой нормы.

Он прям, строен. Чувствуется, как его мускулы налиты железной силой.

Неужели ему, действительно, 60 лет и 40 из них проведены под землей?..

★

Худ. Девинов.

СТАРЕЙШИЙ ЗАБОЙЩИК
МИНГАЛЕЙ ШАКИРОВ.

Крепильщик *Худ. Девинов*

Забойщик Мингалей Шакиров

Широки и привольны зеленые уфимские степи.

Хорошо в них в жаркий летний день! Напиться кумысу, лечь в густую траву и смотреть, как плывут над головой облака, слушать, как звенят кругом кузнечики...

Но Мингалей Шакиров не отдыхал и в цветущей степи.

Велики стада богача Шигабдинова. Отец Мингалея пастух, и сам Мингалей пастух, а едва справляются со стадом. Здесь не до облаков, не до сна. Того и гляди, отобьется жеребая кобыла, или затеряется в высоком ковыле овца, — ищи их потом... А у хозяина разговор короткий, рука жесткая.

В детстве и в юности батрачил Мингалей и, наконец, не выдержал: рассчитался и уехал в Сибирь, в Томскую губернию, в тайгу.

Через тайгу проводили тогда Кольчугинскую железную дорогу.

Не боялся работы Мингалей: и землю копал, и шпалы таскал, и рельсы подтягивал. Не знал, не предполагал, что по этой самой дороге, которую строит, поедет он через несколько лет в Прокопьевск и что по этой же дороге польются черным потоком миллионы тонн угля...

Солоно пришлось от хозяев и подрядчиков, — сколько раз сжимались кулаки в бессильной злобе.

Революция словно прибавила сил и поставила на новое дело.

— Угля нехватает стране, — говорили большевики. — Налегай, товарищи, на уголь.

И еще слышал Мингалей:

— В Кузбассе угля — горы. Где ни копни, везде уголь. Богатства несметные, а добыча мала.

В 1923 г. впервые спустился он в шахту, на Киселевском руднике, сначала откатчиком, потом забойщиком. В 1926 г. перебросили Мингалея Шакирова в Прокопьевск, в Центральную штольню.

Напарник попался хороший — партиец. Парень ладный, толковый, но горного дела не нюхал, — только недавно из колхоза.

— Дело мое тугое, — сказал он Мингалею, хочу быть забойщиком, а кайла в руках держать, как следует, не умею.

— Я тебя научу, — просто ответил Шакиров. И прибавил.

— А я вот насчет партии хотел тебя спросить. Мало еще я в политике понимаю. А понимать хочется.

— Я тебе расскажу, — в свою очередь обещал товарищ.

Товарищи учились друг у друга: один — забою, другой — политике. Шакиров вступил в партию, а его товарищ стал забойщиком. Добыча у обоих неизменно шла вверх. Норма выполнялась и перевыполнялась, хотя материально-бытовые условия на руднике были плохи.

Шакиров с женой и ребенком жили в промозглой, низкой землянке. Сырость, копоть, грязь, клопы. Имущество — старая рваная шинелишка да подушка...

— Потерпите, ребята, — нередко слышал Мингалей, — скоро будет лучше.

Он верил в лучшее, а многие не верили. Среди рабочих наблюдалась сильная текучесть, многие бросали рудник и уходили. Из трех смен нередко оставалось две.

Шакиров держался твердо. Стране нужен уголь, как можно больше угля, — какие же здесь разговоры!

Он объявил себя ударником. Полностью выполнял принятые обязательства. Догонял выработку до 170 процентов. Вместе с ростом выработки угля сказочно быстро рос и шахтерский город — Прокопьевск. Шакиров получил хорошую квартиру.

— В такой бы квартире жить подольше, — обрадовалась жена.

Но из старой квартиры перешли в новую и грязь и клопы. Мингалею, пожалуй, тогда было все равно, а жена протестует, кипятится: она включилась в культурно-бытовой поход, подписала договор о борьбе с грязью и паразитами.

Приходит Мингалей из шахты — весь в угольной пыли, в грязи и, не раздеваясь, не разуваясь, бухается на кровать.

— Ну и лежи, как свинья, — ворчит жена. И обедать тебе не дам. А ежели и завтра грязный придешь, — в комнату не пущу.

Шакиров огрызнулся, нахмурил брови, а про себя подумал: «Баба права. По-свински живу. Лень после работы в мойку заглянуть».

На другой день из шахты пошел прямо в мойку. Придя домой, переоделся. Жена улыбается: давно бы так. Каждый день она подбеливает, клопов систематически уничтожает, заводит новую посуду, одежду, мебель. Покупаются и газеты и книжки. На столе лежат «Вопросы ленинизма» и беллетристика.

Недавний батрак Мингалей стал жить зажиточно, культурно. Он ходит в кино, в театр, его портрет печатают в газетах.

Растет Прокопьевский рудник.

Растет и живая смена: свои дети и чужие.

Шакиров прикрепляет к себе, в забой, рабочую молодежь и терпеливо, настойчиво учит горному делу. Сейчас т. Шакиров — партгруппорг бригады. И не было еще случая, чтобы его бригада нарушила трудовую дисциплину или не ответила активно на призыв партии и правительства.

Год от года и в шахтах становится лучше и легче работать.

Когда Шакиров работал там впервые, существовала еще ручная откатка угля в деревянных вагонетках, чадили вольфовские коптилки без стекла. Сами шахтеры срезали у бутылок горлышки и приспосабливали вместо стекол к вольфам. Это было дико и рискованно, но это все же содействовало угледобыче.

В 1928 году ручную откатку угля заменили конной, а еще через три года конную тягу заменила электрическая:

— На шахте появился электровоз!

Это было не только внушительно, — вначале это было даже страшно. Кто-то неправильно, низко повесил в шахте лампочки, и когда электровоз быстро и могуче двинулся и набрал скорость, он сшибал лампочки, как озорной мальчишка яблоки с дерева, оставляя за собой треск, грохот и темноту. Шахтеры испуганно шарахались в сторону и ругались. Такой неожиданный эффект нужен был, конечно, классовому врагу, но на другой же день лампочки были подвешены выше, электровоз шел ровно и спокойно, как и подобает умной и полезной машине, и шахтеры чувствовали: электричество спустилось в шахту, чтобы облегчить их труд...

Семья у Мингалея Шакирова сейчас большая. Есть ребята — малыши, есть и взрослые.

Старшая дочь тоже шахтерка, работает лампоносом. Средняя— учится в Томском татарском педагогическом техникуме.

Жена увлекается общественной работой, но это не мешает ее домашнему хозяйству и у Шакирова нет оснований быть ею недовольным.

Недавно в горняцком клубе г. Прокопьевска т. Шакиров справил 25-летний юбилей своей работы в Кузбассе. Его горячо приветствовали партийные и профсоюзные организации, горсовет, инженеры, рабочие.

Пионеры поднесли ему красный галстук, а шахта наградила его коровой, мебелью, библиотечкой и постоянным билетом в театр.

... Иногда, как сквозь туман, вспоминаются ему родные зеленые степи под Уфой. Хорошо в них в жаркий летний день! Напиться бы кумысу, лечь в густую траву и смотреть, как плывут над головой облака, слушать, как звенят кругом кузнечики...

Что ж, разве теперь это ему не доступно? Стоит только подать заявление в шахтком,—и отпуск в Уфимской степи обеспечен. Мингалей приедет туда не батраком, а почетным гостем.

«КАПИТАЛИСТЫ СТРОИЛИ ДОНБАСС ПОЛТОРАСТА ЛЕТ — ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА ПРЕВРАТИЛА МЕЛКИЙ, КУСТАРНЫЙ КУЗБАСС В КРУПНЫЙ, МОЩНЫЙ, МЕХАНИЗИРОВАННЫЙ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КУЗБАСС»... «УРОВЕНЬ МЕХАНИЗАЦИИ КУЗБАССА УЖЕ ПРЕВОСХОДИТ УРОВЕНЬ МЕХАНИЗАЦИИ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АНГЛИИ»...

«ТОЛЬКО ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ МОЖЕТ УСТАМИ СВОЕГО ВОЖДЯ СТАВИТЬ ТАКУЮ ЗАДАЧУ, КАК В КОРОТКИЙ СРОК ПРЕВРАТИТЬ КУЗБАСС ВО ВТОРОЙ ДОНБАСС. МЫ К КОНЦУ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ ДОЛЖНЫ В КУЗБАССЕ ДАТЬ СВЫШЕ 20 МЛН. ТОНН ДОБЫЧИ. ФАКТИЧЕСКИ ТОТ РАЗВОРОТ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА, КОТОРЫЙ ПРОВОДИТСЯ В КУЗБАССЕ, ОБЕСПЕЧИВАЕТ ПРИМЕРНО 25 МЛН. ТОНН ДОБЫЧИ, Т. Е. ТО, ЧТО В ЛУЧШИЕ ВРЕМЕНА ДАВАЛ ДОВОЕННЫЙ ДОНБАСС.

«НО, ТОВАРИЩИ, ТО, ЧТО МЫ БУДЕМ ДОБЫВАТЬ В КУЗБАССЕ, ЭТО ПО КАЧЕСТВУ ДАЛЕКО ПРЕВОСХОДИТ ТО, ЧТО МОЖЕТ ДАТЬ ДОНБАСС. ПО КАЧЕСТВУ КУЗБАССКИЕ УГЛИ — ЭТО ЛУЧШИЕ УГЛИ НАШЕГО СОЮЗА. КУЗБАССКИЕ УГЛИ — ЭТО УГЛИ, ИМЕЮЩИЕ МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ».

Из выступления т. Р. И. Эйхе на XVII съезде ВКП(б).

★

Р. И. ЭЙХЕ.

Секретарь Западно-Сибирского Крайкома ВКП(б).

Забойщик *Худ. А. Нюренберг*

Бригадир Апанаскин

Григорий Игнатьевич Апанаскин работал в колхозе «Молодой большевик» (Рубцовского района), когда туда приехал вербовщик из Прокопьевска.

Рудники Кузбасса росли, требовали новых кадров. В колхозе было созвано собрание, вербовщик рассказал об условиях, а председатель опрашивал:

— Кто желает ехать на рудник? Неволить никого не будем, а помочь государству надо. Чем больше рабочих рук, тем больше угля...

Пожелали ехать трое комсомольцев, в том числе Апанаскин. Отпустить Апанаскина означало — лишиться одного из лучших работников.

Пришлось ставить вопрос на комсомольской ячейке.

Через несколько дней юный колхозник приехал в Прокопьевск. Его назначили откатчиком. Горный мастер присмотрелся к его работе и сказал.

— Вот что, парень... Ты человек смышленый и стоящий, а гоняешь по путям. Передвину я тебя лучше в ударную бригаду.

Поставили его в бригаду Храпунова — сначала учеником. Два месяца работал он крепильщиком, а затем три месяца учился на забойщика.

Работа в забое нравилась, она оказалась вовсе не такой трудной, как думали многие колхозники. Молодой забойщик добывал уголь не только добросовестно, но и с энтузиазмом.

Через полгода ему захотелось самому быть водителем бригады. Храпунов не возражал: «Подбери себе смену — пять человек — и действуй».

Начав с пятерых, Апанаскин постепенно расширял свою бригаду, вербуя в нее комсомольцев и лучших беспартийных. Народ подобрался хороший, за исключением одного парня, который сделал два прогула, — его за это выгнали из бригады.

Дисциплину держали твердую. Особое внимание обращали на хорошее крепление. Кузбасские угольные пласты огромны, в сравнении с донбасскими они — гиганты, и крепление требуется мощное, сугубо прочное. Бригада решила, что плохое крепление недопустимо. Были случаи, когда смена уходила, оставив забой не укрепленным. Бригада вынесла постановление, — обязательное для всех ее членов: ежели ты не закрепил и вообще небрежничаешь в части крепления, то у тебя снимается 10 кубометров в пользу смены. Постановление это в первый раз ударило по забойщику Давыдкину. Он взял выемку, но закреплять не стал, сославшись на нехватку леса. А при проверке оказалось, что лес был. Давыдкину срезали 10 кубометров, он начал протестовать, жаловался в шахтком, но в конце концов должен был признать свою неправоту и требовал даже большего: за плохое крепление отбирать всю выработку.

За несколько лет был только один случай, когда бригада Апанаскина не выполнила нормы. Это было во время болезни бригадира. Выпало ведущее звено, — и кривая добычи пошла вниз.

В первый год работали кайлом, потом электросверлами и отбойными молотками. Инструменты разбирали и собирали собственноручно, после работы брали с собой наверх.

Правда, мешали иногда неблагоприятные условия: отсутствие вентиляции, леса, порожняка. Тогда бригада настойчиво требовала более нормальных условий и добивалась их. Эффект сказывался быстро: кривая добычи бурно наростала — до 145 процентов планового задания включительно.

Апанаскин не раз подвергался опасности. Однажды его так завалило обрушившейся лавой, что его едва вытащили, а в другой раз сильно ударило рештаком. Но и опасности не смущали молодежного бригадира. Он был убежден, что в подавляющем большинстве несчастных случаев виноваты сами шахтеры — недостаточно внимательны к забою, к пласту, к креплениям и механизмам, недостаточно осторожны, а подчас просто неграмотны в технике безопасности. Иногда у молодежи проявлялось стремление блеснуть ухарством и молодечеством и делать в шахте рискованные опыты. В таких случаях Апанаскин круто обрывал ребят крепким словцом, и этого бывало достаточно: его авторитет в шахте значителен и весок.

Однако Апанаскин живет не только производственными интересами, — он борется и за культурный быт, в частности — за культурный молодежный барак. Коменданту барака, от имени ком-

сомольцев он предъявил требование: выдать хорошие койки, простыни и прочее. Комендант подумал и ответил.

— Хорошо. Я все это достану, но только пусть комсомольцы ведут себя аккуратно. Барак не загрязнять, вещи не портить. Иначе не поцеремонюсь и выставлю.

Одним из застрельщиков был Апанаскин и в длительной кампании по благоустройству города и в создании рабочих огородов, в числе первых огородников был и он, и в повышении политического уровня и производственной квалификации. Он аккуратно посещает и политшколу и общеобразовательную школу при шахте. Три члена бригады поступили на курсы горных мастеров без отрыва от производства, а остальные учатся в первичной школе.

О Кузбассе, о Прокопьевске и его перспективах он не может говорить равнодушно — за четыре года работы он сроднился с шахтами, с молодым горняцким городом — и уезжать отсюда не думает. Да и зачем? От добра добра не ищут. Ему всего 25 лет, у него жена комсомолка, маленькая дочь, чистая и светлая квартира, пятьсот рублей месячного заработка, книги, газеты, театр...

★

Инженер Корсак

Генрих Ксаверьевич Корсак — главный инженер шахты 3 — 3-бис. Его отец работал на железном руднике в Воронежской губернии. Генрих Ксаверьевич, таким образом, потомственный горняк. Не отсюда ли его железный характер?

Учился он в Горном училище, а производственную работу начал на рудниках Донбасса в качестве заведующего участком.

Ко времени Октябрьской революции он заведывал Брянским рудником. После февральской революции был выдвинут от инженерно-технических работников в рабочий контроль над производством. Но рабочему контролю не удалось развернуть свою деятельность. На Украину и на Донбасс наступали гайдамаки. Инженер Корсак уехал на Урал. Чехословаки отрезали ему путь. Оставалось одно: двигаться в Кузбасс. Тов. Корсак был направлен в Кольчугинское рудоуправление на Шестаковский рудник.

В Кузбассе он нашел примитивные сооружения, кустарное допотопное оборудование, ничтожное количество квалифицированных рабочих, гнусный военно-полицейский режим, бешеный разгул реакции и хищничество, грубейшую эксплоатацию.

Рабочие снабжались нищенски. Зарплата выдавалась неаккуратно. Жили в жалких землянках, в каких-то полузвериных логовах.

Рабочие ненавидели большинство инженеров, чувствовали в них агентов классового врага, верных слуг отечественного и иностран-

кого капитала. Многие из инженеров боялись рабочих и ходили вооруженные. Характерно, что в Кольчугине во время рабочего восстания инженеры разбежались первыми, и рудники остались без командного состава.

К счастью, период реакции был непродолжительным. На развалинах колчаковщины стала твердой ногой советская власть.

Трудности, конечно, не исчезли. Гражданская война и разруха оставили в наследство советской власти сыпняк. Ежедневно умирали десятки людей.

Похоронив близкого человека, тов. Корсак поехал в Донбасс, но не прожил там и года. Потянуло обратно в Сибирь. И с 1923 года он поселился в Прокопьевске.

Здесь его ожидали новые трудности.

Специалисты разделились на приезжих (донбасовцы) и местных сибирских (кузбасовцы). Между этими двумя группами существовал сильный антагонизм, что, естественно, вредно отражалось на производстве.

На руднике вкоренилось пьянство. Щедро давались отпуска «по причине свадеб, крестин и похорон». Пьяные забойщики и техники, обнявшись, ходили с гармоникой по улицам и орали похабные песни. Надеть галстук или новый костюм было опасно: просмеют, изведут, присвоят кличку буржуя.

В такой тяжелой моральной атмосфере нужно было расширять разведку, развертывать закладку и проходку новых шахт, подготавливать квалифицированные кадры, осваивать механизмы, создавать жилища.

На первых порах было не до каменных жилкомбинатов. Лишь бы где-нибудь и как-нибудь приткнуться, лишь бы была над головой кровля. На место будущего Прокопьевска буквально поехали соседние деревни. Рудоуправление и рабочие покупали в деревнях дома, бани, сараи, срубы, и все это на телегах, на дровнях перетаскивалось к руднику.

Инженер Корсак каждый день видел, как не по дням, а по часам растут, ширятся новые кварталы, целые улицы. Все это шло бесплановo, безалаберно, порой просто смешно и дико. Иные землянки и домишки выскакивали, как прыщи на грязном лице, — хотелось их сковырнуть, сбросить в овраг. Но и в оврагах росли землянки, избушки.

Иногда какой-нибудь новый на руднике человек укоризненно показывал Корсаку на этот невозможный хаос.

— Экая бесформенная куча!

Корсак не спорил, он знал, что из хаоса не сегодня-завтра начнет возникать нечто мощное, стройное, организованное.

Его не удовлетворяло и то, что делал он сам, когда его послали собирать по всему Кузбассу оборудование для проходки новых шахт: подъемные машины, насосы, шкивы, котлы. Часть оборудования была изношена, дефектна, подчас заведомо негодна.

Все эти трудности казались ему неизбежными, однако, потом пришли другие, иного порядка. В Кузбасс проникли вредители.

Однажды утром стало известно, что арестован главный инженер Агрономов — добродушный, неповоротливый, старенький человек, за мягкой улыбочкой скрывавший звериный оскал контрреволюционера и хищника. Вслед за ним было арестовано еще несколько инженеров и техников.

Пришлось усилить революционную, производственную бдительность и чаще, глубже, сосредоточенней думать о политике, о пролетарской революции, ее друзьях и врагах. Шахтинское дело раскрыло глаза на многое...

Корсак пришел к выводу, что, только держась ближе к партии, можно правильно руководить и уверенно работать. С рабочей массой у него и раньше, с юных лет, были товарищеские отношения — эту массу он знал и ценил. Теперь лучшая часть этой массы состояла в партии. Объем работ все увеличивался, ответственность возрастала, перспективы будущего манили и волновали, — а откуда же взять силы и энтузиазм, как не из партии. Он подал заявление и с 1 мая 1930 года влился в ряды кандидатов партии. Теперь он мог действовать тверже и увереннее.

Прокопьевск рос и богател. Была уже заложена гигантская шахта Коксовая, на три миллиона тонн. Почетная задача проходки этого гиганта была возложена на Корсака, ему помогали товарищи Лещенко, Селезнев, Голышев. Ствол Коксовой доставался трудно: заливала вода, мешали плывуны. Об этом легко вспоминать, но каково было это преодолевать! Только тот, кто сам участвовал в тяжелых подземных работах, знает, что значит работать иногда чуть не по колено в ледяной воде, которая просачивается и слева, и справа, и сверху, и снизу, и какие чудовищные усилия необходимо противопоставить скользящей массе плывуна, который может все и всех опрокинуть и завалить. Корсак не был бесстрастным зрителем этой большевистской борьбы с природой, — он организовал силы, ежедневно спускался под землю и непосредственно руководил, показывал, помогал. В результате ствол был пройден, задачу выполнили с честью.

Специалист по преодолению трудностей, Корсак, по его словам, «все время прыгал с шахты на шахту: где было плохо, туда и перебрасывали». Но основная его заслуга — это строительство грандиозной шахты 3 — 3-бис, производственной мощностью в 2 миллиона тонн угля в год. Она строилась одновременно с другим гигантом — шахтой Коксовой (вторая в мире), которая была более важной и которой отдавали преимущественное внимание. Тем не менее 3 — 3-бис выростала более быстро, уверенно, четко — темпами ровными и спокойными, — таков был самый стиль работы т. Корсака.

Что характерно для т. Корсака, как организатора и администратора? Порядок и законченность, начиная с плановых наметок и кончая бытовыми мелочами, в роде метлы или пепельницы.

Зайдите в его кабинет. Вы прежде всего увидите идеальный порядок и чистоту. На стенах висят планы шахт и пластов, но эти планы — в рамках, под стеклами. Его производственные ка-

лендари и блокноты испещрены записями, краткими и четкими, как математические формулы.

Побывайте в его шахте 3 — 3-бис, — вас поразят тот же исключительный порядок и чистота. Загляните хотя бы в мойку: умывальники, зеркала, шкафики с замочками — все это блестит и радует глаз. Такой же порядок и на шахте в целом.

Послушайте, как разговаривает т. Корсак с рабочими. Отрывисто, коротко, четко. Он редко повышает голос, потому что это лишнее. Он не убеждает и не упрашивает, потому что в этом нет надобности. Его скупые фразы насыщены содержанием и предельно ясны, потому что хорошо продуманы и взвешены, — комментариев не требуют.

Его рабочий день начинается в 7 часов утра. Если необходимо, он проработает, не отрываясь, полсуток, а то и целые сутки. У него надежные помощники: тт. Беклемишев, Бирюков, Цикавый, Шестов. Тем не менее, он сам заглядывает во все углы. Кабинету и бумагам он неизменно предпочитает шахту и особенно внимательно прислушивается к высказываниям рабочих, их предложениям.

— Каждое слово, которое идет снизу, — говорит он, — является для меня сигналом, который я анализирую, а потом провожу или не провожу в жизнь. Особое внимание я уделяю изобретательству и склонен даже несколько преувеличить его значение. Если один проект не годится, то другой может принести большую пользу. Я считаю целесообразным всемерно и щедро поощрять толковых изобретателей, дельных рационализаторов,— премиальные суммы с избытком покрываются последующими усовершенствованиями.

Инженер Корсак достаточно выдержан и корректен, но иногда разговаривает круто, потому что терпеть не может лодырей, лентяев, неповоротливых, бесхарактерных.

А как же иначе? Советский Кузбасс и обломовщина, есть ли два понятия более несовместимые? Это, во-первых. А во-вторых, еще немало существует таких людей, на которых корректностью и добрым словом не подействуешь. Их болезненно раздутое самолюбие обратно пропорционально их энергии и способностям.

По ночам он внимательно читает новую литературу по горному делу, в редкие же дни отдыха — беллетристику: от Шолохова до детских стихов Чуковского и Маршака,—они же веселые да и почему бы серьезному человеку не окунуться иногда в беззаботную атмосферу детства?

★

Врач-орденоносец Г. А. Бухвостов

Ему 52 года — этому крепкому, плотному человеку с легкой проседью и открытым мужественным лицом.

Он философски спокоен и несколько медлителен.

Опустившись в глубокое кресло, он рассказывает...

Его можно слушать целыми днями.

Геннадий Александрович Бухвостов — живая история Кузбасса.

Больше двадцати лет работает он врачом — сначала в Камерове, потом в Кольчугине (ныне Ленинск-Кузнецкий), потом в Прокопьевске.

Окончив в Томске гимназию и университет, он поехал в Кузбасс. Впрочем, в то время такого слова не было. О нынешнем размахе Кузбасса тогда никто и не мечтал.

За год до империалистической войны т. Бухвостов приехал в свой медицинский участок — в село Щегловское (ныне город Кемерово) на реке Томи. Здесь было 500 домов, волостное правление, церковь и винная лавка, — обычный деревенский ассортимент эпохи самодержавия. Больницы не было.

Бухвостов выселил винную лавку и в ее помещении устроил первую маленькую больницу. Через год на собранные с населения 15 тысяч рублей удалось построить новую больницу. Этими двумя победами началась деятельность молодого врача в молодом Кузнецком бассейне.

В Кузбасс слетались хищники иностранного капитала. Инженер Федорович, вдохновленный перспективами неслыханных дивидендов, демонстрировал представителю французских банкиров кемеровский кокс: во время пикника он набил банку из-под консервов каменным углем и бросил в костер, а потом вынул из костра и показал французу: «Ну, разве это не кокс? Разве наш уголь плох?».

— Да, — подтверждает т. Бухвостов, — уголь и тогда был хорош, но в каких условиях он добывался? Рвачески, хищнически, ценой тяжелой эксплоатации шахтерского труда. Заработок шахтеров был ничтожен, большинство их жило в окрестных деревнях, в гнилых землянках и вшивых бараках. Никакой механизации угледобычи не было. Никакого культурного обслуживания. Только беспросветное пьянство, азартная картежная игра, похабные песни и поножовщина. В праздничные дни на улицах стон стоял от пьяных криков, драк, бабьего воя.

Проклятым наследством царской антисанитарии, военной разрухи, колчаковщины достался советскому Кузбассу сыпняк.

Эпидемия бушевала, как пожар, и каждый день выхватывала десятки новых жертв. Нехватало гробов, не успевали хоронить.

Едва стихал сыпной тиф, как с неменьшей силой вспыхивал брюшной.

Три года кряду свирепствовали эпидемии. И энергично, самоотверженно боролся с ними т. Бухвостов. Боролся очень успешно. Сумел организовать медицинскую помощь так, что заболеваемость планомерно снижалась, а смертность упала до ничтожной цифры — 3%.

Кольчугинские рабочие знали, что эти победы не дались тов. Бухвостову даром, он заплатил за них тяжким переутомлением, бессонными ночами, огромным трудовым напряжением. И рабочие единодушно подняли вопрос о награждении доктора орденом Трудового красного знамени. Ходатайство шахтеров было удовлетворено.

В дальнейшей своей деятельности т. Бухвостов оправдал эту высокую награду.

На рудниках почувствовалась потребность в рентгенологе. Тов. Бухвостов прошел в Новосибирске специальные курсы по усовершенствованию врачей и получил новую квалификацию: врача - рентгенолога. После этого он переехал в Прокопьевск и организовал там первый рентгеновский кабинет. Теперь через этот кабинет ежедневно проходит до 50 рабочих. Рассматривая рентгенограмму, они шутят:

— Ну и доктор! Он теперь видит насквозь.

Насквозь он, конечно, не видит, но любит смотреть в «корень вещей», стремясь теснее увязать медицину с общественностью, лечение — с профилактикой, санитарией, благоустройством.

Он член горсовета и председатель секции здравоохранения. Он деятельный участник массового культпохода за благоустрой-

ство Прокопьевска и член делегации, ездившей в Горловку за опытом.

Он с восторгом рассказывает:

— В Горловке образцовая организованность. В создании трамвая там участвуют все, от инженера до ребят. На наших глазах в течение семи дней было проведено два с половиной километра трамвайного пути. И ведь никого особенно не заставляли, а умели так пригласить и так объяснить, что работать шли охотно, работали с подъемом. Вот и нам надо добиться таких же результатов.

Секция здравоохранения Прокопьевского горсовета — одна из лучших, в ней около сотни активистов, ею проведен ряд обследований, выявлено и устранено много всяческих непорядков. Активисты секции представляют теперь надежный оплот против эпидемии и антисанитарии. Они же энергично борются за благоустройство города.

Давно ли Прокопьевск был сплошной грязной ямой, в которой и весной и осенью тонули и лошади и люди? Давно ли жилплощадь здесь была во много раз ниже санитарной нормы? Давно ли в городе не было доброкачественной воды и на улицах ни одного дерева, ни одного кустика, ни одного цветка?

Ныне соединенными усилиями горсовета и рабочей общественности созданы водопровод, мостовые, тротуары, сады, цветники, увеличена жилплощадь.

Рассказывая об организации здравоохранения, т. Бухвостов подчеркивает большую положительную роль бывшего заведующего Прокопьевским горздравом т. Вейль, который проработал в Прокопьевске два года и проявил столько инициативы, энергии, административного опыта. В частности он организовал здесь Институт гигиены труда и профессиональных заболеваний.

— Этот институт — наша гордость, — говорит т. Бухвостов. — Он подводит научно-исследовательскую базу под здравоохранение шахтеров. Институт хорошо оборудован и укомплектован квалифицированными сотрудниками. В частности он изучает влияние угольной пыли на организм шахтера. Влияние это может быть и слабым и сильным. Вот, например, если сравнить наших шахтеров с шахтерами Рура, то оказывается, что у наших угольщиков нет таких патологических изменений в органах дыхания, какие наблюдаются у шахтеров Рура. Там техника безопасности применяется очень слабо, а наличие значительного процента пыли в шахтах допускается законом. В итоге у рурских рабочих часто констатируют расширение легких и бронхов, приводящие к ранней инвалидности и преждевременной смерти. У нас такие явления, если и встречаются, то единично, и институт добивается максимальной безвредности горных работ.

★

Шахтерка перед работой

Худ. Девинов

Мария Чащина

Член горсовета, председательница уличного комитета.

Жизнь моя была раньше незавидная. Осталась я шести лет без матери. Бедна наша Поповка в Вятской губернии, а мы — самая бедняцкая семья. Вот и живи, тянись... Отец еще стал пить... Всего нас было шестеро, я была самой старшей. Ребята пообносились, пооборвались. Мне на них надо было и напрясть и помыть и справить все по хозяйству. Такая невозможная жизнь, что я сказала отцу.

— Ну, отец, пойду я в работницы или замуж.

Правда, меня уже сватали, но мне было жалко оставить своих сестер и братьев. Все равно, думаю, выйду за нелюбимого, лишь бы избавиться от этой жизни.

Пришла Октябрьская революция. Я держала сторону красных. Когда белые стали подходить к Поповке, а красные — отступать, то отец и говорит мне.

— Вот ты все говорила за красных, а белые придут, так тебе пощады не будет, сразу пулю, и посадят.

— Ну что ж, говорю, посадят, так посадят. Мне все равно смерть, а белым не поклонюсь.

И пришлось мне бежать. Совершенно ничего не знаю, а тут идет последняя кавалерия. У нас уже окопы копают красногвардейцы. Пошла я окопы копать.

— Завтра, наверное, — сказал мне сапер, — будем отступать отсюда, и в окопах не придется засиживаться.

Он мне как-то доверился. Я и сказала ему:

— Все равно с вами уйду.

Запрягла последнюю свою лошадку и уехала. Домой больше не вернулась и проездила с красными, с пулеметным полком, все время, пока наша деревня была занята Колчаком. Приходилось мне на фронте патроны в окопы таскать, раненых и убитых возить, ездила я за фуражом, все приходилось делать, как красноармейцу. Когда наша местность очистилась от Колчака, фронта не стало, я вернулась в свою Поповку. Пошла батрачить.

Мой теперешний муж — из первого пулеметного полка. Вышла я замуж, и мы поехали в Сибирь, в Барнаульский округ.

Приехали туда и организовали коммуну. Это было в деревне Лошникове, коммуна имени Сталина. Сошлись там бедняки—9 семей, у всех-то было 7 коров, 2 свиньи, общество дало нам амбар. Муж мой был животноводом, а я выращивала племенных иоркширов. Зажиточные крестьяне сперва смеялись над нами, что это, мол, бедняки собрались, лапотники...

Позже крестьяне увидели, что дело у нас постепенно ладится, и середняки стали к нам примыкать. Так, что, когда мы уехали, в нашей коммуне было уже больше 300 семей. Коммуна свое доказала! Уже в 1929 году у нас была чистосортная пшеница, и окрестные крестьяне брали у нас семена, обменивали их.

В коммуне я ходила на ликпункт в 1929 году. Но учиться долго не пришлось: послали меня работать в район по коллективизации и хлебозаготовкам. Я говорила, что я неграмотная,— как же я буду агитировать? А мне отвечают. «Ты, может, и неграмотная, но душевно сознательная. Вот и организуй женщин». Я два месяца безвыходно работала по коллективизации и по хлебозаготовкам. Конечно, было очень тяжело, но мы организовали в Лушникове в тот год три сельскохозяйственных артели. Один раз в Казанцевском сельсовете кулаки в нас стреляли.

Потом переехали мы в Прокопьевск — работать в шахте. Туда мы коммуной командированы были с мужем в 1931 г. Приехали на Центральную штольню. Поступил муж учеником-забойщиком, а я сначала поступила на забутовку, — землю копать.

Деревенская я, мало знала, но охота учиться была. Женская организация выдвинула меня учиться работать на подъемной машине, так как я была не последней в общественном деле. Как какой-нибудь воскресник или другое дело, так сейчас сагитируешь и заберешь с собой народ. Когда меня направили на курсы, я с охотой пошла.

Проучилась 6 месяцев на курсах и потом пошла работать на подъемную машину, как квалифицированный машинист. Экзамен я сдала всех лучше.

Меня заставили сначала работать на маленькой машине на шахте «Поварниха».

— Что ж, думаю, я училась, значит, мне нужно привыкать и к более сложной машине и повышать свою квалификацию.

Перевелась на шахту «Коксовую» имени Сталина. Там работаю машинистом на подъемной машине. Наша шахта скиповая,

скипом мы вывозим уголь. А муж мой работает в другой шахте, с полкилометра от моей. Живем мы с мужем хорошо.

Муж у меня беспартийный, и я тоже беспартийная. Иногда он помогает мне писать. Подойду к нему и скажу.

— Ну, Ваня, пособи это сделать.

И, когда он свободный, он мне технически помогает. Если бы он не помогал, то мне труднее было бы.

У нас нет простоя на подъемной машине. Если машинист к машине относится внимательно, — машина чистая и нет никаких поломок.

Я стала ударницей. Меня избрали в городской совет и поручили организовать уличный комитет. Этот уличный комитет работает под моим руководством. Что нам надо было делать? — Чтобы люди культурно жили, с грязью боролись.

В моем ведении сейчас Михайловская улица, Новосибирская, улица Шевченко и Гавриловская. В прошлом году осенью у нас был первый конкурс. Я взяла на себя обязанность посадить 125 деревьев. Давай, думаю, и мы будем озеленять свою площадь. Лошадей я не могла добиться, чтобы перевезти корни и лес, — сами таскали. Сажали акацию и черемуху. Мобилизовала я домохозяек. Куда я укажу — туда они и сажают. Лес хорошо принялся.

В нынешнем году парк в Крутых Горках создаем. Женщины наши охотно идут на эту работу: народ хочет культурно жить!

Об электричестве я поставила вопрос на президиуме городского совета, а потом на пленуме городского совета. Пленум сказал: организуйтесь, мы вам поможем. Через два дня, смотрю, появилась на улице бригада в 10 человек. И жители помогают. Кто ямы для столбов копает, кто проволоку тянет, кто что. Все это начала депутатская группа. Когда на главной улице линию провели, я собрала собрание, на котором сказала, что, мол, подавайте заявления, проводить будем в дома электрический свет. Люди, конечно, обрадовались... Стали проводить свет в квартиры.

А при электричестве надо чище жить. И уличный комитет и я сама в том числе следили за чистотой, — обходим квартиры и беседуем с домохозяйками. Я провела на улицах за 1934 год шесть собраний. Обсудили, между прочим, вопрос о колодцах. Через городской совет я добилась, что нам очистили колодец. А раньше у нас вода была грязная, и ее так было мало, что с утра до вечера стояла очередь.

Когда мы начали первый конкурс, то во дворах по всей улице не было ни помойной ямы, ни уборных. И в прошлом году я раз десять ходила в горсовет и по домам, чтобы всем сказать, что надо выкопать помойные ямы и сделать уборные. И люди это сделали. Особенно было грязно у одной вдовы, у Варламовой. А сейчас придешь к ней — все чисто, все побелено. И люди стали уважать меня за то, что я добилась, чтобы электричество провели, за то, что колодец вырыли, в случае чего идут со мной советоваться.

Какие у нас планы в Прокопьевске? У нас тоже будет трамвай. В 1935 году обязательно. Озеленение у нас вполне развернуто, дома строятся новые, каменные. Звуковое кино построили при нас, клуб имени Ворошилова, дом культуры, несколько школ.

В начале октября 1934 г. меня направили в Москву с докладом о работе наших уличных комитетов. Ехала я вместе с нашей делегацией, посланной в Горловку для обмена опытом.

8 октября были уже в Москве. Остановились в Международной гостинице, в самом центре.

Назавтра утром наша делегация уехала в Горловку. Я их проводила и вернулась в гостиницу, в первый раз в жизни на трамвае.

Вскоре ко мне в номер пришла сотрудница ВЦИК и проводила меня в Кремль. Пропуск мне уже был заготовлен, и мы прошли с ней в зал заседаний.

Председательствовал т. Киселев. Большой, красивый зал, длинные столы, вокруг них стулья, у стен мягкие диваны, портреты Ленина, Сталина.

Первый вопрос на президиуме был наш, о работе уличных комитетов. Сначала отчитывался Таганрог, затем выступила домохозяйка из города Мичурина, представители Тулы и Калинина.

Наконец т. Киселев сказал: «Слово имеет т. Чащина из Прокопьевска. Расскажите, что вы сделали и что делаете?»

Я встала, сначала смутилась, но вижу, что слушают внимательно, ждут, и успокоилась.

Предупредила: я красиво говорить не могу, скажу практически. Нужно ведь сказать немного и о себе, о том, как приехала на рудник, как получила квартиру (т. Киселев просил рассказать и о себе), а главное, остановилась на работе наших уличных комитетов, как мы их организовали, как они борются за благоустройство. Вопрос был новый, и президиум ВЦИК должен был решить, — допускать ли практику уличных комитетов.

Я осталась очень довольна тем, что т. Киселев, выступая, одобрил мою работу, отметив большую инициативу прокопьевцев.

Все во ВЦИК просто. Я была там не раз. Разрешили мы с т. Вертоградской (заведующая орготделом нашего горсовета) ряд вопросов к отчетно-выборной кампании. Можно прямо сказать, что бюрократизма там нет. Принимали нас запросто — по-рабочему.

После заседания ВЦИК, пообедав, я сразу же выехала в Горловку. И тут встретила заботу ВЦИК, — билет и плацкарт мне были забронированы.

Поездкой осталась очень довольна, запомню на всю жизнь и особенно те 10 минут, в которые отчитывалась перед президиумом ВЦИК.

★

Вера Николаевна Абрамова

Учительница г. Прокопьевска — заведующая 11 школой.

Моя автобиография проста. Год рождения — 1895, место — город Орск, Оренбургской губернии. Отец — мелкий служащий. В Сибирь наша семья приехала, когда мне было 4 года. Поселились сначала в Томске. Вскоре отец умирает от чахотки. Мать тоже была больна, нетрудоспособна. Жили плохо, исключительно на скудные средства моей сестры, которая работала на томском телеграфе. Первое время она получала 20 рублей, на эти деньги и жили втроем. Ну, конечно, приходилось очень трудно.

Училась в гимназии. С 10 лет приходилось самой мыть полы, стирать и вообще много работать. Были у нас богатые знакомые, и я подрабатывала тем, что занималась с их ребятами. Училась на казенный счет, по успеваемости одной из первых.

Кончила в 1911 году гимназию и сразу поехала учительницей в село Кирзинское, Барнаульского уезда. Село глухое, связь с городом поддерживали только пароходы, а зимой никакой связи, можно сказать, не было. Школа в селе только что организовалась, ученики оказались все великовозрастные. Церковный староста посмотрел на меня снисходительно и сказал: «Уезжай-ка ты, милая, отсюда; ребята у тебя не смогут учиться: во-первых, девка, во-вторых, молодая, а они — во какие!».

Все же я осталась. Вначале было тяжело, малыши в школу почему-то не шли, и только к началу января школа начала по-

полняться и, в конце концов, набралось в ней 96 человек. И, знаете, чем я их привлекла? Елкой. Устроила для ребят елку, первый раз в этой деревне. Крестьяне были поражены, никогда не видели и не представляли себе такого детского праздника. Отношение ребят ко мне было хорошее. Они ходили ко мне на дом, беседовали целыми вечерами, приходили ребята даже из соседнего села. Но трудно было ладить с начальством. Во главе школы стоял священник — вдовец и пьяница. Он меня буквально преследовал, приходилось прятаться в бане, отсиживаться под кроватью и дрожать от мысли, что вот-вот найдет и схватит. К счастью, на другой год его сняли с работы, и впервые я почувствовала себя хозяйкой школы.

Проработала в этом селе четыре года, а затем меня назначили в Тутальскую железнодорожную школу в качестве педагога и заведующей интернатом. Здесь проработала полтора года. После революции болезнь матери вынудила меня приехать в Томск. Я поступила в детский дом № 5 на окраине города.

В 1921 году мужа перевели в Прокопьевск. Приехали мы в Прокопьевск зимой, в феврале. Поезд подошел прямо к шахте № 2 и остановился у горы. Гора показалась мне большой, высокой, верхушки ее из вагона не видать. А с другой стороны рельсов смотрю, — все вагоны, вагоны, вагоны, и живут в них люди. Ряда в три стояли вагоны. Это были первые жилые помещения для прокопьевских рабочих. Грязь невозможная, около каждого вагона и барака помойные ямы. Всего тогда на руднике было только четыре дома — и все деревянные. Через три дня выяснилось, что в Прокопьевске всем нам жить нельзя, негде. Мужья остались на руднике, а семьи отправили за 11 верст в деревню. Только через год получила я квартиру в Прокопьевске. Она была ужасна: глинобитный барак без дверей, без окон, ветер свищет, а на дворе уже холод, октябрь. Через две недели бараки кое-как отделали, но холод и сырость остались. К концу зимы, в связи с этими ужасными условиями, у мужа резко обострился процесс в легких, и в феврале он умер.

Осталась я с тремя малыми ребятами. Они требовали внимания, а я сама была слаба и нередко от усталости едва держалась на ногах. Но еще большего внимания требовала школа, первая и единственная в то время школа в Прокопьевске. Это была большая казарма — грязная, холодная, неуютная. Класс от класса отгорожен тонкими стенками, через которые все слышно. Занимались в две смены 8 педагогов, а ребят человек 300, нехватало учебников, не было пособий, шум, теснота. А в марте развалились (в буквальном смысле) бараки: у них оттаяли и отошли стены. Так уж скверно они строились: клали березовые ветки и переплетали их глиной — получались стены, а углы ничем не закрепляли. Когда земля оттаяла, бараки развалились и мне пришлось спешно переселяться в школу. Этой же весной началось строительство новой шкоы, вот этой самой, в которой мы сейчас беседуем. Я часто смотрела на стройку, и новая школа казалась

мне громадной, и я думала: какие счастливые педагоги будут в ней работать! В рядах этих счастливых педагогов очутилась и я. До сих пор помню, с какой радостью мы в нее входили, как хорошо пахло в ней свежим тестом, непросохшей краской... В те моменты я как-то остро почувствовала: так будет вырастать здесь новый город.

Между тем положение и будущее Прокопьевска было в двадцать третьем году еще очень неопределенным, и все чаще приходилось слышать, что пора рудник ликвидировать: угледобыча идет слабо, рудник находится далеко от места, куда надо возить уголь, и вообще дело здесь нерентабельное, место неудачное. Новое строительство замирало, и у многих настроение создавалось такое, что скоро всем нам придется куда-то уезжать.

Первый год первой пятилетки окончательно решил участь Прокопьевска: рудник вышел на видное место, и город стал расти не по дням, а по часам. Росла и школа. Три года работала я в Горпроуче, где учились шахтеры без отрыва от производства, потом меня назначили заведывать этой школой. За три года, пока я в ней не была, она потеряла всю свою первоначальную прелесть. Учеба и дисциплина развалились. Школа стала черным пятном во всем Прокопьевске и вот почему: открылась новая образцовая школа и лучших педагогов, лучших учеников, лучшее оборудование взяли туда, а здесь осталось все худшее. Через несколько месяцев с большим трудом дело мы, однако, наладили, в самом здании кое-что подремонтировали, все стены оштукатурили, в этом много помогли комсод, родители.

В прошлом году школа получила премию, как лучшая по работе комсода, а на конференции педагогов наш коллектив был признан лучшим коллективом. И это верно: коллектив у нас дружный, сумел хорошо сработаться, отношение ко мне, как заведущей, — бережливое, хорошее.

Борьбу за школу я все время веду в тесном содружестве с родителями, с их активом, объединенным в комсоде. Часто устраиваем родительские собрания. Комсод в прошлом году выбрали крепкий, в него вошли передовики — шахтеры и инженерно-технические работники. Всех их удалось убедить в том, что именно они являются нашей общественной опорой и что тесная связь с рабочей общественностью рудника и города — лучший залог всяческого успеха.

Что конкретного мы еще сделали? Во-первых, приобрели 6.000 руб. — доходы от буфета, от вечеров. Эти деньги пошли на помощь наиболее нуждающимся учащимся и на оборудование физического и химического кабинетов. Самообложение среди родителей дало больше 5.000 руб., эту сумму вложили в наши мастерские: купили часы, инструменты, токарный станок. Члены комсода и ряд рабочих шахты интересуются постановкой дела, посещают уроки, и этим еще больше закрепляется связь школы с общественностью.

Хвалиться не хорошо, но я не могу не сказать о том, что у нас лучший кружок по авиомоделизму. Сейчас ребята делают буйер. Хорошо работает кружок юных натуралистов — сами построили аквариум, принесли водорослей, улиток, рыбок и внимательно наблюдают их жизнь. Когда рыбка болеет, это становится целым событием. Есть у нас и затейники. Все перемены они поют, играют. Гитара, балалайка, мандолина — постоянные спутники наших перемен.

Учком пользуется большим авторитетом. Если вызывают кого-либо из учеников на учком, это дает большой воспитательный эффект. Через учком проведено много ценных мероприятий, в частности борьбу за чистоту, за гигиену и санитарию мы провели через учком. И характерно, что никаких эпидемических заболеваний ни в этом, ни в прошлом году у нас не было. На-днях вот провели осмотр по выявлению вшивости в школе. И, представьте, из 600 человек выявили всего трех ребят, процент совершенно ничтожный, но и такому проценту мы объявили решительную войну. Каждый день ребята осматривают друг друга и о результатах рапортуют на «линейке», а перед родителями мы поставили обязательство, чтобы дети ходили в школу обязательно чистыми как в отношении одежды, так и в отношении лица, рук и всего тела. В нашей школе 90 процентов учащихся — дети шахтеров, людей самой «грязной» профессии, но мы стараемся через детей внедрить чистоту и в шахтерские семьи и добиваемся успехов. Советские шахтеры стали несравненно чище и культурнее, чем шахтеры дореволюционные.

Какова связь школы с производством? Над нами шефствует Краснознаменная шахта № 2, с нею есть договор. Шахта отпустила нам 5.000 руб. на ремонт и вообще относится к нам очень внимательно. Устраиваем совместные вечера вместе с шахтерами-комсомольцами, и вечера эти проходят хорошо. Мы шахте помогаем тем, что занимаемся там в школе ударников и партийного актива в порядке общественной работы, а в дни тех или иных кампаний силами нашей школы проводим в шахте между сменами беседы и короткие митинги, причем выступают и старшие ребята и педагоги. Характерно, что рабочие слушают ребят хорошо и всерьез.

У всех наших педагогов есть, конечно, общественные нагрузки, охотно выполняемые ими. Я лично несла общественную работу сначала на шахте: долго работала по ликвидации неграмотности, потом три раза в пятидневку преподавала рабочим русский язык. Три года руководила делегатками горсовета, из этих делегаток, вышли такие примерные активистки, как Тюменина, Калашникова. Очень большая работа была проделана мною среди рабочих союза строителей, среди рабочего молодняка. При строительном клубе я, между прочим, организовала бригаду, поставившую себе целью борьбу с прогулами, путем лекций, индивидуальных бесед, стенной газеты. Прогулы действительно сни-

зились, и я была премирована, как лучший организатор рабочей молодежи на руднике.

Была я еще членом горсовета, членом городского комитета союза рабпрос, членом ревизионной комиссии. В нынешнем году у меня общественной нагрузки меньше, так как вечерами я посещаю педагогический институт, повышаю свою квалификацию: я убедилась в том, что наша социалистическая педагогика поднимается с каждым годом на все более высокий уровень и отставать от этого уровня нельзя.

Принимаю я участие и в благоустройстве города: провела несколько субботников вместе с шахтой, — строили тротуары, ограждения для деревьев. Наши учащиеся тоже включились в кампанию по благоустройству: взялись следить за охраной насаждений Артемовской улицы. У каждого пионерского отряда есть свой участок, и пионеры действительно следят за ним.

Процент пионеров в нашей школе значителен: из 500 учащихся — 320 пионеры и октябрята. Но этого, разумеется, недостаточно. Мы боремся за стопроцентный охват детворы детским коммунистическим движением. Да и как же иначе! Наш шахтерский город, жемчужина Кузбасса, должен быть и в этом отношении передовым.

★

Рабочий в шахте *Худ. Девинов*

Пионерка Бикташева

Когда в Красную книгу имени XVII съезда партии потребовалось вписать имя лучшего члена пионерской организации Прокопьевска, была единодушно названа одна девочка — Кашифа Бикташева, маленькая, черноглазая татарочка, которой только-что исполнилось 11 лет.

Она приехала на рудник с Урала. Первые годы ее детства прошли в колхозе под Свердловском. Родителей она почти не помнит, они рано умерли.

Бабушка сказала ей:

— Поедем к твоему брату в Сибирь, в Прокопьевск.

Брат служил здесь сторожем. Потом спустился в шахту, учился добывать уголь. Теперь он забойщик, ударник.

Кашифа поступила в национальную татарскую школу. Она сказала брату.

— Я тоже хочу быть ударницей.

И вот она в пионерском отряде имени Буденного, она — вожак показательного звена имени Калинина.

Давно осиротев, она не знает, что такое семья, и не грустит о ней.

Ее семья — звено Калинина, отряд Буденного, класс, в котором она учится, вся татарская национальная школа.

В школе сотни ребят, и каждый из них знает маленькую Кашифу.

— Кто лучше всех учится?

— Кашифа.

— Кто хочет, чтобы и другие учились хорошо?

— Кашифа.

На вопрос о готовности помочь другим, она четко отвечает на своем родном языке.

— Хар вакет хазер! Всегда готова!

И доказывает свою готовность делом.

Ее волнует каждый «неуд», полученный кем-либо в ее классе. «Неудов» быть не должно. «Неуды» — позор для класса, для отряда.

К слабым и отстающим она прикрепляет более сильных и сама следит за их занятиями. Если отставание продолжается, она вызывает родителей.

Родители приходят. Кашифа делает строгое лицо и устраивает им целый допрос: известно ли им об отставании? Что они намерены делать? Не мешают ли занятиям они сами, не заставляют ли дома много работать? И пусть они не вздумают ругать или бить отстающего, пусть только поговорят с ним.

Ученица Сулейманова, состоящая в том же показательном звене, отставала. Звено участвовало в соревновании, оно было сплошь ударным, а Сулейманова портила все дело.

На сборе звеноводов вожатый сказал Кашифе с упреком.

— Твоя Сулейманова нас позорит.

Кашифа залилась румянцем стыда и заплакала. Это были горькие слезы обиды, обиды не за себя, а за звено, за класс, за отряд. Но слезами делу не поможешь. И тогда она предъявила встречное требование.

— Прикрепите к Сулеймановой крепкого пионера, и она догонит передовых.

И когда пионера прикрепили, Сулейманова догнала.

Каждый день Кашифа говорит своему звену.

— А ну-ка, ребята, покажите тетради. В порядке ли они? Нет ли грязи, пятен?

— Покажите руки, чистые ли они? Покажите рубашки?

Она бывает у ребят на квартирах и, заметив непорядок, заявляет о нем на собрании звена. Она дает в стенгазету заметки не только об учебе, о пионерработе, но и о борьбе с тифом, о конкурсе рабочих квартир.

Можно подумать, что она не по летам серьезна, эта черноглазая девочка. Но взгляните на нее во время большой перемены.

Никто так не поет, никто так не танцует, никто так не веселится, как она.

Сначала на нее только смотрят, потом начинают подпевать, подплясывать, и вот уже веселится все звено, весь класс. Как от искры, от Кашифы загораются все. Она только сверкает черными, смешливыми глазенками, да едва успевает поворачивать голову на вопросы, восклицания, аплодисменты.

Вернувшись домой, Кашифа снова становится серьезной (не-хватает только очков на носу). Она важно развертывает газе-ты: московскую — «Пионерскую правду», новосибирскую — «Юный ленинец». Потом книжки — на русском и на татарском языке.

Ей очень понравился «Рассказ о великом плане». Она чи-тала его два раза.

Ей понравились и «Приключения Мюнхгаузена», — конечно, явное вранье, но такое веселое, такое забавное, — даже среди ночи, как вспомнишь, — нельзя удержаться от хохота.

Читать приятно, но ведь надо еще постирать. Не просить же ей об этом бабушку, которая и без того в жизни слишком мно-го работала. Нет, руки у Кашифы умелые, и она привыкла все делать сама. Она начинает греть воду... Не итти же завтра в школу в грязном платье! Но грязные пятна кажутся Кашифе на этот раз даже симпатичными: ведь это не результат баловства и неряшливости. Нет, пятнышки говорят о том, с каким стара-нием и жаром Кашифа копала ямки для посадки деревьев на бульваре, как бережно уминала землю вокруг посаженного ку-стика...

Будущей весной Прокопьевск зазеленеет еще больше, еще веселее!

★

Октябренок *Вера Романова*

Разговор с октябренком

Рассказывает Вера Романова, одна из лучших ударниц учебы Прокопьевска.

— Ну, рассказывай, Вера, сколько тебе лет, как учишься, как живешь?

— А что ты в школе еще делаешь, кроме того, что учишься?

— Я председательница класса и организовываю перемены, чтобы ребята играли.

— Мне 8 лет. Учусь хорошо. Я уже во втором классе.

— А как это ты делаешь?

— Ребята сидят на лавках и хулиганят, мы возьмем несколько девочек, станем звать других, собирается группа и играем всю перемену. И еще слежу за санитарной комиссией. А комиссия следит за тем, у кого руки грязные и которые неряхи и замарашки. У нашего санитара есть такой большой лист, где он все отмечает, и повязку красную носит, и про все говорит учительнице. И есть еще хозяйственная комиссия, которая проверяет, где парты поломаны, где скамейки, и говорит про это учительнице, а она уж должна об этом говорить, не знаю кому.

— А как ты проводишь время дома?

— Приду из школы и сначала покушаю, потом делаю уроки, потом играю на улице с девочками во всякие игры. И еще «Октябрьскую звездочку» читаю, книжки разные...

— Какие же именно?

— Разные. Читала, например, про Узбекистан, там раньше были баи, а сейчас колхозы из аулов делают. Про лес читала, про зверей. И «Мойдодыр» и «Приключение травки»... И еще про пуделя.

— Молодец, Вера!

— Про кружки тоже рассказать? Я в затейном кружке и еще записалась в музыкальный. И модельный кружок мне нравится, как там модели делают и они летают.

— Вот когда ты окончишь школу, кем будешь? Доктором, инженером, или кем?

— Летчиком. Ведь женщины теперь тоже летают?

— Ты не думаешь, что это так страшно? Полетишь и вдруг трах-тарарах...

— Ну вот еще... Да я и сейчас на аэроплан села бы, ни чуточки даже не страшно. А зато интересно как!

— Ты отвечаешь за весь класс? А в вашем классе есть хулиганы?

— Есть. Чемоданов хулиган. Ну, понимаете, на уроках никак не сидит. На самой первой парте, и никак не сидит прямо, все вертится и задевает, смеется, бьет. И еще Милославский, он на второй парте...

— А ты, как председатель класса, уговариваешь их?

— Ну да. Вот придем, соберутся ребята, учительница говорит и я говорю, а они не слушают. Прямо не знаем, что с ними и делать. Родителей уже вызывали... Такие вредные ребята!

— Ты октябренок?

— Да.

— У тебя в звездочке сколько человек?

— 22. У нас четыре звездочки. У нас недавно сбор был.

— О чем же толковали на сборе?

— Вожатая рассказывала, что такое салют и зачем салют, и о галстуке рассказывала, и как ребятишки в других странах живут, и записала в звено, и говорила, как работа пойдет дальше.

— Ты была премирована? Чем?

— Один раз пеналом, другой раз видочком под стеклом и еще грамоту давали. В грамоте написано: Вера Романова ударница учебы. А я просто хорошо учусь, потому что все должны хорошо учиться.

— А в кино бываешь?

— Бываю.

— Какие же картины тебе нравятся?

— «Челюскин» и «Чапаев».

— А какая больше?

— «Челюскин». После этой картины захотелось летать! Там про героев интересно, как они во льдах плыли, и как их спасали. Я и в театре бывала, в ТЮЗ'е. Смотрела «Хижину дяди Тома». и немножко плакала. И другие ребята плакали. И сын заведующей школой плакал, а он уже в пятой группе.

— А еще что видела?

— «Ревизора» смотрела. Ну, это совсем про другое. Это как при царе жила одна семья. Услышали, что приехал ревизор, а не знали, кто он такой, и повели показывать все. Ну, оказывается, он не ревизор. Он жил в гостинице, его кормили обедом, а денег он не платил. Пришел городничий и говорит: «Хотите покажу тюрьму»? Он испугался, знает, что напроказил. А в конце пришел солдат и сказал, что приехал настоящий ревизор, и они подняли руки, испугались... Ну и смешные же были эти старые чиновники! Ой, какие смешные. И противные, фу!

★

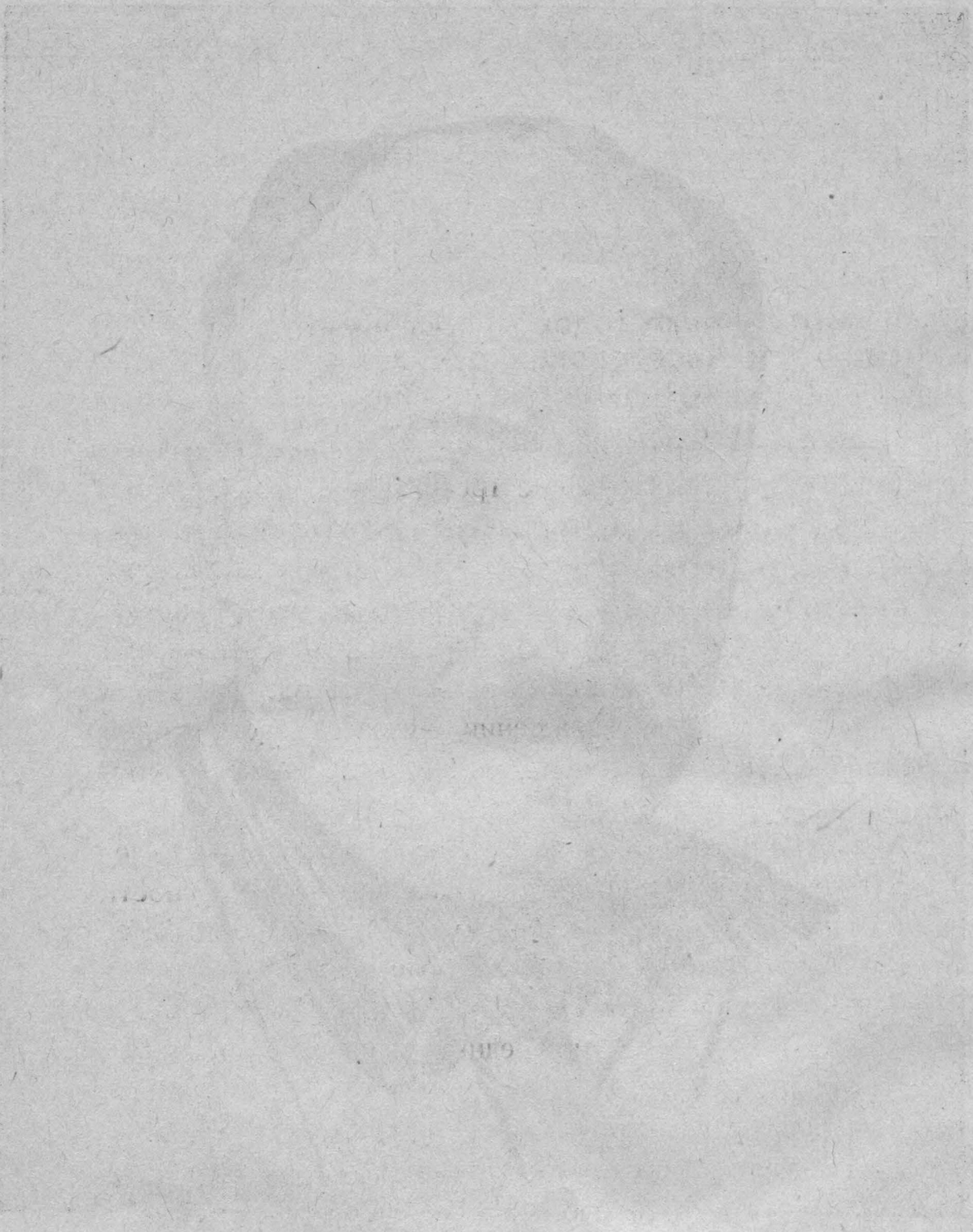
«ВОЗЬМЕМ, СКАЖЕМ, КАМЕННОУГОЛЬНУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ВОЗЬМЕМ ТАКОЙ НОВЫЙ РАЙОН, КАК КУЗБАСС. ЧТО ЗНАЧИТ ТЕХНИЧЕСКИ РЕКОНСТРУИРОВАТЬ ЭТУ ОТРАСЛЬ ХОЗЯЙСТВА И ОДНОВРЕМЕННО ОСВОИТЬ ЕЕ ТЕХНИКУ? ЭТО ЗНАЧИТ, ТОВАРИЩИ, ВО-ПЕРВЫХ: ВО ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКЕ НЕУКЛОННО ПРОВОДИТЬ И ДАЛЬШЕ КОНЦЕНТРАЦИЮ СТРОИТЕЛЬСТВА ШАХТ, Т. Е. ИМЕТЬ ЕЩЕ БОЛЬШУЮ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКУЮ МОЩНОСТЬ КАЖДОЙ ШАХТЫ; ЭТО ЗНАЧИТ — В КАЖДОЙ ШАХТЕ ПОДЗЕМНЫЕ РАБОТЫ ВЕСТИ БОЛЕЕ КОНЦЕНТРИРОВАННО; ЭТО ЗНАЧИТ — ОСУЩЕСТВИТЬ КОМПЛЕКСНУЮ МЕХАНИЗАЦИЮ НА НАШИХ РУДНИКАХ; ЭТО ЗНАЧИТ — ПОСТАВИТЬ И РАЗРЕШИТЬ В УСЛОВИЯХ КУЗБАССА ЧРЕЗВЫЧАЙНО СЛОЖНУЮ ПРОБЛЕМУ ЗАКЛАДКИ; ЭТО ЗНАЧИТ — НАУЧИТЬСЯ ГРАМОТНО УПРАВЛЯТЬ КРОВЛЕЙ, ОСОБЕННО МОЩНЫХ КРУТОПАДАЮЩИХ ПЛАСТОВ; ЭТО ЗНАЧИТ — РЕКОНСТРУИРОВАТЬ ВСЮ НАШУ ПОВЕРХНОСТЬ, КОТОРАЯ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ЕЩЕ ОЧЕНЬ ПЛОХО ВЫГЛЯДИТ; ЭТО ЗНАЧИТ — ПЕРЕВЕСТИ НА ТАК НАЗЫВАЕМУЮ ИСКУССТВЕННУЮ ВЕНТИЛЯЦИЮ НАШИ СЛОЖНЫЕ ШАХТЫ — ШАХТЫ-ЗАВОДЫ; ЭТО ЗНАЧИТ — ПОСТАВИТЬ ДЕЛО ДИСПЕТЧЕРСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРИ САМОЙ ШАХТЫ В СВЯЗИ С ОГРОМНЫМ ГРУЗОПОТОКОМ, КОТОРЫЙ МЫ ИМЕЕМ ПОД ЗЕМЛЕЙ, ИСПОЛЬЗУЯ СИГНАЛИЗАЦИЮ, БЛОКИРОВКУ И Т. Д.; ЭТО ЗНАЧИТ — УПОРЯДОЧИТЬ ЭЛЕКТРОСЕТЬ И ВСЕ ВОЗДУХОПРОВОДЫ, КОТОРЫЕ ИМЕЮТСЯ У НАС В ШАХТАХ; ЭТО ЗНАЧИТ — РАЗРЕШИТЬ ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЕЩЕ НЕ РАЗРЕШЕНЫ В ДОСТАТОЧНОЙ СТЕПЕНИ: ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОМОЛОТКА, ПРИМЕНЕНИЕ БУРЕНИЯ ШИРОКОГО ДИАМЕТРА И Т. Д., И Т. Д.; ЭТО ЗНАЧИТ, ТОВАРИЩИ, ЧТО НАРЯДУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДОСТИГНУТОГО ТЕХНИКОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН НАДО ПРИБАВИТЬ ВСЕ ТО НОВОЕ, ВСЕ ТО БОЛЬШОЕ, ЧТО ДЕЛАЮТ СЕЙЧАС МИЛЛИОНЫ ЭНТУЗИАСТОВ, ГЕРОЕВ-УДАРНИКОВ РАБОЧИХ И ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА».

Из выступления т. М. Л. Рухимовича на XVII съезде ВКП(б).

★

М. Л. РУХИМОВИЧ.

Заместитель народного комиссара тяжелой промышленности.



ПРИКАЗ
по
Народному Комиссариату
Тяжелой Промышленности

№ 24
5 января 1935 г.
гор. Москва.

Досрочное выполнение годовой программы Прокопьевским и Киселевским рудниками Кузнецкого каменноугольного бассейна.

Идущее гигантскими шагами развитие всего народного хозяйства предъявляет соответствующие требования к угольной промышленности. В решающие дни, когда вся тяжелая промышленность, и в частности угольная, борется за право рапортовать седьмому съезду советов не только о выполнении, но и о перевыполнении программы 1934 года, Прокопьевский и Киселевский рудники Кузбасса, осуществляя решение XVII съезда партии и указания т. Сталина о превращении Кузбасса во второй Донбасс двадцать четвертого ноября, т. е. за 36 дней до срока, выполнили годовую программу.

Прокопьевский рудник выполнил годовую программу угледобычи в 3.175 тысяч тонн. Плановая месячная производительность трудящегося по эксплоатации — 33 тонны — перевыполнена. Себестоимость угля франко-вагон составила: в первом квартале — 11 рублей 93 коп., во втором квартале — 10 руб. 63 коп., в третьем квартале—10 руб. 44 коп., при средней годовой плановой величине — 11 руб. 22 коп.

Киселевский рудник выполнил годовую программу угледобычи в 1.124 тысячи тонн. Себестоимость угля франко-вагон составила: в первом квартале — 10 руб. 96 к., во втором квартале — 10 р. 22 коп.; в третьем квартале — 10 руб. 77 коп. при средней годовой плановой величине — 10 руб. 85 коп.

Прокопьевский и Киселевский рудники за три квартала перевыполнили план поставки марочных углей в среднем на четыре и шесть десятых процента угля марки «К», отправили 1.610 тысяч тонн против нарядов в 1.472 тысячи тонн и угля марки «ПС» отправили 413 тысяч тонн против нарядов в 365 тысяч тонн.

За ударную и примерную работу в деле досрочного выполнения программы угледобычи Прокопьевским и Киселевским рудниками приказываю:

1. Премировать личными легковыми машинами: управляющего Прокопьевским рудником т. Овсянникова Ф. Е. и главного инженера этого рудника т. Люри В. В.

2. Премировать личными легковыми машинами: управляющего Киселевским рудником т. Курагина И. А. и главного инженера этого рудника т. Горячего Н. И.

3. Премировать личными легковыми машинами: главного инженера комплекса 3—3-бис т. Корсака. главного инженера Афонинского комплекса т. Зайцева, начальника участка шахты 5—6 т. Коровина, лучшего ударника Прокопьевска т. Борисова, лучшего ударника Прокопьевска т. Апанаскина и лучшего ударника Киселевки т. Подкорытова.

4. Управляющему трестом Кузбассуголь т. Плеханову Л. И. в декадный срок представить мне список заслуживающих особого поощрения ударников Прокопьевска и Киселевки для премирования их курортными путевками, патефонами, радиоприемниками, велосипедами и часами.

Выражаю твердую уверенность, что Прокопьевский и Киселевский рудники, использовав огромные производственные резервы, в 1935 году достигнут еще лучших показателей.

Народный комиссар тяжелой промышленности
ОРДЖОНИКИДЗЕ.

За полмиллиона тонн угля сверх плана— к VII съезду советов

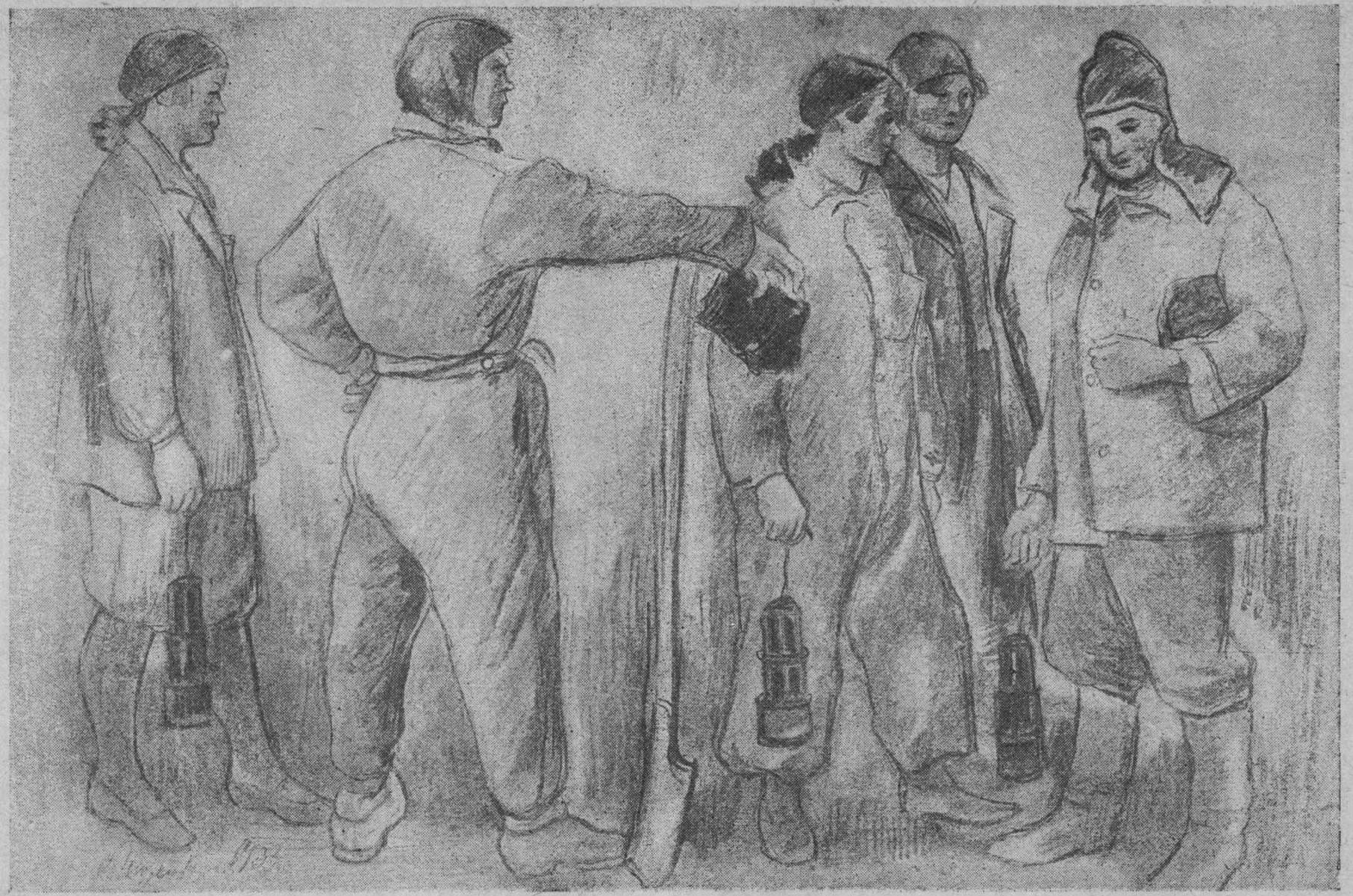
Прокопьевск, горком ВКП (б) — т. КУРГАНОВУ
Горсовет — т. РОМАНОВУ
Рудоуправление — т. ОВСЯННИКОВУ и т. КУРАГИНУ
Рудком — т. ГРЕЧИХЕ

Горячо поздравляем вас, всех ударников, руководителей и специалистов Прокопьевского и Киселевского рудников с блестящей победой — с выполнением на 37 дней раньше срока годовой программы угледобычи. Вы идете в передовой колонне строителей второго Донбасса. Крайком и крайисполком уверены, что вы, твердо следуя указаниям товарища Сталина, с неменьшим успехом выполните взятое вами на себя обязательство — дать стране к открытию VII съезда советов дополнительно полмиллиона тонн угля и большевистской подготовкой к предстоящему году, осваивая передовую технику, добьетесь овладения в 1935 году новыми грандиозными высотами в борьбе за уголь, в борьбе за новые победы социализма.

Р. Эйхе.
Ф. Грядинский.
К. Сергеев.

Худ. А. Нюренберг

Кучумов—ударник нацмен (бывш. спецпереселенец).



Женская бригада

Худ. А. Нюренберг

Горняцкий молодняк

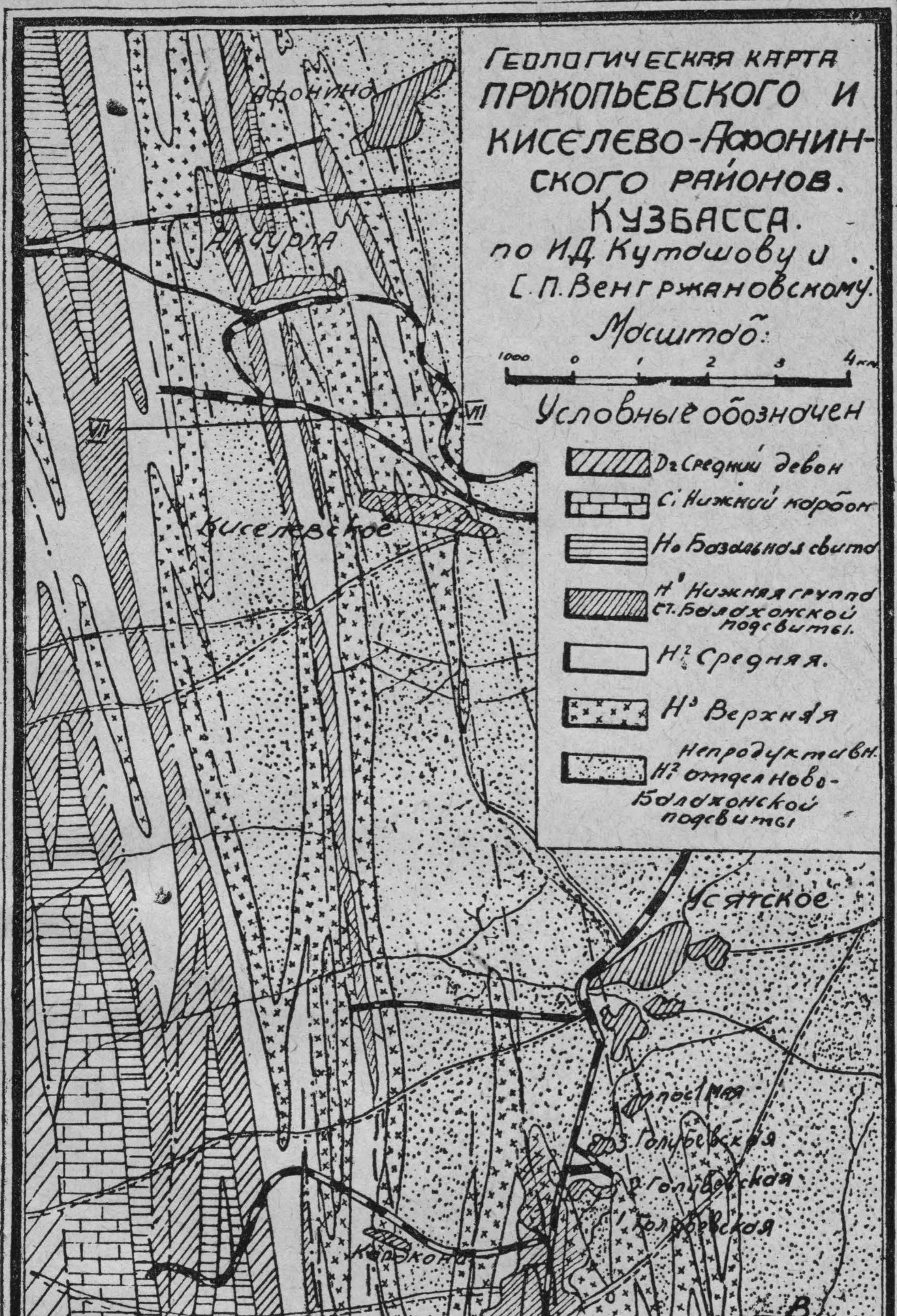
Худ. Перельман

Перед спуском в шахту

Худ. Нюренберг

В забое *Худ. Девинов*

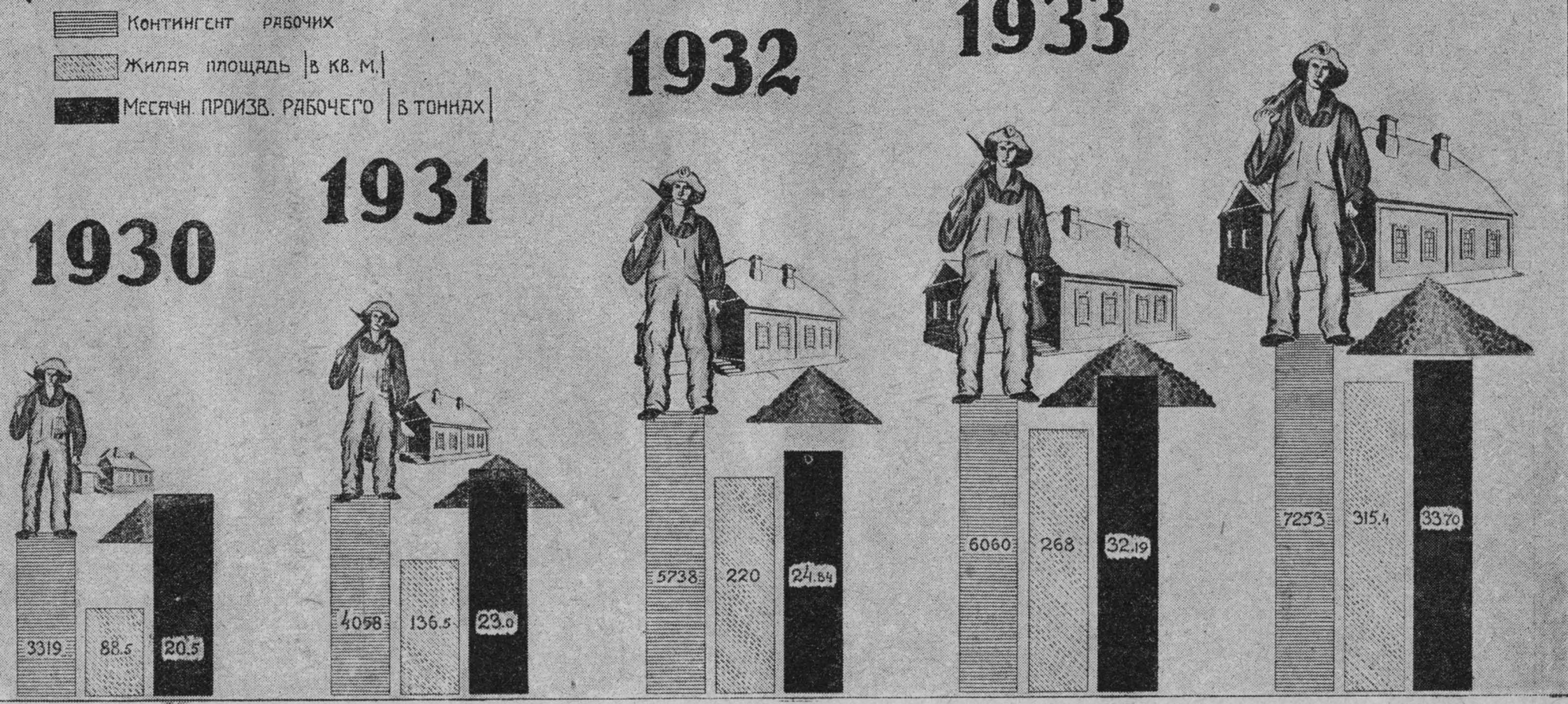
ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА
И
ДИАГРАММЫ


Геологическая карта
Прокопьевского и
Киселево-Афонинского районов.
Кузбасса.
по И.Д. Кутдашову и
С.П. Венгржановскому.
Масштаб:
1000 0 1 2 3 4 км
Условные обозначен
Д2 Средний девон
С1 Нижний карбон
Н0 Базальная свита
Н1 Нижняя группа ст. Балахонской подсвиты.
Н2 Средняя.
Н3 Верхняя
Н2 Непродуктивн. отдел Ново-Балахонской подсвиты
Афонино
Усятское
Киселевское
Прокопьевск
Зенерщово
пос. 1 Мая
Голубевская
VII

КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯ
и средняя нагрузка одной шахты.
= Прокопьевского р-она. =
219 т.т
155 т.т.
97 т.т.
330 т.т
364 т.т.
14233
33563
45361
55485
45052
1930.
1931.
1932.
1933.
1934.

Рост контингента рабочих, жилой площади и производительности рабочего

Контингент рабочих
Жилая площадь (в кв. м.)
Месячн. произв. рабочего (в тоннах)



Электро — вооруженность
Прокопьевского р-на.
Мощность установ. элект. моторов. в клв.
528
1930.
2150
1931.
4240
1932.
4822
1933.

ОБЩАЯ ДОБЫЧА УГЛЯ

по Прокопьевскому району,

в том числе механизированная и добыча

угля марки „К" и „ПС" в тыс. тонн

(для коксования)

МЕХАНИЗИРОВАНН. ДОБЫЧА

ДОБЫЧА УГЛЯ МАРКИ „К" И „ПС"

ДЛЯ КОКСОВАНИЯ

ВЫВОЗ УГЛЯ
по Прокопьевскому району
в тыс. тонн.
24/25
70
25/26
163
26/27
397
27/28
411
28/29
502
29/30
834.8
30
834
31
1062.6
32
1785.4
33
2435
34
3412
35
4325
Коксовая
ст. 10
3-3 бис
№ 5
№ 6
№ 7
№ 8
№ 9
№ 11

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Письмо тов. Сталину 3
Прокопьевский рудник 7
Черная река 15
Знатные люди. 65
Бригадир Борисов. 66
Забойщик Бредис 70
Забойщик Мангалей Шакиров. 73
Бригадир Апанаскин 79
Инженер Корсак 82
Врач-орденоносец Г. А. Бухвостов 86
Мария Чащина. 89
Вера Николаевна Абрамова 93
Пионерка Бакташева 98
Разговор с октябренком 101
Приказ по Народному комиссариату тяжелой промышленности. . 107
За полмиллиона угля сверх плана к VII съезду советов 109
Геологическая карта и диаграммы 121

Обложка и рисунки художников
**Д. Девинова, А. Нюренберга,
А. Перельмана, Мидлера.**

Художеств. оформл. **М. А. Зеликсон.**

Ответственный редактор **В. Итин.**
Технический редактор **Н. П. Исаев.**

Уполн. Главлита № В-16766.
Заказ № 48.
Тираж 6 000 экз.

Бумага 62 × 88 см. 25 500 б. л.
8,5 печ. л. 40 000 зн. в п. л.

Сдано в производство 5/I—35 г.
Подписано к печати 17/I—35 г.

Отпечатано в тип. «Гудок»,
Москва, ул. Станкевича, 7.
Заказ № 119.

Туркменистан
DEVLET
Государственная